

Валерий Столыпин

Интимная
Гравитация

18+

Рассказы о любви и интимных отношениях

Валерий Столыпин

Интимная гравитация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64769232

SelfPub; 2023

Аннотация

Специалисты в области предсказаний судьбы могут отдыхать. Пути реальных событий в жизни и пророчества обитают в разных мирах. Искушения и соблазны, случайности и совпадения, провокации и побуждения, художественно исполненный флирт, принуждение, увлечения, развлечения, искусные манипуляции, обман, влюблённость вопреки, семейная и интимная гравитация. Поводов поступить не так как нужно и правильно, вопреки логике, во вред себе, миллионы. Никто не знает, что через секунду может заставить совершить прыжок в сторону. Жизнь непредсказуема в принципе, чем и прекрасна.

Содержание

Не каждому дано	4
Течёт река, прекрасная река	27
Сентиментальное настроение	50
Преодолеть страх	57
А ночь была как музыка, как милость	67
Причудливые виражи	79
Верь в судьбу	149
Дивный вечер с Мальвиной	162
Дуальность	171
Настоящая дружба после любви	214
Дракошечка	222
О Луне, о звёздах, обо всём	235
Нужное направление	243
О друзьях и подругах	250
Утолённая жажда	263
О самой первой любви	271
Ох уж эта Леночка	284
По тонкому льду	297
Полтора килограмма эмоций	314
Разобраться в себе	327
Я уже подумал. Оставайся	346
Я тебя лю...	362

Валерий Столыпин

Интимная гравитация

Не каждому дано

Когда земля уходит из-под ног.

Ложится мир всей тяжестью на плечи.

Счёт на секунды от последней встречи.

И море слов, и оправдаться нечем.

И что ни делай – всё один итог.

Смолчать. Сдержаться. Только я не смог.

Остановиться. У открытой двери.

Обнять тебя. Не осознав потери.

Как трудно не отчаяться и верить,

Когда земля уходит из-под ног.

– Никита, выручай, – слезливо скулила Вика Гурина, подруга детства, работающая после недавнего конфликта на прежнем месте в его консалтинговом агентстве ассистентом делопроизводителем, – понимаешь, я втрескалась... я очарована им до потери пульса, до психотравмы с сотрясением мозга. Северьян такой милашка. Представляешь, у него фамилия Барышников, как у великого танцора. И вообще...

Последнюю фразу женщина произнесла с придыханием, с мольбой прикладывая руки к груди, вывалив скороговоркой кучу ненужной романтической информации.

На зону декольте и грустные оленьи глаза сотрудницы Никита Данилович не мог смотреть равнодушно никогда: он был безнадежно влюблён в эту удивительную малышку с тринадцати лет. Ему ли было не понять муки неодолимой страсти.

– Виктория Леонидовна, вы не заметили, это служебный кабинет. Личные вопросы в нерабочее время. В половине шестого приглашаю вас на ужин. Там и обсудим.

– Не понимаешь, да... не хочешь услышать! У меня шторм в голове, мерцающие точки перед глазами, шелест

осенних листьев под ногами, музыка летнего дождя в брызгах радуги. Ты влюблялся когда-нибудь? Хотя, о чём я! У тебя мозг заточен на аналитику, на финансы, на инвестиции. Вы же, мужчины, ненормальные: ничего кроме бизнеса не видите.

– Не скажи... те, Виктория Леонидовна. У меня тоже есть нереализованная мечта, я тоже до неприличия сентиментален. Да, у меня есть сокровенная тайна. Попытался запереть её в пещере грёз, но, увы... неудачно. Освободите кабинет... пожалуйста, мне нужно работать. Вам, на что очень надеюсь, тоже.

– Та-а-к, да... разве тебе, бездушному. самоуверенному цинику, понять, что чувствует эмоциональная женщина, потрясённая неукротимой энергией романтической страсти! Помнишь хоть, как звучит, чем пахнет звёздная ночь в июле... а вкус черешни на губах... помнишь? Я околдована трепетными благоговением, волнением в ожидании чуда, эмоциями особенного, восторженного состояния, а ты меня на "вы"! Вот уже неделю я бегаю во сне босиком... по росе скачу как ненормальная, ловлю ртом хрустальные дождевики, слушаю волшебные трели соловья, наблюдаю за полётом шмелей, мотыльков, стрекоз, боясь спугнуть очарование момента. Я так счастлива, так люблю жизнь... что хочется закрыть глаза... и умереть.

– Замечательно. О деталях похоронных мероприятий в связи с репетицией твоей кончины, о фейерверках закатов, ярких рассветных шоу с участием соловьёв и жаворонков, и о чём только заблагорассудится, поговорим позднее. В семнадцать тридцать... я закажу столик в кафе.

– Не изображай из себя дерево дубину, Никита Данилыч. Я сама приглашу тебя... когда выполнишь одну мою просьбу.

– Хорошо! Излагай... конспективно, кратенько. Только суть.

– Вот. Ты же знаешь, я живу с мамой. У неё радикально консервативные взгляды на всё, что связано с отношениями мужчины и женщины. Привести Северьяна домой я не могу в принципе. Она не поймёт. Мне необходимо поговорить с ним в волнующей интимной обстановке: он, я, тихая трогательная музыка, свет оплывшей свечи, щекочущая нервы пульсация сближения в неторопливом ритмичном танце. Дрожащие руки на моей талии, влажные губы со вкусом черешни...

– Виктория, зачем же пересказывать мне сюжет пространного дамского сериала? Я просил – коротко и ясно, в двух

словах.

– Мне нужны ключи... от твоей холостяцкой берлоги. На один единственный вечер.

– Плавно перетекающий в ночь, где кто-то с кем-то будет танцевать нагишом, шелестеть новенькими простынями и разводить бабочек... в животе. Так, кажется, описывают неистовую страсть в бульварных романах. Забавно. Почему же с подобной, гм-гм... с пикантной, весьма щекотливой интимной инициативой, Виктория Леонидовна... да, вот... почему вы обратились с этой просьбой именно ко мне, к мужчине, более того, к своему начальнику?

– И другу. Надеюсь, ты об этом не забыл!

– И ещё два весьма интересных вопроса... весьма конкретных, сбивающих, так сказать, с толка. Относительно персоны, естественно... как бы это деликатно выразиться, претендента в фавориты. Первый – ваш... сердечный друг, он альфонс, жиголо, бомж... как назвать мужчину, который не может пригласить... возлюбленную... в более интимное место? И второй – где в этот трогательный момент созерцать звёздное небо буду я?

– Не имею представления. У меня голова идёт кругом. Ты же мужчина. Придумай что-нибудь. Сними номер в гостинице. Переночуй у любовницы, наконец.

– Я всю жизнь люблю только одну женщину. Боюсь, она не очень обрадуется, если попытаюсь попроситься к ней с ночёвкой.

– Познакомишь? Пойми, Никита, это же моя заветная мечта, моя стратегическая инициатива. Как я могу напрягать мужчину, которого сама пригласила на свидание!

– Час от часу не легче. Ты... его... сама. Любопытно взглянуть на это... на это чудо. То есть, ужин в компании старинного друга ты отменяешь, аннулируешь, в пользу героя пикантной новеллы. Так, значит, слушать в сумерках трель соловья, наблюдать за мерцанием звёзд и светляков, слушать шум волн в ночной тишине, дышать ароматной прохладой, то есть всю первую часть изложенной мне с чувством мечты, ты предлагаешь играть мне. В гордом одиночестве. А второй акт, собственно, сам любовный водевиль, на моих простынях, исполнит мастер.

– Верещагин, не будь букой. У нас с тобой было детство, полное приключений, юность с песнями у костра. Помнишь, как мы угнали у сторожа лошадь, как катались на ней без седла до самого утра? А наводнение в чужой лодке. Мы утащили три рыбины из чьей-то сети, уплыли на остров, варили уху, наелись до отвала, заснули в обнимку, замёрзли как

цуцки, согревали друг друга, потом гребли домой в полной темноте. Было так здорово... так романтично, так страшно. Да у нас столько всего было, столько.

– Ты забыла... мы целовались с тобой на том острове.

– Скажешь тоже. Просто баловались. Правда, потом – на выпускном, мне показалось, что ты целовал меня по-настоящему. Впрочем, стоит ли вспоминать, это было в другой жизни.

– Я бы и сейчас не прочь повторить подобную шалость.

– Ха! Да целуй, сколько влезет... потом, когда-нибудь. Только предупреди заранее. Но сначала ключи.

– Ладно, подумаю, до конца рабочего дня достаточно времени.

– Слушай, Верещагин, а что ты там про мечту говорил, про тайну, которую куда-то там спрятал, это что-то детское?

– Так, блажь, не бери в голову. Может, я лучше тебе номер в гостинице сниму?

– Ещё чего, это же пошло! Сева может подумать, что я...

что я женщина лёгкого поведения.

– Думаю, ты сумеешь в любой обстановке дать понять, что характер у тебя, как и моральный кодекс, которому следуешь неизменно, назвать экстравагантным и легкомысленным не получится. Ты у нас кремень. Вика, что-то в твоей просьбе смущает меня, раздражает, настораживает. Выходит, что ты, как бы мягче выразиться, напрашиваешься, компрометируешь себя, провоцируешь на экстравагантное... на дерзкое поведение. Скажи честно, ты придумала своего Северьяна, ты совсем его не знаешь. Давай лучше поужинаем, обсудим. Роковые ошибки – это ненужная боль, это разочарование, если не катастрофа.

– Никита Данилович, мы с тобой друг о друге всё знаем. Скучное это занятие – ужинать просто так, когда судьба предлагает сыграть на божественной скрипке. Обещаю, следующая очередь – твоя.

– Что ты имеешь в виду, что мой номер шестнадцатый, или двадцать пятый?

– За те полгода, что мы не виделись, после того как я попала в беду, я страдала, в отчаянии написала целый том, около двухсот стихотворений, два десятка песен. Буду читать тебе все, буду петь, хоть до самого утра. Хоть трое суток подряд.

Ключи...

Никита смотрел на женщину, которую любил больше всех на свете, только признаться в этом, не смел, с надеждой, что это нелепый розыгрыш, что сейчас она рассмеётся, скажет, что пошутила.

Неужели Вика не видит, как он смотрит на неё, как из кожи вон лезет, мечтая быть рядом?

Его основательно трясло, но отказать любимой в просьбе не было сил. Она могла понять признание в романтических чувствах превратно.

В служебном сейфе лежал дубликат ключей, но отдать их Вике – обокрасть себя, предать собственное светлое чувство. Это по большому счёту сводничество.

– Во сколько я должен уйти?

– Не знаю точно. Это будет экспромт, Сева пока ничего не знает. В смысле, я его обнадёжила, но детали не раскрывала, потому что сомневалась, получу ли согласие от тебя. Мы немного попасёмся в парке, нагуляем всякий разный аппетит, проникнемся очарованием момента, почувствуем неодолимое желание поделиться друг с другом тайной и то-

гда. Я так счастлива! Да, обещай открыть мне то сокровенное, что безуспешно пытаешься от себя спрятать. Вместе мы справимся, обещаю.

Верещагин посмотрел на Викторию так, что другая женщина разрыдалась бы у него на плече. Другая, но не она. Вика была в очередной раз ослеплена и обманута собственным воображением.

– Так вот, Никита Данилович... мне нужно сначала почувствовать острую необходимость... остаться с ним наедине, поделиться по-настоящему личным, желание доверять, довериться.

Ты же знаешь – я неисправимый романтик. Самое важное для творческой личности – гармоничная композиция волнующих событий, пикантный, но не вульгарный сюжет изысканного пиршества близости, эмоциональное и духовное наполнение обряда посвящения, когда всё-всё начинается с возвышенных чувств, а не с инстинктов.

Чарующая мелодия любви, атмосфера нереальной таинственности, ускоряющийся темп интимного сближения, эффектные штрихи финального поединка. Здесь важно всё: замысловатая интрига, безумный полёт фантазии, яркие краски, много-много красок, объёмный антураж, запахи, звуки.

Я всё продумала.

Самая лакомая составляющая любовного приключения – предвкушение наслаждения, ожидание чуда. Представляешь – объёмная психологическая картинка, трепет сладостного

томления, связанный с неизвестностью, с неожиданным открытием, с новизной. Секс – награда для мужчины, а не добыча.

– Что-то страшновато мне за тебя. Открытия... знаешь ведь про ящик Пандоры. Открыть легко, что потом со всем этим делать – вот вопрос. Вижу, чувствую, неуверенна ты, так ли Сева хорош, каким вообразила его, готов ли он сделать усилие, чтобы твои романтические побуждения, всё это наполнение, эффектные штрихи и антураж воплотить в реальность. Жизнь – не песня, не спектакль, не феерия.

– Ну-у-у... где-то что-то настораживает, чисто женское, неосознанное. Скорее, просто осторожничаю. Ты же знаешь – я дважды выскакивала замуж. Оба романа начинались с неземной любви, со сказки о вечном и бесконечном счастье.

Любовь питается безграничным доверием, магнетизмом единения, внутренней магией, а брак... брак, счастливое семейное долголетие – это навязанные долгосрочными обязательствами социальные роли, которые держатся на ритуалах, на лицемерной морали, на умении подчиняться и угождать.

В замкнутом пространстве, лишённом атмосферы свободы, под гнётом искусственной гравитации, я задыхаюсь.

Когда пойму, что выбирать больше не из кого, и незачем – отдамся, без каких либо условий, исключительно тебе.

Никита покраснел, отвернулся. Вика была так увлечена новым романом, что не заметила его волнения.

– Мне показалось, нет, я почти уверена, Северьян исключительный, лучший.

– Показалось, почти, неосознанная тревога. Кто он, бес его задери!

– Не знаю. Просто мужчина, но особенный, такой...

– Ладно, оставим опасную тему. Отзвонись минут за двадцать до визита, я уйду. Продукты купить?

– Закажу доставку.

– Ты закажешь!

– Ну да, кто же ещё. Держи за меня пальцы крестиком. Так хочется, чтобы получилось, чтобы срослось.

– Что именно?

– Счастье конечно. Любовь.

Виктория прижалась к Никите, пустила слезу.

– Почему мне всю жизнь не везёт, может, я какая-нибудь неправильная!

– Мне так не кажется, ты лучшая... из всех, кого знаю. И да, слишком смелые грёзы, чтобы принять нарисованный тобой сюжет за реальность, – сказал он, – буду ждать, когда кроме меня тебе некому будет довериться.

– Какой же ты глупый, Верещагин. Мы друзья – это больше чем любовь. Знаешь, сама не понимаю, что со мной не так. Короче, нет наверно любви... после секса. Во всяком случае, у меня почему-то так.

– Зачем торопить события? Насладись изысканным лакомством конфетно-букетной аномалии, напейся досыта пьянящего зелья романтического периода. Гурманы утверждают, что смысл наслаждения не в самом блюде, в ярком послевкусии.

– Проверить хочу. Себя, прежде всего, проверить. Есть ли жизнь на Марсе. Сомневаться начинаю, что любовь вообще существует. Влюбляюсь, влюбляюсь... каждый раз невпопад.

– Тебя интересует факт функционального феномена этого состояния или определённая форма интимной коммуни-

кации? Проблема в том, что мужчина и женщина одними и теми же словами называют несопоставимые понятия. Для женщины важнее эмоции, для мужчины ощущения. Он стремится, как можно дольше пребывать в невесомости, она – приземлить партнёра с предельно допустимыми значениями гравитации.

Как думаешь, природа может одновременно удовлетворить запросы одного и другого?

Неземная любовь – миф. Сама сказала, что азарт, предвкушение чуда, увлечённая игра в поддавки гораздо важнее физической реализации гормональных атак. Причина неудач в любви – непомерное ожидание возможного вознаграждения, комплексный э-го-изм.

– Верещагин, зачем ты читаешь мне лекцию по психологии? Не учи жить, помоги материально.

– Сколько?

– Чего сколько?

– Сколько денег тебе нужно для полного счастья?

– Не в этом смысле, Никита. В настоящий момент мне достаточно ключей... и доброго слова.

– Ключей, заметь, от квартиры, где деньги лежат. Пользуйся моей добротой. Но учти – я реально, а не фигурально, ревную. Ты мне дорога, но не как память – как женщина.

– У тебя сейчас было такое странное выражение лица, Верещагин. Если бы я тебя не знала столько лет, подумала бы, что влюбился.

– Так и есть, Вика, так и есть. Считаешь, я не способен любить?

– Это мы обсудим позже. Дай с мыслями, с чувствами собраться.

Вика смачно чмокнула Никиту в щёку, – я побежала. Ты – настоящий друг.

Верещагин убежал с работы почти за час, заверив секретаря, что отправляется на встречу с потенциальным клиентом, договорился с соседкой, Марией Егоровной, о помощи в приборке.

В суете приготовления, чтобы не отвлекаться, Никита привычным движением перевёл смартфон в беззвучный режим.

Оставалось проветрить квартиру, дожидаться сигнала к эвакуации и исчезнуть с чувством позорного унижения и полной беспомощности.

Телефон молчал. Точнее, Никита не услышал зуммер.

Он переживал, нервничал, даже закурил. Чтобы смягчить шок отправился лечить приступ меланхолии на лоджию, хотя больше года как избавился от пагубной привычки дымить.

Скажи кому, что собственноручно устроил романтическое гнёздышко для любимой, у которой будет свидание с кем-то другим, возможно в собственной постели, любой покрутил бы указательным пальцем у виска.

На столе, застеленном льняной скатертью, стояла бутылка вина, бокалы, виноград и тарелка с сыром. Горели две свечи. В вазе – срезанные цветы.

Притворяться недотрогой Вика не планировала, старания друга оценила сполна.

Лоджия оказалась открытой, что говорило о том, что Никита торопился покинуть помещение.

– Наверно увидел в окно, – решила она, – какой же Никита

заботливый, – и заперла дверь балкона.

Верещагин дёрнулся было выйти, но посчитал, что обнаруживать себя неловко, тем более что у любимой женщины были определённые, возможно не совсем скромные интимные планы. Проблема в том, что в октябре холодные вечера, а он не одет.

Хорошо хоть телефон с собой. В случае чего можно позвать на помощь.

Подглядывать и подслушивать было стыдно, дрожать с закрытыми ушами и глазами – неудобно. Взор то и дело соблазняли откровенные кадры интимного свидания.

Никита всё слышал, кое-что видел.

Несмотря на то, что сценарий откровенного спектакля разворачивался в довольно целомудренных рамках, его терзала душевная боль.

Самодовольный хлыщ, которого Вика даже разглядеть, как следует, не успела, дерзко нарушал правила этики: нагло прикоснулся к её груди, целовал, где вздумается, стремительно приближая финальный момент трагедии.

Форточка оставалась открытой, потому слышно было почти всё.

Никита всматривался в сумерки, желая понять, есть ли хоть малая возможность беззвучно исчезнуть с балкона.

Цифра тринадцать, если считать этажи, и сорок метров пустоты под ногами ясно давали понять безнадёжность подобного предприятия.

Ирония положения усугублялась возмутительной настойчивостью кавалера, которого теперь, когда женщина дала понять, что готова, хоть и не сразу, уступить, неудержимо расширял зону влияния, о чём свидетельствовала кокетливая возня, звуки интимной борьбы, пока шутливой, но нетерпеливой и всё более бесстыдной.

Было слышно, как Вика отбивается, остужая атаки неудобными вопросами, заставляя темпераментного поклонника торопливо, невпопад отвечать, не вслушиваясь в суть откровений и вопросов. Он торопился получить бонус.

Никита слышал едва ли не каждое слово рискованной игры, финал которой был предreshён заранее.

Северьян наступал, Вика всё менее активно защищалась.

Похоже, ей нравилась неприличная забава.

Одежды на ней оставалось всё меньше, сопротивление свелось на нет.

В этот момент настойчиво зазвонил телефон любовника.

– Тебя, – учащённо дыша, сказала Вика, – ответь.

– Не хочу.

– Вдруг что-то важное.

– Плевать, не до этого.

– Дело твоё. Тогда, давай выпьем.

Интонация голоса Вики свидетельствовала о том, что страсть по какой-то причине остывает. Никита чувствовал – что-то пошло не так.

– Ответь.

– Барышников слушает.

– Работаю. Да, тот самый проект.

– Какого чёрта, мне некогда!

– Кто она, – почти равнодушно спросила Вика, – жена, любовница?

– Начальство... ну, жена... и что с того?

– Я про себя всё рассказала, ты соврал. Одевайся. уходи.

– Динамо решила крутить, мокрощёлка!

– За кого ты меня принимаешь?

– За гулящую девку, которая не в себе, оттого, что до помутнения в мозгу хочет трахаться.

– Bravo. Будешь насиловать? Рискни.

Никита набрал её номер.

– Вика, ты случайно закрыла меня на лоджии. Извини. Помощь нужна?

– Сейчас открою.

– Так ты чего, сука, подставить меня хотела, – завопил идеальный любовник Северьян, – зря ты так! Ходи теперь и оглядывайся.

– Я рада... что вовремя разглядела в тебе козлика. Не пыли, ничего ты мне не сделаешь. Даже жены боишься. Иди уже, горе-любовник.

Северьян с опаской посмотрел на Никиту, мужчину с торсом атлета и суровым взглядом.

– Зря ты так. Думаешь, этот простит... ага, держи карман шире! Передаю из рук в руки, не раскупореную, даже трусики при ней, правда, мокренькие. Пользуйся, угощаю! Девочка горячая, сладкая, только дура.

Никиту переклинило. Ринулся было в бой, но Сева оказался шустрее: просвистел, как фанера над Парижем, только его и видели.

– Останешься, – неуверенно спросил Никита, с надеждой глядя на Вику.

– С удовольствием. Жаль, гитары нет. Не люблю ходить в должниках.

– А целоваться любишь?

– Думаешь, забыла? Много чего вчера наобещала. Не всё сразу, но... давай потанцуем. У меня замечательное, если честно, настроение. Ты мне глаза открыл.

– Хочу кое-что тебе показать. Тот самый секрет. Открой вон ту створку шкафа.

– Мне не придётся об этом жалеть?

– Зависит от того, что увидишь и как воспримешь. Не каждому дано так щедро жить...

– Другьям на память города дарить?

– Гитара! Никита, ты научился играть?

– На оборотной стороне послание в будущее. Или в настоящее.

– Вика, я тебя люблю. Это то, о чём я подумала?

– Прости, не решился сказать раньше. Такой уж я... неправильный.

– Ты совсем ненормальный, да! Столько лет молчал. Я думала, мы просто друзья. А с друзьями... с друзьями нельзя... испытывать судьбу. Или-или, других вариантов нет. То, что здесь написано, это правда!

– Ещё какая. Сомневаешься?

– Даже не подумаю. Но ведь ты всё видел. Мне так стыдно. У меня ощущение, что я тебя предала.

– Меня эта ситуация устраивает. Предлагаю начать переговоры с поцелуя. Должны же мы друг перед другом показаться, навести мосты. Я люблю тебя, Виктория Леонидовна.

– Неужели ты это сказал! В скверную я тебя втянула историю. Простишь!

– Не обсуждается. У меня для тебя ещё сюрприз – две путёвки в дом отдыха на Камчатке в Паратунке. Не представляешь, какая там природа, какой антураж. Не знаю почему. Но я верил, что ничего у тебя с Северьяном, имя-то какое противное, не получится. Выходи за меня замуж.

Течёт река, прекрасная река

Лишь ночь, беспечно-бесконечна

Но коротка,

Укроет нас, хоть крыть и нечем -

Не хватит карт.

Неважно кто кого разденет...

Дрожит свеча...

И гордость... и предубежденье...

Всё не сейчас...

Сола Монова (Юлия Соломонова)

Трудился я в ту пору в колхозе, во вспомогательном цехе. Бумагу резали на стандартные форматы, упаковку кроили, шили из картона для разнообразных хозяйственных нужд короба.

Заказов было – тьма, только успевай поворачиваться.

И вдруг на тебе – затишье, вроде как перепроизводство. Профком предложил десятидневную автобусную экскурсию

по Прибалтике, практически бесплатно, за тридцать процентов от стоимости, которые я незамедлительно оплатил из премиальных.

Жена повела себя несколько загадочно, – поезжай-поезжай, мы без тебя замечательно справимся. Карамелек привезёшь, чёрный рижский бальзам, янтарные бусики с паучками внутри, костюмчики ребятишкам. Себя покажешь, на мир поглядишь.

– Чего это ты такая добрая, – недоверчиво спросил я, – разве что у тебя кто-то есть, – просто хохмил, чтобы диалог поддержать. Супруга у меня женщина верная, настоящая боевая подруга.

– Ха-ха, у кого чего болит, да?

Я поехал, но странная реплика, мной же, нечаянно произнесённая, начала жить внутри сознания отдельной жизнью. Выкорчевать её волевым усилием не получалось. Что-то незнакомое в поведении супруги насторожило задним числом. Кто знает – может я просто переутомился.

Накручивать себя на пустом месте начал. Глупость, конечно.

А тут ещё такое начало происходить – волосы дыбом: добропорядочные члены советского колхозного движения, отъехав километров на двадцать от дома, начали доставать из загашников алкоголь в невиданном количестве и дефицитные продуктовые припасы, постепенно разбиваясь на сладкие парочки, словно по заранее утверждённому сценарию.

В воздухе всерьёз запахло развратом, хотя дома ни про одного из присутствующих невозможно было сказать чего-либо предосудительное.

Я, как почтенный семьянин, в процессе распития алкоголя, тем более в интимных переговорах и откровенных тёрках с сотрудницами, участия не принимал. Тема интимного цинизма и необузданной похоти всегда меня раздражала. Удивительно было то, что никто не скрывал своих пристрастий, не прятался, хотя после поездки любого из них мог сдать супругам кто угодно.

Со мной рядом сидела Лидочка Сойкина, швея из нашего цеха, которая ещё дома активно строила мне глазки. Во всяком случае, смотрела довольно странно, иногда вздыхала и не могла мимо пройти, чтобы не дотронуться.

Ничего особенного, если честно, она из себя не представляла. На голову ниже меня, с короткой мальчуковой причёской, совсем без талии, но с широкими плотными бёдрами, крупными ладонями. Да, молодая, да, общительная не в меру, проказница и хохотушка, но серенькая, невзрачная.

Успокаивало то, что не она меня как попутчика выбрала, сам рядом с ней уселся, без цели и умысла.

Лида меня развлекала, я шугался. У меня ведь семья. И у неё муж, в тепличном хозяйстве механиком работает, где моя Лиза огурцы круглый год выращивает. Негоже давать повод для пересудов и сплетен, хотя просто поболтать – совсем не грех. Дорога дальняя, за разговором короче пока-

жется.

– Егор Ляксеич, – потешно коверкала она моё имя, – путь неблизкий, давайте дружить домами, – метала она в меня стрелы загадочного, чересчур тёплого, слишком интимного, а может задумчивого взгляда, – не кусаюсь я, мил человек, скучно всю дорогу молчать. Знаете, в стеснительности и скромности, на мой взгляд, нет ничего, что мешает общению симпатичного мужчины и красивой женщины. Напротив, эти замечательные качества потрясающе заводят, – и смотрит прямо в зрачки немигающим взглядом, словно гипнотизирует.

Хорошо, что я кое-чего про женское коварство знал. Меня соблазнять бесполезно.

Существует такой приём у профессионально флиртующих дам – пристальный визуальный контакт с мужчиной, которого хотят заарканить. Если быть точнее – бессознательное сенсорное свидание с незнакомым человеком, которое способно настолько мощно захватить внимание визави, что кое-кто полностью утрачивает связь с реальностью.

Чтобы вынырнуть из пучины нечаянного, ни на чём не основанного обаяния, выплыть обратно из заинтересованно навязчивого состояния, в котором таинственным образом отключается способность видеть и чувствовать что либо, кроме этого взгляда, может оказаться недостаточно сил.

Я много читаю. Так вышло, что буквально на днях попала на глаза статья о гипнотическом дурмане, легко внуша-

емом именно через зрение.

Там было написано, что интим через взгляд бывает настолько агрессивным, что в некоторых странах всерьёз обсуждают вопрос о привлечении к уголовной ответственности за приставание посредством длительного похотливого всматривания глаза в глаза, приравнивая подобное домогательство к насильственному сексу.

Кто знает, может быть прежде, мы умели безмолвно общаться через взгляд: передавать эмоции, мысли, короткие текстовые послания на расстоянии.

Может быть, кто знает! Нужно быть начеку.

Негоже отцу семейства легкомысленные шашни с посторонними дамами разводить.

Как, скажите, можно объяснить, что задержав, чуть дольше обычного встречный заинтересованный взгляд на случайном попутчике мы способны за доли секунд вообразить что угодно. Как правило, воображаемый контакт происходит в интимном ключе. Совершая в бессознательной рассудочной среде цепь непредсказуемых для обычного поведения действий, мы можем вообразить что угодно, даже спонтанно влюбиться, если предрасположены к адюльтеру или интимной романтике.

Слаб человек, внушаем.

Выходит, глаза – чрезвычайно чувствительная эрогенная зона, можно сказать, канал телепатического воздействия, антенна приёма-передачи гипнотического импульса, включаю-

щая эмоции страсти без нашего согласия. Некий сканирующий зонд.

Не правда ли – странно: заглянул в расширенный от напряжения зрачок, не прибегая к тактильному, эмоциональному, даже когнитивному контакту, и поплыл разумом. Или заставил переживать своего визави, движимого непостижимой магической силой, скрытыми от понимания энергиями.

Проваливаешься помимо собственной воли в необъятную бездну эмоционального потрясения, даже не сознавая, что над тобой совершили насилие.

Давно известно, что встреча с взглядом человека на портрете активирует участки мозга, ответственные за социальное взаимодействие, заставляя вести мысленный диалог с тем, кого с нами нет.

Что ещё способен натворить взгляд – науке неизвестно.

Зато мне знакома беспредельная власть пытливого женского взора. Именно глазками околдовала меня Лиза, с которой я поныне связан священными узами законного брака, хотя само слово мне жутко не нравится: как можно дать настолько негативное определение, дающее отсылку к недоброкачественной продукции, отношениям, которые предполагается пронести через всю жизнь!

Гиппократ говорил, что брак – лихорадка наоборот: начинается жаром, а заканчивается холодом.

Если честно, Лидочка мне симпатична своей искренней непосредственностью. С такими женщинами легко общать-

ся, но это не повод отвечать взаимностью на нескромные интимные атаки.

– Отчего вы такой пугливый, коллега, неужели я выгляжу коварной искусительницей! Не хотите откровенничать – не надо. Давайте поиграем во что-нибудь. Например, в барышню. Это такой весёлый детский диалог, – *вам барышня прислала кусочек одеяла, велела не смеяться, губки бантиком не делать, да и нет, не говорить, чёрный с белым не носить. Вы поедете на бал?*

С вас любой ответ, в котором отсутствуют названные слова и действия. Поспешаете не торопясь, только и всего. Упражнение на внимание и скорость реакции. Очень полезная тренировка. Я долго не могла вовремя сообразить.

– Помилуйте, Лидия Игоревна, это какой-то детский сад. Давайте лучше помолчим. Так хочется расслабиться, вздремнуть. Впереди столько интересных событий, а я к ним ещё не готов.

– Успеете выспаться, вы же не старик. А то, на чём нужно сосредоточиться там, в Прибалтике, экскурсоводы без нас продумали.

Хорошо, есть игра для взрослых, например, “к сожалению и к счастью”. Я буду оптимистом, вы – пессимистом. Я говорю, – к счастью, сегодня замечательная погода для путешествия, и для более близкого знакомства. Вы должны опровергнуть это утверждение или продолжить беседу любым способом, вставляя в диалог фразу, – к сожалению. Ну,

чего вам стоит, Егор Алексеевич, уважьте даму, будьте любезны! Мне так одиноко, так грустно.

– Хорошо, попробуем. Но недолго. Что будет, если я выиграю, вы от меня отстанете?

– Поменяемся ролями, только и всего. Это не опасно, отвечаю. К счастью, вы мне симпатичны, коллега. Сижу рядом и млею. Какой мужчина оказывает мне знаки внимания, как в такого не влюбиться!

– Мы так не договаривались. Это похоже на откровенный флирт. Легкомысленные интрижки не для меня – так и знайте.

– Не кокетничайте, мой друг, это только игра, ничего более. Ну же, отвечайте – ваш фант! И, если можно, перейдём на “ты”. Чем доверительнее диалог – тем интереснее игра. Нас наверняка ждут сюрпризы, открытия. Любой вопрос и ответ может увести в такие дебри, если отнестись к игре серьёзно, конечно.

– К сожалению... ведь правильно, я так должен парировать ваш... извини-те, твой чересчур интимный выпад, не могу ответить взаимностью.

– К счастью, это легко исправить. Ведь я не солгала, сказала именно то, чего думаю. Чувствуешь, как занимательно бывает, когда ты вынужден следовать нелепым с виду правилам? Никогда не знаешь, в какой тупик может завести безобидное развлечение, какие варианты для милой беседы предложит.

– К сожалению... да-да, к сожалению, разделить твой оптимизм не могу. Думаешь меня ни разу не испытывали на прочность, не соблазняли, не признавались в любви? Сколько раз. Я не азартен. К тому же беззаветно люблю жену.

– К счастью, подчёркиваю, к счастью, есть тысячи способов заставить человека думать и поступать иначе, вопреки желаниям, наперекор воле. Уговорила же я тебя играть. Да-да-да... не спорь. Твой ход, что ты на это ответишь?

– К сожалению, мне пришлось уступить, но это абсолютно ничего не значит. Учтивость – не более того. Я же мужчина.

Лидия Игоревна лукаво посмотрела не меня, улыбнулась, выставила напоказ белоснежные зубки, – Так уж и к сожалению. К счастью, нет, и не может быть окончательно тупиковых ситуаций. Симпатия – это когда нравишься. Для построения искренних интимных отношений значение внешности явно преувеличено. Любого можно обаять заботой, сочувствием, дружелюбием, нежностью. Запахом, наконец. Чувствуешь, как аппетитно я пахну? Вдохни глубже и поймёшь, какая я к тебе равнодушна. Точнее – ты ко мне. И конечно, проще всего влюбить в себя взглядом.

Я вздрогнул.

Относительно взгляда всё ясно, но запах: откуда ей было знать, что я давно принимаю, наслаждаясь странным возбуждающим ароматом, исходящим от её волос, который увлекает, дразнит? Ну, нет, ей не удастся так просто со мной расправиться, втянуть в хитроумную любовную интрижку!

– К твоему сожалению, партизанская тактика эффективно соблазнения рассекречена. Зря стараешься, Лидуся. Ты для меня просто взбалмошная девчонка вполне заурядной, стандартной наружности. Моя жена вне конкуренции – она настоящая красавица. Это сложно оспорить.

– Уколот, уколот... довольно больно такое о себе слышать. И от кого, от мужчины, которому признаёшься в интимных чувствах. Сейчас заплачу. Лиза где-то там, я – здесь.

Я девушка внимательная: слушаю, думаю, всё вижу. К счастью, ... игра продолжается, сосредоточься, я начинаю нападать, хочу рассчитаться за оскорбление, у мужчин есть некий загадочный компас, который не даёт им возможности скрытно лукавить. Догадался, какой!

Как бы ты не скрывал свой нечаянный восторг, а я тебе нравлюсь. Нрав-люсь, да-да!

Сидя рядом с недурной молоденькой попутчицей, пусть даже стандартной, без изюминки, пусть не такой лапочкой как твоя любимая супруга, одна не вполне согласная с твоим утверждением часть организма, вон та, – попутчица указала пальчиком направление вниз, в область, находящуюся между ног, – не способна солгать, – Лида, кокетливо сжав губки бантиком, пристально посмотрела на мои брюки, – да-да, он тебя выдал, с головой. И нечего краснеть. Это так естественно. Да и мне приятно. Сознаюсь, хотя это очень-очень нескромно. Но что поделать – не умею лгать. К счастью.

– Прекрати... те, я не хочу больше играть! Ты меня про-

воцируешь! К сожалению.

Честное слово, я не хотел произносить этой глупой фразы – она сама вылетела.

Лидия Игоревна жестами и мимикой изобразила раскаяние, молитвенно сложив ладони, – прости, ради бога прости, любимый! К счастью, нисколько не лгу, мне приятно твоё общество, нам ещё долго-долго ехать. Я успею заслужить прощение. Соглашусь, это был опрометчивый шаг, можно сказать без преувеличения – пошлый, рискованный трюк.

Но, что я могу поделаться, если ты мне действительно нравишься? Ведь я нисколько не хитрила. Посмотри сам, он... именно он, этот, с твоего позволения, мощный интимный магнит, так заманчиво, так браво топорщится. Я польщена, заинтригована, очарована... его вниманием. А иы... ты бука! Наверняка его восторг вызван ароматом духов. Я сама в восторге от этого экзотического запаха. Просто мы, женщины, не настолько открыты, но мне тоже нелегко с собой справиться. К счастью.

Моё лицо горело ярким пламенем. Она меня сделала, эта пигалица! То, чего невозможно выразить словами, ей без усилий удалось транслировать при помощи мимики, дополненной красноречивым, весьма продолжительным взглядом, который что-то болезненно-яркое вытащил из тайников души.

Я был расстроен, зол, но сердце трепетало; поначалу тревожно, но с каждой минутой слаще и слаще.

Это был я, и не я. Мистика какая-то!

В голову медленно вползали весьма похотливые мысли, когда я невольно нырнул в глубину её расширенных зрачков с колдовской тёмно-зелёной радужкой.

Остановив дыхание, я с наслаждением отдался движению приливной гравитации. Если точнее, под влияние её, нечаянной попутчицы воли, о которой на самом деле не имел представления, но чувствовал каждой клеточкой возбуждённого тела, как наполняюсь неодолимо-тягучим влечением и давлением крови.

Вынырнуть из пучины нечаянного, ни на чём не основанного обаяния, выплыть обратно из заинтересованно навязчивого состояния, в котором таинственным образом отключилась способность видеть и чувствовать что либо, кроме этого взгляда и этой удивительной женщины, которая очаровывала непонятно чем.

Вернуться немедленно в прежнюю жизнь не было сил.

Минуту назад я ничего о Лиде не знал, и знать не хотел, а теперь ненасытно хотел знать и чувствовать буквально всё. Она явно мной манипулировала, но как это сладко!

Когда мы невольно влюбляемся, интимный собеседник и романтическая ситуация в целом приобретают несоизмеримую с объективными обстоятельствами субъективную значимость. Мы боимся, что не сможем соответствовать преувеличенной важности момента, того, что не хотим упустить ускользающе малые возможности обрести пусть призрачное

и краткое по времени, но самое настоящее счастье.

Волнение заставляет совершать ошибки, граничащие с глупостью. Ну и пусть!

– К сожалению, игра не закончена, у меня есть шанс выкарабкаться из твоих сетей, нами, мужчинами, рулят гормоны ... ну зачем тебе всё это, Лида! К чёрту игру, мы не дети! Я мужчина, которому природой назначено быть любознательным, разбирать всё неожиданное, новое, по винтикам, заглядывать внутрь. Ты дерзкая женщина, которой необходима интимная разрядка. Смотри, сколько желающих занять моё место. У них у всех... словно с катушек послетали, черти, сперматоксикоз, что ли инфекционный. Почему меня-то выбрала!

– *Течёт река, прекрасная река, издалеку таинственно пророчит: жизнь коротка, друзья, жизнь коротка... но, боже мой, она ещё короче!* Не хочется говорить о грустном сегодня, не хочется портить человеку, к которому испытываю доверие и симпатию, настроение. Я знаю нечто, что уже убило меня, что определённо не понравится тебе. К счастью, у нас с тобой впереди десять дней, которые можно прожить беззаботно и весело. Да-да, к счастью, это так. Подари мне малюсенькую весну. Это совсем не сложно.

– К сожалению, не могу разделить с тобой блаженную трансформацию. Зимой должен идти снег и обязательно должно быть холодно. Человек, изменивший однажды, перестаёт быть супругом, становясь не попутчиком даже – наезд-

ником. Для меня обман неприемлем в принципе. По идейным соображениям.

– Я не зову тебя в постель, Колесников. Поговори со мной, откровенничай, протяни руку помощи, которая мне крайне необходима. К счастью, именно к счастью, мы встретились. Я тобой очарована. И... не морочь мне голову, просто обними.

– Не понимаю, на что ты всё время меня толкаешь. Прекрати, Лида. У меня всё замечательно: жена, дети... квартира. Живи – радуйся. В твоей игре я однозначно проиграл, нет больше повода сказать – к сожалению. Пессимизм – довольно гадкая стратегия. Я счастлив.

– Есть, Егор Алексеевич, есть повод для разочарования. К сожалению, не к счастью. Но об этом позже, не сейчас. Не хочу тебя раньше времени расстраивать. Расскажи, как ты понял, что влюбился в жену. Обожаю слушать волшебные сказки.

– Какой из меня рассказчик. Лиза – замечательная жена, великолепная хозяйка. До неё я не понимал, как это – купаться в любви. Наши чувства – самая важная часть восторженно изумляющейся души. И эта прекрасная родниковая часть, пусть на краткий миг, кто знает, что нас ожидает впереди, возможно, надолго или навсегда (время всё сумеет расставить по местам), чиста, честна, кристально прозрачна, и тщательно отмыта от каких-либо опрометчивых сомнений. Я верю ей, она – мне. Разве этого недостаточно, чтобы противостоять каким угодно соблазнам?

– Да ты настоящий романтик. Неисправимый. Мне бы такую уверенность, Колесников. Я второй раз замужем, а ведь мне только двадцать шесть. Первая любовь была настолько бурной, настолько стремительной и яркой... я улетела, и не вернулась, пока милый одним неловким движением не открутил мне голову.

Просто так, для профилактики бил, чтобы показать, кто в доме хозяин.

Я не жалуясь. К счастью, у меня хватило мудрости переступить через незрелые чувства, которые пришлось радикально выкорчёвывать. Я долго болела, не могла понять, что сделала не так. Знаешь, отношения – неразрешимая загадка. Как снежинка на ладони: вот она была, и нету.

– Мне повезло больше. Лиза никогда не давала повода для ревности, и вообще... да я и не искал никаких вариантов. Её легкомысленная игривость не в счёт. Мне даже нравится, что на неё засматриваются, а она как бы хвостом виляет. Знаешь, мне одна мудрая женщина рассказывала, как можно избавиться от сильной душевной боли, от недуга, вызванного предательством близкого. Это непросто, но точно помогает. Сестра пробовала. Нужно задержать дыхание. Не дышать, пока голова не закружится, пока в глазах не начнут мельтешишь цветные фейерверки, пока не почувствуешь – ещё секунда и кислород больше не понадобится.

– Ну, чего замолчал? Продолжай.

– Хочу сам попробовать, а то... советников сам не люблю,

а умничать грешно.

– Дальше чего, в чём секрет твоего волшебного метода?

– Нужно заставить себя снова дышать. Только так можно понять, что самое ценное – это сама жизнь, что никакие отношения, даже самые волшебные, самые изумительные, не могут быть важнее возможности свободно дышать. Всё когда-то конается, в том числе любовь, но это не повод сводить счёты с собой. Жизнь продолжается. Очень не хочется, чтобы дальше всё происходило без нас. Свою киноленту нужно досмотреть до последнего кадра, это будет правильно.

– Уверен, что понимаешь, о чём говоришь?

– К счастью, понимаю. К сожалению, ничем не могу тебе помочь.

– Я выплыла, сама, между прочим. Не без помощи второго мужа. Генка вытащил меня из депрессии. Я так обрадовалась, так усердно и добросовестно старалась стать счастливой, правда не сразу.

Мы успевали незаметно улизнуть откуда угодно: спрятаться в постели в соседней комнате, слиться воедино в тихом уголке, отдаться в неудобной позе без разницы где, пусть даже в подъезде, причём не единожды за день.

В хитросплетениях рук, ног, разговоров, дыхания, в сладком забытии мне мерещилось истинное предназначение мужского и женского, чудилось, что я познала в полной мере тайну самой жизни, глубинный смысл бытия. Я была беспрельдно счастлива.

Сначала, если честно, совсем не хотелось туда, в самое начало любовных отношений, где уже бывала однажды с другим мужчиной, куда приятный во всех отношениях, но совсем не идеальный любовник уверенно вёл, стремительно приближая неминуемую развязку.

Координата, где приземляется любовь, где с головой накрывает иллюзорным туманом безмерного счастья, была мне известна. Но я знала уже, что по неведомой причине морок рассеивается со временем, обнажая то, что сокрыто от опьяневшего взгляда.

Быть вероломно обманутой флёротом фальшивой страсти, вслед за которой подступает одиночество и неминуемое отчаяние, не было желанием. Да и страшно, если честно, стать инвалидом повторно. Напустить на себя морок просто, рассеять тяжело. Мне так плохо сейчас, пожалей меня.

– Хочешь сказать...

– Хочу... и говорю. Думаешь, если не видно слёз, значит, нет причины, нет предательства! Есть. Ты – моё призрачное спасение, но, пока не можешь понять причины, потому, что не хочу убивать тебя правдой. Прости!

Меня вполне устроило бы бескорыстное таинство, основанное на доверии, на симпатии. Без примитивной физиологии, без художественной имитации множественных оргазмов. Просто доверься, я не сделаю тебе больно. Одно уточнение – я не сделаю больно, именно я.

– У меня голова кругом. Признаюсь, кое-что изменилось

за те пару часов, пока мы играем. Никогда не думал, что меня может увлечь женщина твоего типажа. Мне всегда нравились фигуристые, с маленькой грудью скромницы... моего возраста: яркие, сочные, с изюминкой и чертовщинкой.

– Как твоя Лиза?

– Именно она. Не поверишь, но у меня не было другой женщины. Хватает одной.

– Скромная! Застенчивая, смиренная, добродетельная. Что ты знаешь о жене?

– Всё, всё знаю! У нас двое детей. Мы прошли через такое...

– Ладно, перебор. Конечно, всё знаешь. Но я тоже правду люблю. Иногда с удовольствием сама её сочиняю. Забавное развлечение. Знаешь, нет ничего печальнее разлюбленных мимоходом надёжных мужчин. И брошенных в стремлении отведать как можно большее число сладеньких кудесниц женщин. Шаг влево – всегда ошибка, наступающая бумерангом любого и каждого, предавшего возвышенные чувства ради примитивного инстинкта. Когда-нибудь потом обманутая любовь покажется предателям лучшим, что было в их убогой жизни. Потом. Обманутым от этого знания ничуть не легче.

– Ты говоришь загадками. Или вываливай начистоту, или давай сменим тему.

– С превеликим удовольствием. Однажды в жизни каждого наступает час, когда приходится избавляться от пережива-

ния волнующих эмоций. Сентиментальные романтические фантазии и сопутствующие им соблазнительные декорации – это конечно здорово, но рано или поздно с сокровенных тайн осыпается мистический флёр, а волшебное томление плоти оказывается примитивным химическим процессом.

Увы, волшебство любви теряет сверхъестественную силу, когда растворяется в постылой обыденности. Разочарование – ужасное испытание, как для мужчин, так и для женщин. Начинается поиск причин, выявление виноватого, которого как бы и нет, потому, что ага, это не игрушки – это любовь. Не к тебе, увы, но что делать, мы не ищем лёгких путей!

– Зачем нам говорить на темы, о которых даже думать противно. Мысли материальны. Никогда не призывай то, что способно разрушить обжитый, уютный мир. Любимым нужно верить.

– Знаешь, есть такая игра, точнее, развлечение – эхо. Кричишь любую белиберду в пустоту, и ждёшь от Вселенной ответа. Когда я узнала... нет, кокетничаю, когда увидела, и саму проблему, и впечатляющий визуальный видеоряд: шлёп-шлёп, туда-сюда. Отчётливо, громко.

Она на огуречных ящиках – изящная, лёгкая, нагая. Стройные ноженьки порхают над головой любимого. Он как наседка над цыплятками кудахчет над ней с голым задом... и рычит от удовольствия.

Романтика, твою маму!

Настроение у меня было хуже некуда. Тоска вселенская,

обида на весь мир, одиночество, отчуждение, боль.

До утра заснуть не могла. Вышла на улицу покурить, там туман. Чуть не завыла от досады и вообще от всего на свете. Они там оргазмами развлекаются, я – здесь, одна за всех страдаю. Решила прикольнонуться, вспомнила про любимый мультяшечка. Кричу от отчаяния в пустоту, – лошадка-а-а, ау, где ты-ы-ы, мне без тебя никак!

Размытое безмолвие незамедлительно ответило, – ёжи-и-к, это ты-ы-ы, ты меня нашё-о-ол? Конечно, я слегка перетрусилась, сразу в подъезд просочилась, а там меня нервный смех разобрал. Конечно, я ёжик, кто же ещё? Да пошли они все! В жизни столько всего хорошего, интересного, неожиданного, увлекательного. Ты, например.

– Стоп! Я ведь не пьян. Ты о чём сейчас рассказывала?

– *И бьется пульс, и тихо тает время, ржавеют в ранах позабытые ножи. Мы часто просыпаемся не с теми, и так наивно верим в миражи.* Поцелуй меня. Просто так, ни за что. Потому что я хорошая и мне больно.

– Давай сначала разберёмся, о чём ты хотела мне рассказать. Ведь ты хотела, да?.

– А давай – не давай. Просто пожалей меня – вот и всё. Неужели я так много прошу?

– Лида, уже стемнело. Давай просто поспим. Тебе нужно успокоиться. Мне тоже.

– *Будь ближе, я прочла бы по глазам, по жестам, по флюидам между нами. С тех пор, как ты ни слова не сказал, ми-*

нуты превращаются в цунами. Давай просто дружить, Колесников. Немного позже ты оценишь моё предложение. У меня просьба. Организаторам тура без разницы, кто с кем кокетничает, кто кого насквозь проткнёт, они всё понимают. Как ты отнесёшься к тому, что мы оформим как бы семейный номер в гостинице?

– Как ты это себе представляешь?

– Элементарно. Мужчина и женщина хотят дышать одним воздухом. Что именно можно осудить? Тебе есть восемнадцать?

– Мы не одни. Здесь все всех знают. Хочешь разрушить свою и мою семьи?

– Замечательно. Тогда они наверняка в курсе некой пошлой интрижки. Кроме нас с тобой о ней все знают. Прости, но мне плевать, чего они могут подумать. Здесь будет такое твориться: дым столбом. На нашу маленькую семейную тайну никто не обратит внимания. Тем более что я не претендую на роль любовницы.

– Хорошо. Тогда придётся определиться – почему мы должны так поступить, зачем?

– Мы с тобой, Егор Алексеевич, практически родственники. Правду хочешь услышать, не испугаешься?

– А валяй!

– Почему ты не спросил, что за кино я посмотрела там, в теплице, по какому поводу слёзыньки лью? Как бы тебя от удивления родимчик не хватил. Никогда не думал ...

– Не продолжай. Дальше не интересно. Сплетни – не по моей части. Если нет фактов – лучше не начинай.

– Голову в песок? Замечательная тактика. Мой милый забивал голы в скользкие от избытка желания ворота твоей ненаглядной Лизоньки. Темпераментно так, настойчиво, похозяйски обрабатывал лоно твоей безгрешной супружницы. Каково, понравилось! Я их не выслеживала, случайно нарвалась. Чуть не проблевалась.

– Зачем твоему мужу Лиза, она на десять лет его старше? Да не, тебе показалось. Зачем ты так!

– Приедешь – спросишь. Можем заказать из гостиницы переговоры. Если я права – ты со мной спишь. Боишься? Это же!

– Но я тебя...

– Неважно, просто психани. Уверяю – тебе понравится. Я сладенькая. Если надеешься, что Лизка твоя – пострадавшая сторона, могу разочаровать. Любовь у них. Я на развод подала, ты – как знаешь. Неужели проглотишь, простишь?

– Не знаю. Ничего я теперь не знаю. К сожалению. Как же так! Семнадцать лет вместе, дети. Что я им скажу? Нет, Лида, не буду я с тобой спать. Вижу теперь, что не врешь, а поверить не могу. Пусть сама скажет, в лицо. Тут разбираться надо.

– Ты меня просто обними. Увидишь – сразу полегчает. Думаешь, я подстроила нашу совместную поездку? Так нет, видно судьба так распорядилась. Как же мне рядом с тобой

уютно!

В рассказе использованы строки стихов Марины Фольмер

Сентиментальное настроение

Проснулась ночью.

Ты дышал так ровно.

В ногах дремала кошка,

В кухне – мышь...

Калачиком свернувшись спал малыш...

Алина Семерякова

– Какое странное состояние: словно отделили от мира, отгородили странной прозрачной стеной, сквозь которую можно обонять, видеть и слышать, но невозможно чувствовать присутствие, чего-то, очень нужного: тёплого и родного. Странное, гнетущее состояние одиночества. С чего бы это?

Прижатый к холодному стеклу лоб приятно остужал мысли. Ведь нет иного повода для грусти, кроме затяжной осени. Так ведь она случается каждый год.

Оттого, что наступает сезон дождей, темнеет небо и опадают листья, жизнь не прекращается. Возможно замирает на

время, засыпает, но оставляет обещание вернуться весной.

– Что со мной происходит? Дети, две маленькие копии меня, уже спят. Как же я их люблю: милую шалуницу Лизоньку и Кирилла с его возрастными проблемами. Откуда и почему появляется ощущение одиночества, внутри счастливой семьи, что со мной не так?

Деревья раскачивает, круто гнёт до самой земли порывами ветра, порхают отяжелевшие от влаги листья, почти последние, чудом закрепившиеся на безжизненных ветвях. Свет уличного фонаря мерцает, то удлиняя, то укорачивая тени.

Звук ветра, рыскающего по пустынному заснувшему городу, унынием и безысходностью заползает прямиком в душу, выворачивает наизнанку смутно мелькающие мысли о чём-то щемящем, неприятном.

– Странно, очень странно. Отчего меня знобит, ведь отопление уже включили: детей вон приходится то и дело накрывать. Надо же – на небе звёзды, много звёзд. Порывы ветра и чистое небо. Удивительное несоответствие. Десять часов. Может быть, включить телевизор? Нет, опять покажут какую-нибудь гадость, будут стрелять. Не то настроение. Лучше завернусь в плед, посижу в тишине. Успею выспаться.

Ужин на столе, в доме порядок, дети спят. Так хорошо сжаться в комочек, подоткнуть под себя ноги, помечтать.

Очередным порывом ветра сорвало рекламный баннер, на котором изображена семья из четырёх человек и слоган “Семья бесценна, когда полноценна!”

– Хорошо, что ночью. Могло бы кого-то ранить. У меня ведь полноценная семья. Папа, мама, сын и дочь... папа выпить был не прочь. Что-то всякая дребедень в голову лезет. Эти глупые навязчивые слоганы везде и всюду. Крошка сын к отцу пришёл, и сказала кроха: вместе с папой хорошо, а без папы плохо! Как медленно тянется время. Сколько же сегодня деревьев поломают за ночь?

К подъезду подъехала скорая помощь. Двое в развевающихся белых халатах зашли в подъезд.

– Кому-то ещё лихо, не только мне. Говорят, что осенью люди переоценивают ценности. Всё, что прежде казалось важным, теряет смысл. Почему? Неужели оттого, что вспоминают про неизбежное разрушение всего и вся? Эти часы, ну чего они так громко тинькают? Нужно купить электронные. Да-да, те будут моргать. Дело не в часах, а во мне, в глупом, ни на чём не основанном унынии. Нужно собраться, подумать о чём-то хорошем. Например, о семейном отдыхе

на море.

Размышления прервал резко прозвучавший звонок телефона.

– Как вы там, соскучились?

– Скверное настроение. Ты же знаешь, без тебя не могу лечь спать. Опять задерживаешься на работе, что-то срочное?

– Как всегда. Нагло используют как тягловую лошадь. Шеф скандалит, требует срочно доработать проект, будто кроме меня некому. Ничего, в воскресенье обещаю день семейного отдыха. Аквапарк, кино, кафе и прочее.

– Только обещаешь. Потом позвонит Полина Георгиевна или генеральный, ты опять сорвёшься и полетишь создавать ценности непонятно для кого.

– Ну что ты, для нас, конечно для нас. Кстати, как там с деньгами? Может, перевести на карту? Не хочу, чтобы моя семья в чём-то нуждалась.

– Мы много не тратим. Я же готовлю. Лучше откладывай деньги на отдых. Вспомнилось море, как мы чудесно провели

время всей семьёй.

– Не грусти. Если хочешь, можем на недельку слетать куда-нибудь в Турцию.

– С детьми?

– Конечно, нет. Детей к твоим родителям.

– Они будут скучать.

– Ничего страшного. Родителям тоже нужно от них отдохнуть. Как они там?

– Спят. Кирилл тройку по русскому языку схватил. Обещал исправить. Мы сегодня занимались усиленно по той теме. Он справится. А Лиза, смех, да и только, где только нахваталась: про секс спрашивала. Чем они в детском саду занимаются, не отведешь её завтра?

– Не могу обещать. Лучше не рассчитывай. В парк ходили?

– Да, вечером погода была хорошая. Успели на аттракционах покататься, мороженое ели. Ты скоро?

– Не жди. Столько всего навалилось. Ложись и спи.

– Не, не могу без тебя. Если усну – разбуди. Накормлю. Сегодня свиные отбивные, такие сочные получились, как ты любишь. И целая кастрюля ароматного какао. Я жду.

– Не выдумывай. Надо заботиться о здоровье.

– А тебе! Работаешь на износ. И не отговаривай – буду ждать. Целую, люблю!

– А как я тебя. До встречи.

Верочка положила телефон на тумбочку, повертелась перед зеркальным трюмо, нашла себя свежей и очаровательной.

Ватным тампоном женщина стёрла макияж. Расстегнула верхние пуговицы прозрачного пеньюара.

– Как неожиданно накрывает возраст. Тридцать пять лет, столько забот. Но я всё ещё хороша.

Вера с удовлетворением потрогала тугую грудь, выпрямила спинку, потянулась, поправила причёску, улыбнулась прелестному отражению.

– Девочка моя, ты с кем там беседовала, опять твой олень о любви пел? Уходи от него.

– Не могу, Лёшенька. У нас дети, а им, сам понимаешь, отец нужен.

– А я! Сладенькая моя, иди же скорей ко мне. У нас с тобой срочный проект, а времени в обрез. Не представляешь, как меня душит ощущение тихого семейного счастья. Ночью активность должна проявляться в постели, сладенькая моя.

– Не тебе одному жизнь не в радость, Мальцев. Ты к жене придёшь – к стенке отвернёшься, а мне Генку ублажать.

– Ты это... соври что-нибудь: голова там... или по-женски. Хватит уже болтать, я так соскучился!

Преодолеть страх

Перемешать бы звёзды и ноты,

Шорохи, запахи, полночь и нас -

Мёд золотистый, чай с бергамотом,

Яблочный привкус нескан'занных фраз...

Ариша Сергеева

Витька всегда был особенным, странным, словно состоял из нескольких совершенно разных личностей, но об этом знали лишь родители.

Романтизм, чувствительность, сострадание, неуверенность и сентиментальность сочетались в нём со странной отвагой и немислимым безрассудством в особые моменты.

Ему ничего не стоило залезть, например, на верхушку сосны, чтобы посмотреть в дупло, где прячутся малюсенькие бельчата, пройти по карнизу плоской крыши пятиэтажки или ради спора спрыгнуть с балкона третьего этажа.

Это не значит, что он ничего не боялся, или был глуп: инстинкт самосохранения и воля к жизни были в нём необычайно сильны.

Конечно же, Виктору было страшно, но внизу с обожанием и завистью на него смотрели друзья. Больше увечий и

смерти он страшился показать свою слабость.

Как правило, товарищи были на три-четыре года младше Витьки. Так получалось совсем не случайно, но это он понял позже, когда стал старше.

Откуда и почему у него появилась настолько сильная неуверенность в себе, юноша не знал. Ему казалось, что смятение, беспомощность и робость, сковывающие мышцы и мысли, была с ним всегда.

Для того, чтобы внутри всё сжалось и кровь стала холодной, иногда не нужно было даже причин. Неуверенность, боязнь что-либо предпринять сидели внутри, и нагружали мозг, выдавая сотни вариантов самых худших стечений обстоятельств.

Чем сильнее Витька старался избавиться от страха неизвестности, тем настойчивее её избегал, иногда настолько глубоко погружаясь в переживания, что надолго терял связь с реальностью.

Но это происходило лишь тогда, когда на него никто не смотрел.

Маленькие мальчишки своим восхищением заставляли Виктора делать то, на что он не решился бы, не будь они свидетелями его “подвигов”.

Выдать страх было намного мучительнее.

Спросить у прохожего время, например, заставить себя Витька был не в силах: ведь на него никто не смотрел с надеждой увидеть бесшабашность и удаль.

У него сбивалось дыхание, начинали дрожать колени, появлялась сухость во рту. Он чувствовал, как что-то, живущее внутри, парализует волю, душит.

Простой вопрос так никогда и не был задан, даже если необходимость узнать что-то была предельная. Юноша готов был сделать что угодно, лишь бы избежать общения с этим тягостным состоянием.

Сколько раз он не спал ночами, обливаясь потом в мечтах о том, как завтра будет всем и каждому с лёгкостью задавать вопросы. Любые, всякие. Просто подойдёт и спокойным голосом, ведь ему это ничего не стоит сделать, узнает, где находится, например школа номер семь, или детская библиотека.

Во сне у него это иногда получалось.

С трудом.

Внутреннее сопротивление до конца не отпускало даже в грёзах, а в реальности превращало в комок нервов.

Если что-то очень нужно было узнать, Витька посылал это сделать своих верных оруженосцев, делая вид, что испытывает их преданность и верность.

Среди младших мальчишек он был непререкаемым авторитетом. Если было нужно, публично, когда вокруг восторженные зрители, мог защитить любого из них.

Сколько раз приходилось ему драться один на один, иногда с группой подростков, чтобы доказать – он вожак стаи.

Кровь нередко проливалась. Зато все знали, что с Витькой

и его друзьями шутить опасно.

Был случай, когда десятиклассник, Витька тогда учился в шестом, избил его друзей лишь за то, что те не дали денег на сигареты. Вовка Михайлов считал, что раз он в школе самый сильный, значит, все ему должны.

Витьке тогда было двенадцать лет. И дело даже не в возрасте: Вовка весил вдвое больше и имел преимущество в росте сантиметров тридцать. Справиться с ним для мальчишки было нереально.

Витька схватил отрезок свинцового кабеля, им и наказал наглеца на глазах у восторженных мальчишек.

Обидчик потом долго прыгал на одной ноге и выл. Естественно, расплата вскоре случилась. Один на один он отделал Витьку, как бог черепаху. Но у этого сражения не было зрителей, поэтому победил страх.

Прошло время. Мальчишки выросли. Но Витькин страх не исчез.

Ребята его возраста влюблялись, ухаживали за девочками. Лишь у Витьки не было подружки.

Конечно, ему нравились девочки. Даже очень. Но подойти к ним и заговорить, он не смел.

Чего именно парень боялся – неизвестно.

При малейшей попытке подойти к девушке, заговорить с ней, отказывались двигаться ноги, немел язык, начиналась паника, настолько сильная, что можно было подумать, будто речь идёт об угрозе жизни.

Чувства тем временем бурлили, переполняли впечатлениями, нагретыми до точки кипения фантазиями, порой вырывались наружу отчаянием и слезами. Ведь Витька был мечтателем, романтиком и поэтом.

Эмоции подхлестывало дополнительно к стихам, которые он сочинял бессонными ночами, чтение книг о любви и приключениях.

Сладостные мечты о счастье с любимой девушкой переполняли его существо, давили на физиологию, заставляли страдать.

В десятом классе он был обречённо влюблён в Люсеньку, миниатюрную хрупкую девочку с волосами цвета гречишного мёда, выющимися, как шерсть у ягнёнка и серыми оленьими глазами огромного размера.

Она была нежна и прелестна. На её лицо можно было смотреть часами, но мешало одно бы: он не смел это желание осуществить.

Наблюдая за девочкой украдкой, Витька млел от неразделённого чувства.

Как Люсенька могла ответить взаимностью, если ничего не знала о его страданиях?

На уроках они сидели в разных рядах. Виктор – на две парты дальше.

Видеть и слышать учителя, когда девочка находилась рядом, было попросту невозможно.

Люсенька мерещилась юноше сказочным видением.

Девочка была невероятно, просто сказочно прекрасна. Лучшую подружку придумать было невозможно.

Её мелодичный голосок звучал тихим шёпотом ручейка на каменистом перекате в тенистом лесу. Маленькие ручки, сложенные на парте, вызывали восхищённый интерес.

Как же хотелось до них дотронуться, хотя бы одним пальчиком.

Витьке мерещилось, как он провожает Люсеньку, держась за миниатюрную ладошку, как они весело и беззаботно болтают обо всём на свете.

Юноша словно наяву чувствовал биение сердца, тепло руки, нежность кожи.

Лицо девочки казалось ему изысканным и безупречным.

Если бы он был художником...

Не бывает чего-то более совершенного и изящного, – думал он.

Казалось, что Люсенька только что вернулась с пробежки, настолько ярко и привлекательно выглядела её бархатистая кожа.

Лёгкий румянец на её щеках, подёрнутых детским пушком, если случайно встречался взглядом, вызывал у Витьки чувство вины и внутреннего осуждения, потому, что казалось, его поймали на месте преступления.

Обворожительная улыбка, если она была обращена не к нему, навевала тоску и уныние, рождала готовность разрешиться.

До такого совершенства нельзя дотрагиваться, можно лишь восторгаться и украдкой разглядывать, предполагал Витька.

Увы, его взгляды не разделяли мальчишки, которые могли запросто обнять девушку, погладить её по волосам, взять руками за талию.

Витька смотрел с обожанием на пухленькие губки цвета спелой вишни, обычно слегка влажные. Она так любила облизывать их, слегка высовывая язычок.

Люсенькин вздёрнутый носик, настолько аккуратный, что хотелось чмокнуть в него, как обычно это делают с грудными малышами, вызывал безотчётный восторг.

Хотя Витька изучил тайком мельчайшие подробности облика девушки, описать её внешность словами он не смог бы, потому что воспринимал не телесно: это была зачарованность, воплощённая мечта, романтический идеал, сладостная, но недостижимая тайна.

Ничего важнее Люсеньки не существовало для него на всём белом свете.

Провожать и встречать девушку тайком от неё, дожидаться внезапного появления в кустах у подъезда, наблюдать, как ходит, разговаривает, читает, мечтать о свиданиях и беседах стало единственным моим занятием вплоть до окончания школы.

На выпускном балу все девочки были очаровательны: им хотелось запомнить этот день навсегда, поэтому они и гото-

вились преподнести юную женственность в самом выгодном свете.

Даже на фоне такого скопления нарядных прелестниц Люсенька выглядела богиней.

Витька чувствовал, знал, что влюбился в самую красивую девушку планеты, завидовал сам себе.

Но так и не подошёл к прелестнице.

Юноша был расстроен, раздосадован, бледен. Его душа рвалась в бой.

Страх оказался сильнее.

Люсенька была намного решительнее.

Она приблизилась к Витьке лёгкой походкой, сделала изящный книксен и пригласила на белый танец.

Юноша был настолько ошарашен неожиданно свалившимся счастьем, что не сумел ничего даже проблеять.

Ноги как обычно свело судорогой, непослушный язык застрял во рту. Выпучив глаза, Витька смотрел влюблёнными глазами на предмет обожания, и ничего не ответил.

Люсенька пожалала плечами, и пританцовывая подошла к другому юноше. Она была весела и беззаботна.

Витька с досадой глядел как Люсенька легко и изящно кружится в танце, как цветастыми бабочками порхает подол её платья, как Серёжка Полянский держит девушку за нежную ладошку, а другой обнимает за талию, как смотрел на неё восторженно и игриво.

Партнёры по танцу летали по всему залу, пока быструю

мелодию вальса не сменил медленный модный шлягер.

Тогда Сергей прижал девочку к себе, другую руку положил на её плечо. Люсенька склонила к нему на грудь голову, а юноша что-то шептал.

Следующий танец девушка тоже подарила Сергею, и ещё, и ещё...

Мальчишка целовал Люсенькину шею, а Витька стоял у стенки, обмирал от тоски и плакал, не замечая ничего вокруг.

– Почему, ну, почему жизнь так несправедлива, – досадовал он, – ведь я её так люблю.

Болел и страдал Витька очень долго, пока однажды с ним не поговорила мама.

Она вызвала сына на откровенность. Совсем непонятно, как ей это удалось.

Мама внимательно выслушала Витьку, ни разу не перебив, и сказала, – если очень долго смотреть на любимую, можно увидеть, как она выходит замуж. Другого результата таким образом добиться невозможно.

– Но ведь именно об этом я и мечтаю.

– Только не за тебя, сынок. В материальном мире в зачёт не идут мечты и переживания. Откуда Люсеньке знать, что любишь её, если ей об этом не обмолвился, даже танцевать отказался. Представляешь, как ей было неловко?

– Я хотел, очень хотел, мечтал. Знаешь, мама, если бы друзья взяли меня “на слабо”, и наблюдали, как знакомлюсь, я

бы сделал это, во что бы то ни стало. Люсенька – моя тайна. Я даже себе не мог признаться в том, что люблю её.

– У тебя ещё случится серьёзное чувство, и не раз, но если девочка не будет знать о твоих намерениях, если не найдёшь в себе смелость признаться в романтических чувствах, результат будет тот же. Кто-то другой, но не ты, будет целовать, обнимать, шептать с замиранием сердца слова любви.

Витька долго думал, переживал, страдал и понял, что во всяком можно стать, даже не имея стаи. Можно просто представить себе, что она есть, и прыгнуть.

Точно так же, как с балкона третьего этажа.

И тогда, собравшись с духом, он попробовал это сделать, преодолев сомнения и страхи, которые оказались напрасными.

Теперь Люсенька – его жена.

А НОЧЬ БЫЛА КАК МУЗЫКА, КАК МИЛОСТЬ

А мы купались... И вода светилась...

И вспыхивало пламя под ногой...

А ночь была как музыка, как милость

торжественной, сияющей, нагой.

Вероника Тушинова

Время летело, странно пульсируя: иногда тянулось, а то вдруг начинало перемещаться скачками.

Выходишь в понедельник на работу, а уже пятница. Впереди два бесконечно длинных томительных дня, когда нет ничего, кроме тоскливого одиночества.

Несмотря на это никого не хочется видеть.

Совсем никого.

София, не Софья, а именно София, внешность имела милостивую, привлекательную, но относилась к ней равнодушно.

Женщина не пользовалась парфюмерией и косметикой, предпочитала для украшения лица пощёчины, вызывающие пылающий румянец, и укусы для наполнения кровью и усиления цвета для губ.

Глаза и волосы у неё были яркие от природы.

Преимуществами фигуры София тоже не пользовалась: носила объёмные свитера и блузки, просторные брюки с высоким поясом и выточками, туфли без каблука.

Ей интересовались мужчины, даже весьма активно. София периодически предпринимала попытки с кем-либо познакомиться.

Романтические эксперименты обычно ни к чему серьёзному не приводили: не было в отношениях с ними того, что однажды, восемь лет назад с ней происходило.

Тогда, в девятнадцать лет, её рассудок был взбудоражен мальчишкой, который учился в том же институте, что и она.

Некая колдовская сила заставила Софию сконцентрировать внимание на Северьяне без остатка. Чем именно привлёк девушку этот парень, она не понимала. Он в один миг стал для неё всем.

Девочка почти полгода бредила любовью, чуть не вылетела из-за избытка эмоций с курса.

Сева был обходителен и ласков. От его прикосновений София едва не падала в обмороки. То же самое происходило с девушкой ночами, стоило только представить встречу с любимым.

Мальчишка имел у девочек успех, но любить не был способен.

Северьян грубо порвал связь с Софией, как только добился её интимной благосклонности.

Было больно. Девочка долго находилась в депрессии, много раз замышляла уход из жизни, даже писала прощальные письма для родителей.

Если бы не Ромка Шершнёв, друг детства, спасший Софию от рокового шага, возможно, её уже вспоминали бы только в дни рождения и смерти.

Ромка был настоящим другом.

С тех пор как её предали, отношения с мужчинами не складывались. А Ромка...

Ромка, это Ромка, этим всё сказано.

С ним можно говорить обо всём, даже о том, о чём нельзя ни с кем другим.

С ним всегда замечательно, но у него была девушка, Катя Рохлина. В их отношения София не лезла, никогда не спрашивала, а Сева не любил распространяться на интимные темы.

Она часто всматривалась в лицо его подружки, пыталась прочесть, как та к нему относится, даже немного ревновала.

Единственное, что София знала точно, что любовь у этой парочки было непростой. Месяцы пылких чувств, эмоциональных подъёмов перемежались неделями конфликтов и ссор, изматывающими расставаниями, азартными телефонными баталиями.

Несмотря на сложности отношений, это была настоящая любовь, иначе, почему бы сражение или романтический поединок длился уже больше пяти лет.

Роман сильно страдал оттого, что не мог отыскать точку равновесия.

Последнее время София была предельно одинока. Ромка не приходил, не звонил, не давал о себе знать. Похоже, между влюблёнными опять происходило что-то неприглядное.

Женщине было ужасно жалко друга. Она много думала об их отношениях, таких искренних и близких, но отстранённых и далёких одновременно.

София не могла понять свои чувства. Всех мужчин она сравнивала с Романом. У каждого находила массу изъянов и несоответствий.

Что-то в их дружбе было не так.

Но что?

Женщина невыносимо нуждалась в любви, мечтала о ласке, грезила взаимными чувствами, но особенными, такими, когда можно быть уверенной на все сто процентов и даже больше.

Такого человека она знала только одного – Романа.

Но он друг.

Да, бывали и у них моменты близости. София много раз позволяла Ромке обнимать себя, утешать, даже поцелуи случались, но добродетельные, отеческие.

В них не было страсти.

Роман видно просто не знал другого способа успокоить женщину, передать ей свою уверенность и сочувствие.

Софии казалось, что он делает это с определённым безразличием, бесполо.

Друг никогда в такие моменты не переступал черту, не давал повода почувствовать своё мужское начало.

Он утешал её как ребёнка.

София понимала, знала, что молодой мужчина всегда в отношениях с женщинами подчиняется инстинкту самца, более сильному, чем глубокие чувства, желает иметь с ними секс, но ничего подобного, никакой страсти в отношении себя от Ромки не видела, не чувствовала.

Казалось, он был холоден даже тогда, когда целовал в губы.

Он ни разу не дотронулся похотливо до её груди, не дрожал, проводя ладонями по её лицу, не прижимал с вождением.

София не могла воспринимать его нежность как интимную ласку.

Роман не такой.

А какой он, какой? Почему мысли о нём занимают так много сил и энергии? Ведь он друг. Просто друг.

Ромка не был стеснительным, запросто мог намекнуть, что не прочь переспать с ней. Но делал это деликатно и так тонко, что это можно было принять за шутку.

Когда между Ромкой и Катей проскакивали искры раздора, София в свою очередь начинала реанимировать его искалеченную душу, тоже сближением тел и душ.

Иногда в такие минуты они лежали на кровати, тесно прижавшись, передавая взаимное тепло, искреннее участие и нежность, способную исцелять.

Роман гладил Софию по голове, перебирал её локоны, уткнувшись в шею. Иногда они вместе плакали.

Было приятно, уютно, их тела обволакивало истомой и нежностью.

Ромка несколько раз предлагал начать интимные отношения, ласково заглядывал в глаза. Словно проверял реакцию.

София считала, что уступать, потакать его слабости не нужно: это может разрушить самое главное – дружбу.

И вот ей уже двадцать семь, а любви всё нет и нет. Теперь и Ромка исчез.

Зато мысли о нём и чувства всегда были с ней, точнее в ней.

София всё чаще думала о Ромке, представляла, как они лежат, обнявшись, как он...

Как он? Но, почему именно он?!

Да, да, да! Она представила, как целует Романа, как они сливаются в единое целое.

Не так, как обычно, чувственно, по-взрослому.

Друг ласкал её грудь, прижимал к себе. Волна напряжения прокатывалась по телу, кровь прилиwała к лицу, к груди. Жар и трепет опускались ниже, вызывая томительную сладость и ощущения праздника.

Такие грёзы случались всё чаще, становились постоянными спутниками плохого и хорошего настроения.

Когда Ромка пришёл в очередной раз и предложил съездить на недельку на море, София согласилась сразу.

Они сняли в гостинице номер на двоих, утром и вечером бесцельно бродили по набережной, держась за руки, неутомимо лазили по скалам и руслам сухих рек, заплывали невероятно далеко в море, загорали в обнимку, спали в общей кровати.

Так продолжалось неделю.

В один из дней друзья отправились после ужина в кафе купаться ночью.

Было весело. Они чувствовали некое неразрывное родство, были благодарны друг другу за сочувствие и помощь.

Толика алкоголя подогривала интимное любопытство, притупляла стеснительность и осторожность.

Друзья разделись, решили купаться нагишом.

Ярко светила Луна, отражаясь в спокойной морской воде, мерно накатывали тёплые волны.

София впервые видела Ромку без одежды. Она вообще первый раз видела голого мужчину, хотя давно не была девственницей.

Слияние с Северьяном происходило в полной темноте. Она даже не видела выражение его лица, только чувствовала желание: своё и его.

Но это было так давно.

Друзья просто играли, просто развлекались как бы шутя, дотрагивались до того, что прежде было скрыто покровами одежды, стоя по пояс в воде, дрожа, словно от холода, не в силах разорвать объятия.

Они ещё не знали, не понимали, что не смогут остановиться, что сейчас делают именно то, о чём неосознанно, но часто мечтали и думали.

Дотрагиваться до Ромкиного тела было удивительно приятно, его ласковые поглаживания останавливали дыхание. Нежный, но глубокий поцелуй вскружил голову.

София мечтала, ждала и немного боялась, что прямо сейчас Ромка овладеет ей.

Ромка с силой прижимал её бёдра, мял груди. Ещё немного и он перестанет собой владеть.

– София, девочка, ты действительно этого хочешь?

– Да, да, да! Не задавай глупых вопросов. Просто делай то и так как считаешь нужным.

– Не хочу, чтобы это происходило обыденно, банально, словно есть причина спешить. Давай устроим настоящий праздник в нашем номере: на белых простынях, при ярком освещении. Если ты позволяешь мне такую близость, я хочу запомнить этот сладкий миг навсегда.

София молчала, она была согласна на всё, боялась лишь, что Ромка или она сама передумают, струсят.

После того как всё произошло, друзья, впрочем теперь непонятно, кем они стали, в перерывах между приступами

любви долго и очень откровенно разговаривали.

Теперь они могли рассказать друг другу обо всём, даже о том, что конфликты с Катей происходили оттого, что в моменты близости он несколько раз называл её Софией.

Ромка всегда мечтал, что София будет его женой, но никогда не решился бы это озвучить. То же самое происходило и с ней.

Причудливые выражи

Не знаю, кому ты в'едом и чем вед'ом,

какие изломы болят на твоём пути.

Я вижу в тебе пустой и поющий дом.

Суметь бы в него войти.

Суметь бы войти и зажечь в этом доме свет.

Суметь бы заполнить теплом угловую мглу.

И если ты видишь этот же дом во мне –

ты сможешь

и я смогу.

Оль Костюченко

Лето, ах лето!

Денис так его любил: был неистово одержим ласковым теплом, буйством красок и необъятным числом возможностей самореализации. Ни один другой сезон не вызывал подобных восторгов.

А ещё юноша обожал девушку своей мечты, которую страстно любил, но которая вела себя непредсказуемо, даже странно.

У Евы не было собственного настроения, личных эмоций, стремлений и желаний. Её обычное состояние – медлительная беспричинная меланхолия, сентиментальная унылость, неуверенность и пессимизм.

Он надеялся на то, что рано или поздно отогреет свою Еву избытком чувственности, заботой и теплом отношений, но пока попытки вдохнуть в любимую энтузиазм были безуспешны.

Девушка могла ластиться к нему, говорить о любви, но лишь в ответ на его восторженные эмоции, которые извергались водопадом, щедро заполняя окружающее их пространство.

Энергия любовного возбуждения, превратившегося в поток небывалого воодушевления, вдохновляла юношу на немыслимые поступки: наивные, но искренние.

Он постоянно с легкостью необыкновенной и видимым удовольствием ухаживал за своей Евой: опекал, отдавал, дарил, утешал, украшал и радовал.

Денис Весёлкин обрстал надеждами и вдохновением, несмотря на строптивый характер, капризный нрав и пристрастие к нелепому, но изысканному с её точки зрения образу жизни подружки.

Юноша никогда не спорил с мнением подружки, не опро-

вергал её утверждений и ложных мнений о себе, об окружающем мире, будучи от рождения на редкость кротким, благородным и добродушным.

С ним всегда можно было договориться.

Накопленный им запас любви распространялся на всё и всех. Рядом с такими людьми как Денис даже случайные знакомцы заряжались энтузиазмом, ощущали прилив сил и душевный подъём.

Ева, девочка из простой семьи, напротив, не имела понятия о скромности: постоянно язвила, заявляла списком претензии, озвучивала причудливые, зачастую абсурдные желания и требования.

Одевалась она вызывающе ярко, слепо следуя за непредсказуемыми прыжками молодёжной моды, которую Денис находил ребячливой, смешной и нелепой.

Впрочем, её недостатки казались юноше скорее достоинствами.

Денис был лириком и романтиком, умел видеть скрытые качества, красоту и цвет там, где другие не различали оттенков и форм.

Ему было без разницы, по какой причине окружающие фокусируют взгляд на его подруге, оглядываются вслед, провожают, оценивают. Юноша считал, что к женственной юности невозможно быть равнодушным.

Денис относил взгляды и предпочтения Евы к издержкам молодости, временным особенностям женского харак-

тера, подверженного влиянию окружения. Большинство её друзей были откровенными иждивенцами, искренне верящими в счастливое будущее, которое гарантировано как минимум усилиями родителей, как максимум – чудесам удачливости.

– Девочки обязательно должны вдоволь наиграться в куклы, – рассуждал Денис, – чтобы легко и свободно перейти на более высокую социальную ступеньку, предполагающую личную ответственность и добровольные ограничения как осознанную необходимость.

Мама Дениса на этот счёт говорила и считала иначе, с нескрываемым сарказмом, – чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не плакало. Жареный петух в попу клюнет – мигом повзрослеет.

Юноша надеялся, что со временем Еве наскучит, станет чуждым сегодняшнее окружение, появятся иные, более разумные, взрослые интересы, что это случится непременно.

Иными станут жизненная позиция, мечты и планы, сам собой развеется меланхолия и унылый пессимизм, стоит только показать девочке скрытые возможности искреннего воодушевления от процессов творческого созидания, противостоящих разрушению и хаосу.

Денис твёрдо рассчитывал на долгие и прочные узы любви, на создание семьи в полном объёме, со всеми вытекающими из этого желания последствиями.

Девочка ему очень нравилась, несмотря на сложный ха-

рактер.

Прежде у него были подружки. Случались объятия и поцелуи, но отсутствовали привязанность и страсть.

Денис не переживал за них, как за Еву, не чувствовал трепетного ликования во всём теле, не скучал по ним при расставании, не искал так настойчиво встреч, не загадывал наперёд.

Целоваться, гулять с прежними подружками, было любопытно, интересно, но не более того. Впрочем, тех девочек Денис тоже не сумел зажечь.

Ева незаметно заняла значительный объём в чувствительном и ранимом теле его души, стала незаменимой спутницей жизни.

Он давно перестал отделять её от себя и своей судьбы, старался учитывать совместные интересы и возможности, непременно произносил – “мы”.

Небольшая возрастная фора в четыре года давала ему право считать себя взрослым, а подружку маленькой девочкой. Денис уже не был иждивенцем, отработав два года системным администратором в крупной консалтинговой фирме, дополнительно подрабатывая программистом в сфере компьютерных игр.

Зарботка его хватало на оплату ипотеки, большая часть стоимости которой была выплачена из средств, заработанных ещё студентом. Теперь он практически собственник новой двухкомнатной квартиры с качественным евроремон-

том, полностью подготовленной для полноценной семейной жизни.

Осталось только получить согласие потенциальной невесты.

Денис не сомневался, что девушка примет его предложение вступить в брак с радостью: ведь они уже больше половины года вместе, и то, что между ними происходит, явно отношения, а не флирт.

Первая встреча, всплеск обоюдного, как ему виделось, интереса, произошёл больше трёх лет назад, на институтском слёте, когда их палатки случайно оказались рядом.

Дружеские отношения между ними долгое время то возникали, то угасали, пока не стали постоянными.

Несколько туров медленного танца, когда партнёрша позволяла настолько тесную близость, что Денис чувствовал биение её сердечка, моментально выполнили природную задачу, обозначив единственно значимую с тех пор для Дениса цель – добиться благосклонности юной девы.

Яркое скользящее платье открывало доступ для прикосновений. Воспринимаемое на ощупь горячим упругое тело, невыносимо волнующий флёр удивительных на вкус девичьих запахов, трепетная близость щёк, горячее дыхание, новизна ощущений, значимость и очарование прикосновений – всё это необыкновенное чудо, попросту волшебство, выбило парня из привычной колеи, заставило поклоняться единственному божеству – несравненной и единственной на све-

те девушке с говорящим именем, Ева.

Правда, ничего особенно серьёзного пока не происходило, что совсем не казалось Денису неправильным. Он ценил целомудренность подружки всерьёз.

Взрослых отношений Ева избегала, что давало юноше уверенность в её непорочности и реальной достижимости выбранной цели.

Увы, это впечатление было наивной ошибкой.

С девственностью Ева без сожаления рассталась ещё на первом курсе, но сообщать об этом Денису не хотела, исходя из непритязательной логики, что любая проблема рано или поздно рассасывается сама, не оставляя следа, если не акцентировать на ней внимание.

– Подумаешь, я ему ничего не должна, – рассуждала девушка, – не нравится, пусть ищет другую подружку! Свято место пусто не бывает.

Тогда, на слёте, Ева с его помощью пыталась выйти из продолжительной депрессии после расставания с двумя парнями сразу после болезненного избавления от плода любви, неизвестно кем из них ей подаренного.

Отцом мог быть один из них, хотя и это не совсем точно. Были у неё в то время и одноразовые любовники.

Ева никогда не отказывалась от возможности испытать сладость сближения, испытывала от страстных постельных игр немислимое блаженство, иногда многократно, когда тело целиком превращается в экстаз, каждая клеточка стонет,

испытывая кратковременную блаженную эйфорию.

Особенно страдала она от расставания с Егором, который агрессивно требовал, чтобы называла его Игорем.

В отличие от всех прочих любовников, с ним она испытывала настоящее опьянение, продолжающееся очень долго даже после коротких встреч.

Если случалось ей во сне любить или ненавидеть, добиваться и страдать, что с молодыми возбуждёнными девочками случается довольно часто, то только с ним.

Знала бы она точно, что зачала от Егора, аборт, скорее всего, делать бы не пришлось.

Ева не знала, кто отец, потому, что никогда не предохранялась, рассчитывала на спринцевание и графики регул.

Что она чувствовала по отношению к Егору, девушка не понимала разумом, только чувствовала неодолимое стремление быть рядом, испытывала неподдельную пламенную страсть.

И скучала без него.

Помани её Егор хоть сейчас – побежала бы за ним без оглядки.

Только не позовёт. Слишком гордый и независимый, свободу ценит превыше всего.

С Денисом Ева закрутила назло любимому, желая и пытаясь вызвать в нём чувство ревности.

Егор откровенно пользовался девушкой, хотя и любил по-

началу. Ему слишком много было о подруге известно, поэтому он демонстративно ублажал её ближайших подруг, удобряя тем самым почву не только для любви, но и для ревнивой ненависти.

Девушка тогда болезненно мечтала о том, чтобы с ним случилось что-нибудь трагическое, лишившее способности двигаться, действовать. Тогда она бросила бы всё и вылечила его, самоотверженно демонстрируя свои чувства.

Такие мысли очень похожи на детские обиды, когда родители ставят в угол за какую-нибудь провинность, – вот умру, посмотрю тогда, как вы плакать будете.

Ева испытывала физические и духовные страдания по Егору, а обиду и боль вымещала на Денисе.

Обнимаясь, обмениваясь поцелуями, девушка закрывала глаза и грезила, представляя того, другого.

Зачем ей нужно было играть столь жестокую роль, она и сама не понимала.

Еве необходима была близость с мужчинами, их особенная сексуальная энергетика, которой те щедро делились, вступая в половой контакт без обязательств, но Денису отжаться она не могла: что-то удерживало девушку от этого шага, притупляло желание.

Повторная беременность тоже страшила.

Как бы то ни было, с Денисом в опасные отношения Ева не вступала, держала парня на расстоянии, но не отпускала, играла как кошка с мышкой.

Впрочем, юношу платонические отношения удовлетворяли полностью. Он до сих пор оставался девственником, хотя и испытывал некоторый дискомфорт от набухания плоти и спонтанных ночных излияний: считал это состояние неким лишь ему присущим интимным изъяном.

Денис стыдился, когда греховный невольник выпирал в районе ширинки: старался найти такую позу, которая позволяла скрыть от девушки пульсирующее безобразие.

Стремление во что бы то ни стало обладать женщиной, проникать в запретные интимные пределы, ещё не овладело его сознанием, потому давало воле эксклюзивное право распорядиться собственными действиями самостоятельно.

Ева же иногда позволяла себе вольности с проверенными партнёрами, предохраняясь при этом всеми возможными способами, что после болезненного аборта считала разумным.

Параллельно свиданиям с Денисом она время от времени устраивала как бы случайные встречи с Егором.

Тот был упрям: упорно игнорировал её прямолинейные, недвусмысленные притязания на большую любовь, испытывал одновременно возбуждение и гнев при виде бывшей возлюбленной.

Его реакция давала всё-таки девушке повод надеяться на взаимность в будущем. Связь порвана, бывшая партнёрша как бы безразлична, но Егор при виде Евы нервничает, пря-

чет взгляд.

– Раз переживает, значит, страдает, – рассуждала девушка, – что если попытаться вызвать в нём чувство уязвленного собственника, взять и объявить о предстоящей свадьбе? Денис, скажи я ему о такой возможности, от счастья будет радостно прыгать. Возможно, недолго, но какое это имеет значение, если на карту поставлена близость с Егором? Его отношение для меня намного важнее. Значит, нет повода переживать. Мораль хороша лишь тогда, когда выгодна.

Подтолкнуть Дениса к признанию в любви, предложению руки и сердца, не составляло труда.

Продолжительный поцелуй, ласковая рука, случайно оказавшаяся на основании мужского корня, неожиданно чувственный стон, символизирующий вождение и сладость от его прикосновений. Всё, Дениска поплыл.

Направленная в содержимое бюста его дрожащая от страсти рука, где ждали и жаждали встречи соблазнительные припухлости, увенчанные напряжёнными ягодками, обожгли парня новыми ощущениями, сразили наповал.

Денис тогда чуть не выскочил из штанов, ошарашенный напором любимой.

В его мозгу зажглась готовая к решительным действиям кнопка старт, ожидающая лишь команду, запускающую вечный процесс, происходящий на предельно близкой дистанции между мужчиной и женщиной.

Уговаривать его не пришлось. Он давно ожидал повод для

столь желанного события.

Обручальные кольца уже лежали наготове, как и деньги в полном объёме на предстоящее торжество.

Денис мечтал о согласии Евы стать женой, но хотел, чтобы это случилось без сомнений и принуждения, по личному желанию девочки, по большой любви.

И дождался.

Сладкий, непривычно долгий и глубокий поцелуй вывел его из равновесия, заставил спешить.

Не понимая, что делает, Денис суетливо предлагал и обещал Еве то одно, то другое, что было лишь способом успокоиться и начать действовать взвешенно.

– Милая моя девочка, ласковый пушистый птенчик, ты вся дрожишь, тебе наверно страшно. Не волнуйся, мы теперь всё-всё уладим. Нам спешить некуда. Скажешь, когда будешь готова стать женщиной. Не поверишь, я боюсь не меньше тебя. Я ведь до сих пор девственник. Если честно, до груди первый раз дотронулся, чуть сознание не потерял. До чего же сильно меня торкнуло, просто обожгло. Представляю, какая прелесть там, внизу. Точнее, нет, совсем не представляю. Может одним глазком, прямо сейчас?

– После свадьбы, милый. Всё случится в положенное время. Вместе и окунёмся с головой во взрослую жизнь. Когда расписываться пойдём?

– Сегодня... сейчас и пойдём. И непременно торжественно, с гостями, с музыкантами и тамадой, с белой фатой,

с танцами до упада. Я почти научился, специально ходил тренироваться. Радость моя! Какая же ты прелесть. Вот я и дождался этого светлого дня. Детям будем рассказывать. Сколько детишек хочешь, Ева? Меньше двух не предлагать. Семья должна быть настоящей, полной. Первая будет девочка, назовем её Машенька. Согласна?

– Ты мужчина, тебе и решать. Сможешь на такую ораву заработать?

– Я и сейчас неплохое жалованье получаю. Евочка, маленькая моя. Дай покружу тебя. Лёгонькая какая. Как бабочка. В этой комнате мы с тобой будем жить, в той детскую устроим. Заживём всем на зависть. Попрошу отпуск, съездим... куда ты хочешь, ласточка? Турция, Египет... или во Вьетнам. Дорого, конечно. Ничего, займу. Я такой счастливый, горы готов свернуть. Отработаю. Я теперь несу ответственность: за тебя, за нас. Собирайся, пошли.

– У меня паспорта с собой нет. Нужно в общежитие забрать. А справлять где будем?

– Ну, не дома же. В ресторане, конечно. Ты вся в белом, как пирожное с кремом, я в приличном чёрном костюме. Море цветов, толпа гостей, море шампанского, многометровые гирлянды из разноцветных шаров, фрейлины, снимки на память. А потом... думаю, за ночь разберёмся, что к чему.

Это будет самая волшебная ночь в моей жизни. Как подумаю...

Может, всё-таки заранее попробуем? Ты не думай, я не

настаиваю, однако, жуть как любопытно, хотя бы взглянуть разочек, какая ты там... без всего. Евочка... ладно, не смотри на меня так, я не сумасшедший, всё понимаю. Не так просто расстаться с девственностью.

Мне тоже. Но хочется, очень хочется попасть в романтическую сказку. Словно магнит к тебе приклеили. Эта зараза покоя не даёт, словно компас, всегда на север. Всё, всё... умолкаю. Дурак я, да? Не каждый день женихом становишься. Как же я тебя люблю, золотко! Нет. Не люблю, обожаю. А спать ты сегодня у меня останешься?

– Опорочить хочешь, Дениска? Я ведь девушка гордая, упрямая: если чего решила – отступаться не люблю. Сначала свадьба, потом близость. Спорить не будем, хорошо? Наспимся ещё, котик.

– Понимаю, Евочка: не доверяешь, опасаясь, что я не тот, за кого себя выдаю. Господи, о чём это я! Совсем крышу снесло от неожиданности. Не слушай, делай как нужно, как сердце подсказывает. Деды наши не зря такой порядок завели, чтобы первая близость в первую брачную ночь. Есть значит в этом обычае какой-то серьёзный сакральный смысл. А давай ты останешься, а спать будем одетыми. Вроде как силу воли испытываем. Так можно?

– Денисочка, не настаивай: всему своё время.

– А если они, в загсе, заставят целый месяц ждать, или вообще два... тебе совсем меня не жалко, да?

– Не капризничай. Ты же не девочка. Месяц туда, месяц

сюда. Как же ты раньше жил без нагих красавиц, не умер ведь?

– Раньше я был одиноким молодым оленем, теперь жених, без пяти минут муж. Разве я не имею права рассмотреть, прикоснуться к сокровищам юной избранницы? Предлагаешь кота в мешке приобрести? Обидно, согласишься.

– Я, по-твоему, кот, то есть, если расшифровать правильно – кошка драная?

– Чё сразу драная? Кошка как кошка: белая, пушистая, гладенькая, очень даже нежная. Это снаружи. Но ведь всё остальное под замком.

– Чего именно ты хочешь прямо сейчас увидеть?

– Если бы знал, чего, сказал. Потому и хочу, что не представляю, о чём прошу. Ты для меня непостижимая загадка, мистическая тайна, нечто недостижимое, сокровенное.

– Денис, не хочешь ли ты сказать, что только ради этого замуж меня зовёшь?

– Боже упаси! Не говорил я такого, и в уме не держал. И всё, раз так, закончим этот разговор. После свадьбы, значит, после свадьбы. Пошли заявление подавать.

На следующий день весь институт знал, что Ева выходит замуж.

Студенты, намеренно посвящённые в тему, крутили у виска, показывая пальцами на Дениса. Но правду сказать, намекнуть жениху на недавнюю доступность невесты, никто не решился.

Маховик приготовлений закрутился, набрал обороты.

Время до торжества пролетело быстро.

Егор несколько раз хотел с Евой поговорить, но каждый раз передумывал. Похоже, его основательно ломал тот факт, что им как бы пренебрегли, что нашёлся олень, которому без разницы, кого чпокать, лишь бы на постоянной основе.

Не только девушка попала в зависимость, парень тоже мучился сомнениями и желанием восстановить статус-кво. Таких сказочных ощущений, какие он испытал с Евой, не удалось повторить с другими девицами.

Что-то странное происходило с ним: рвало душу, настойчиво требовало вернуть отношения в прежнее русло.

Егор ревновал и ненавидел.

Подруга уплывала в неизвестном направлении, возможно навсегда. Нужно на что-то решаться. В конце концов, он тоже жил, с кем хотел. Какие в таком случае могут быть претензии? Сам виноват не меньше.

– Пора прибиваться к какому-то берегу, – убеждал себя Егор, – спать можно с любой девкой, не с каждой в рай попадаешь. Ева единственная, с кем мне было по-настоящему хорошо. Покуролесили, наделали глупостей. С кем не бывает. Подумаешь – проблема. Я и дальше монахом быть не намерен. Сколько девчонок оприходовал – ни одна не зацепила. Стоит, конечно, поучить засранку, чтобы впредь место на коврике у порога знала. Но это потом. Или никогда. Знать бы: любовь это у неё, или так, романтические страдания по

поводу утраты любимого меня. Думать нужно, думать!

Денис тоже ходил сам не свой: переживал, волновался. Терзала парня некая неопознанная тревога, которую он списывал на неопытность и величину ответственности.

Он старательно примерял к себе роль главы семьи, мужа, но при этом чувствовал себя словно оципаным, неполноценным. Постоянное сексуальное напряжение без разрядки лишало сил и жизненной энергии.

Мысли о нереализованных желаниях высверливали мозг, угнетали психику, невольно приковывали внимание к недоступному, но такому желанному центру притяжения.

Ева старательно, можно сказать, талантливо, играла роль застенчивой невесты: злорадно разжигала его возбуждённое состояние, продлевая интимные мучения жениха.

Она сама не понимала, на что злится, почему так изощрённо мстит человеку, который по-настоящему её любит.

Ева старательно, весьма увлечённо ласкала Дениса, намеренно переступая ей же обозначенные границы, но не допускала близкого интима, получая от этого процесса неподдельное удовольствие.

Ей-то что – получить разрядку совсем не сложно: стоит только свистнуть – желающие слетятся на сладкое, как коршуны на загнанную дичь.

Девушка понимала и чувствовала, что с Денисом ей было бы хорошо: он надёжный, верный, но желание вновь завоевать расположение и любовь Егора, одержимость страстью

непрерывно получить желаемое, было сильнее.

Эта раздвоенность бесила Еву, заставляла чувствовать некое подобие вины, отчего причинять боль потенциальному жениху казалось логически верным ходом: пусть почувствует то же, что она.

Жалеть Дениса Ева не собиралась. Сам себя в силки заманил.

– Какая разница, что он ни в чём не виноват! Такой же кобель, как и прочие мужики. Небось, корешок не отвалится, не завянет, оттого что не дала. Переболеет, другую давалку найдёт, если что, она и вылечит. Лишняя наука никому не повредит. Меня тоже учили, и унижали тоже.

Одно только не давало Еве покоя: а если не оправдаются расчёты, если старания напрасны, если Егор плюнет и разотрёт, покажет напоследок кривую ухмылку и большой кукиш?

– Придётся ведь всерьёз замуж идти, – негодовала она, – ну и что, другие живут без любви – не умирают. Но ведь детей от Дениса рожать придётся, вот где засада, всё прочее ерунда. Зато думать ни о чём не нужно: сам добудет, сам принесёт, ещё и уговаривать будет, чтобы отломила ломтик. Красоту и молодость всегда можно выгодно продать, на худой конец, сдать в аренду. Не будет хватать секса, заведу любовника, только и всего.

И ещё одно волновало её сейчас – утраченная девствен-

ность.

– Зачем я, дура бестолковая, в целомудренность-то с ним играла? Ладно, с этим вопросом можно справиться, только беспокоиться об этом придётся заранее, прямо сейчас. Тут уж не имеет значение, клюнет Егорка на провокацию, или нет. Подстраховаться нужно сразу, немедленно. Девочки говорили, что операция по восстановлению девственной плевы довольно простая: только плати.

Как ни мечтала Ева достать ревностью Егора, но пути к отступлению решила подготовить.

– Опасная игра, – переживала она, – небольшой промах и все усилия окажутся напрасными. А что делать? Охота – пуще неволи. Егорку женихом хочется, хоть застрели. Люб он мне, и сладок. Денис лишь для скамейки запасных игроков годится. Какой с него прок, кроме роли приманки на крупную дичь?

– Ни за что не отступлюсь, – решила Ева, – или пан, или пропал. Я своего добьюсь, чего бы это ни стоило.

– Пошевелить милого дружка нужно, слухи распустить про нашу с Денисом большую любовь: про нежность, привязанность и страсть. Пусть побесится Егорка, пусть вспомнит наши жаркие ночи. С него не убудет: страдания облагораживают. После отомщу за непонятливость, когда дело сладится. Так накажу, что мало не покажется.

Никогда Ева не думала, что на такое способна. Чего только ради любви не сделаешь.

Сглупила по молодости, пока разницы никакой между мужиками не понимала, теперь приходится нервами расплачиваться, чтобы хоть попытаться исправить те ошибки.

– Авось повезёт. Верила бы в бога, помолилась. На Егоркин эгоизм, на самоуверенность и самолюбие, которого у него через край, весь расчёт.

Время стремительно летело, а вестей от любимого всё нет и нет.

Молчит как партизан.

– Неужто отступится, гадёныш? Неужели не нужна я ему совсем, и это после всего, что между нами было, – Ева всплакнула, сжала кулачки, – не прощу, пожалеет, что на свет появился! Ладно, под венец, так под венец. Назло Егорке накануне свадьбы преподнесу Денису золотой бонус на тарелочке с голубой каёмочкой. Будет захудалому женишку премиальный секс от Евы в подарок, чтобы глаза на лоб вылезли. Пусть оба подавятся. Покажу мальчишке небо в алмазах, дно самого глубокого океана в жемчугах да алмазах. Ради принципа покажу, наизнанку вывернусь.

Девушка злилась непонятно на кого: сама ведь кашу заварила, сама скверную игру затеяла.

– Локти Егорушка кусать будет, да поздно может стать. Девственники, они жуть какие плодовые: могут сразу семя удачно пристроить. А если придёт, но поздно, опять хитрить придётся, по абортам бегать. Ну отчего женская доля такая горькая? Решай, не решай – всё одно проиграешь. Лю-

бой выбор плох.

Ева заметно нервничала, не в силах принять единственное решение.

– Егорка люб и дорог, но хозяином никогда не будет: денег приличных не заработает, по девкам бегать не перестанет. Он мужик до мозга костей. Когда и побить может, с него станется. Зато с ним сладко. Может и недолго счастье продлится. Да если даже самую малюсюзенькую капельку, но горячего и страстного, какого хочется. Только бы клюнул. Приди, Егорушка, что же ты молчишь!

Мысли Евы перескакивали с одного потенциального жениха на другого. Хочется от одного каравая откусить, и от другого отщипнуть. Да так, чтобы ни там, ни там не прогладать.

– С Денисом в постели наверняка не заскучаешь, желание из него так и прёт. Зато правильностью замучает, добротой, нежностью. Детей заставит штамповать, одного за другим. А мне это нужно? Для себя пожить хочется, мир посмотреть, а не сопли подтирать. Нет в нём настоящего мужского начала. Не успеет мужем стать – нудеть начнёт, планы строить, порядки устанавливать. Для него главное – стабильность и уют. Есть и плюсы: нуждаться ни в чём не придётся. Денис заботливый, чересчур даже: до конца дней обхаживать будет.

Но что делать, если Ева сусальному золоту тихой стабильности предпочитает простое бабское счастье, даже если продлится оно недолго?

– Приди же Егор, забери то, что принадлежит тебе по праву, сделай меня хоть на время по-настоящему счастливой.

– И что это за мечты у меня такие ненормальные? Скажи кому – засмеют, душой посчитают. Но я, это я, а они сами по себе. Каждый за свою судьбу ответ держит, свою меру страданий и счастья несёт на плечах.

Накануне свадьбы Егор так и не появился на горизонте.

Ева приготовилась к вечерней встрече с женихом, словно к священному ритуалу. Не для того, чтобы осчастливить, нет: хотела черту провести, пограничные столбы врыть и забетонировать.

Прежде всего, наплакалась вдоволь.

Девушка купила дорогое бельё: постельное и нательное, сделала в доме у Дениса генеральную приборку.

Долго скреблась, мылась, вымокала в душистых водах, пока жених на работе был. Приготовила праздничный ужин, чего никогда прежде не делала. Она почему-то чувствовала себя девственницей, которую насильно выдают замуж за нелюбимого. Поэтому обмирала от страха, в ожидании ужасов первой ночи.

Ева торжественно встретила Дениса в новом закрытом платье почти до пят, сшитом по заказу специально для этого случая, поклонилась до самой земли, трижды поцеловала в уста, слезу пустила.

Плакала жалобно, тихо, даже поскуливала, словно прощалась с чем-то важным навсегда.

Денис был ошеломлён, размяк от странного обхождения, прижал невесту к груди, начал в свою очередь Еву слезами обливать.

Так и стояли, пока у обоих глаза не высохли, не в силах разомкнуть объятия.

После, как успокоились, по бокалу вина выпили, поели.

Девушка выключила верхний свет, зажгла десяток заранее приготовленных свечей. Егор глядел на невесту открыв рот, даже дышать перестал, оттого что чувствовал: сейчас ему позволят прикоснуться к тайне.

Ева отвернулась, целомудренно, несколько театрально скинула платье, переступила через него, прикрывая ладонями грудь и низ живота, опустив глаза в пол.

Процедура соращения была продумана до мелочей. Невеста позволила Денису в полной мере насладиться откровенной наготой: она знала, что особенно хороша в том виде, в каком создала её природа.

Нежно прижавшись к юноше, дав ощутить жар обнажённого тела, упругую нежность груди, надышаться вдоволь девичьим духом, Ева застенчиво повела жениха напрямиком в постель, сверкая непривычной для него наготой, прикрытой лишь полумраком да отблесками свечного пламени.

Супружеское ложе удивило Дениса девственной чистотой, возбуждающими запахами и откровенностью того, что должно свершиться.

Денис осмотрелся по сторонам, не понимая, что происхо-

дит, точнее, очарованный щедростью Евы и необычностью момента: свадьба-то будет только завтра.

Зная, что жених не решится взять активную роль на себя, Ева раздела его, ласково и нежно дотрагиваясь до оголённого тела и потайных мест, настолько интимных, что даже говорить про них считается в обществе неприличным.

Сначала девушка прикоснулась к возбуждённой коже кончиками пальцев, потом горячими ладонями, мягкими губами.

Денис стонал, не в силах пошевелиться.

Такой силы эмоции ему не доводилось чувствовать.

Глазами юноша жадно впивался в доступные взору прелести Евы: желанные, прекрасные, юные, свежие.

Каждый миллиметр таинственной, неведомой прежде сферы, привлекал его пристальное внимание, потому, что не был похож ни на что виденное ранее.

Тугие груди плавно раскачивались, тёрлись о его чувствительную кожу твёрдыми сосками, вызывали спазмы и паралич воли.

Казалось, что горит всё тело целиком.

Мелкая дрожь, пронзающая насквозь, медленно перемещалась вниз живота, туда, где Ева прижималась обнажёнными бёдрами к восставшему естеству, которое рвалось из своей оболочки, наливалось, увеличивалось в размере.

Невыносимая сладость заставляла Дениса напрягать бёдра, плавные движения Евы превращали его в нечто зажатое

и скованное, неспособное думать и шевелиться.

Девушка отползла назад, захватила корень рукой, затем губами. Орудие не выдержало напряжения, выстрелило застоявшимися любовными соками.

Последующие события Денис не мог вспомнить, сколько не напрягал память.

Оба дышали глубоко, судорожно. Воздух пропах чем-то терпким, смятая постель оказалась мокрой насквозь, кожа стала липкой на ощупь.

Достаточно было и других неожиданных изменений. Его удивило то, что ни он, ни Ева не испытывают даже тени стеснения.

Невеста спокойно воспринимала блуждающие по её телу руки, даже когда они ныряли в распахнутое нечто, чем-то отдалённо напоминающее воспалённую рану.

Это новое манило: хотелось рассмотреть очаровательный цветок в деталях.

Удивительно, но и это не вызвало у Евы раздражения.

Похоже, сегодня ему позволено всё.

Денис понял, что полученный им от невесты подарок, ставший неожиданным, но желанным сюрпризом, невозможно запросто разглядеть и изучить за один раз.

Почти до утра молодые гладили, ласкали, целовали и исследовали свои тела, не в силах остановиться.

Наслаждение было не только безразмерным, но и бесконечным. Даже небольшие перерывы между сплетениями тел

казались сказочным приключением.

Они вновь и вновь сливались в единое целое, раскачиваясь и хлюпая, пока не разряжался фонтаном страсти он, и не выгибалась в сладких конвульсиях она.

Ева уже начала жалеть, что затеяла скверную игру.

Такого напора, такой богатырской потенции, силы, умения и нежности, она никак не ожидала.

Денис до сих пор казался ей мальчишкой, для которого секс может стать лишь обузой, неприятной супружеской обязанностью.

Остановить их неприличную, но соблазнительную игру, было невозможно.

Вот уже и рассвет забрезжил.

Посмотрев на часы, молодые люди обнаружили, что буквально через час приедут визажист и свидетели, которые моментально поймут, как бурно прошла предсвадебная ночь.

Занимался новый день, начиналась иная жизнь. От штампа в паспорте их отделяли часы и минуты, которые, судя по обстоятельствам, должны были пролететь мгновенно.

Окрылённый любовью Денис летал, почувствовав себя полноценным мужчиной, который встретился со счастливой судьбой.

Для него не было важным, насколько своевременно и правильно было случившееся: Ева сама так решила.

В мыслях не оставалось места для рассуждений, поскольку

ку ликование, восторг и признательность за доверие переполняли его существо.

Совместная приборка, завтрак на скорую руку, сопровождались смехом, поцелуями, наглым рукосуйством, и неприличными шутками, которые теперь почему-то казались естественными, логически и морально оправданными, более того, становились частью ласк и нежности.

У Дениса мелькала то и дело мысль, нашла ли капелька, производимая мужскими ресурсами, ту малюсенькую клеточку внутри Евы, которая являет миру новую жизнь?

Для него это было предельно важно.

– Ева, Евочка, маленький нежный цветочек, спасибо тебе, родная!

Денис был по-настоящему счастлив.

Юноше казалось, что он любил свою девочку вечно, что только этим и занимался всю сознательную жизнь. Может и хорошо, что невеста не стала торопиться с близостью. Зато он накопил столько энергии и ресурсов: даже бессонная ночь, проведённая в бесконечных интимных трудах, не смогла его по-настоящему утомить.

Самооценка Дениса подпрыгнула, разом очутившись на недостижимой высоте.

Ему хотелось петь, танцевать, обнимать весь мир, спресованный в теле невесты.

Парень подхватил Еву на руки, закружил в жизнерадост-

ном танце, испытывая наслаждение даже оттого, что и это делает с небывалой лёгкостью.

– Отныне так будет всегда! Я самый счастливый жених на свете, Евочка!

Денис готов пахать как буйвол, чтобы милые крошки, Ева и Машенька, никогда не знали нужды и трудностей.

Посмотрев на часы, Денис что-то прокрутил в голове, ментально сделав вывод.

– Ура! У нас в запасе ещё полчаса. Успеем ещё раз, может быть, даже два. Нельзя оставлять назавтра то, что можно сделать сегодня. Ура!

На этот раз он не стал разбирать постель: приступил к ласкам немедленно, лишь только опустил ценную ношу на покрывало.

Ева была готова уступать, во всяком случае, охотно подыграла Денису в его нетерпении.

Он ворвался в разгорячённое лоно невесты почти с разбега, ощутив, что ничего не нужно предварять: Ева готова к подобным испытаниям.

Часы опять остановились, вернув в реальность лишь резким звонком, напомнившим, что дальше ждёт томительная обязанность играть роль жениха и невесты.

Теперь это не было настолько интересным: ведь они без этой процедуры успели стать мужем и женой. Куда интереснее томительной брачной церемонии затянувшиеся баталии в постели.

Какая жалость, вся эта суэта со свадебным торжеством так не вовремя.

Нервная свадебная суматоха незаметно похитила у молодых ещё несколько часов сказочной жизни.

Нарядная пара прошла по ковровой дорожке под звуки марша Мендельсона.

– Готовы ли вы стать мужем и женой?

Ева обернулась к гостям, словно искала ответ у них.

На её лице не было следов счастья. Некая обречённость отражалась в мимике и взгляде.

Она проиграла, вот что досадно.

А по ковру вразвалочку шагал иронично улыбающийся Егор. Только невеста его пока не видела.

Настроен он был решительно.

Подойдя ближе, Егор посмотрел в глаза невесты.

– Решай, Ева, согласна или нет. Слово за тобой. Он или я, выбирай.

Девушка побледнела.

Внутренняя борьба не понадобилась: всё было ясно без слов.

Ева решительно отпустила руку Дениса, даже не посмотрев на него, и приникла к Егору.

Распорядители и гости ахнули.

К Егору тут же подскочили друзья Дениса, желая прочить наглеца.

Несостоявшийся жених с горькой усмешкой остановил их

запрещающим жестом.

Лицо жениха стало пунцовым, скулы свело судорогой, кулаки сжаты до хруста, глаза медленно наливались влагой.

– Стойте! Для меня это тоже сюрприз. Весьма неприятный. Силой любить не заставишь. Ева, ты хорошо подумала? Ещё не поздно всё исправить. Я обещаю никогда не напоминать об этом инциденте.

– Прости, Денис.

– Не хочешь объяснить, что было вчера, и сегодня? Мне показалось, ты меня любишь.

– Это была моя благодарность. На долгую память. Ещё раз прости.

– А если...

– Забудь. Этого не случится. Во всяком случае, ты никогда не узнаешь об этом, Денис. Посмотри сколько вокруг невест. Выбирай любую. Я своё уравнение решила в пользу Егора.

– Надо же. Всего пара минут, и мы чужие. Напрасно ты разрушила состоявшуюся уже семью. У нас могли получиться очень красивые дети.

– Ты ещё будешь счастлив.

– Постараюсь. Гостей прошу не расходиться. Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло. Если нет повода веселиться, будем пить вино и петь песни без повода, просто так. Ева, к сожалению, не стала моей женой. Зато я определённо стал её мужем. И этот факт стоит отметить. Для меня это событие большой значимости.

Невеста в белом платье упорхнула с любовником, оставив вместо себя быстро тающий флёр очарования, поселив взамен досаду и горечь, заполняющую всё внутреннее пространство тела.

Сразу и вдруг Денису стало душно.

Сердце колотилось возмущённо, скорбно, разбивая на мелкие брызги мысли, превращая их в тягучую эмульсию с привкусом касторки.

Все до единого рассуждения хотелось выbleвать, потому, что казались они не совсем настоящими, слишком противными, чужеродными.

Сокрушительной силы эмоции закручивали чувствительную душу в морской узел, выдавливая остатки романтических грёз.

Яркие видения пылких трогательных сцен, ещё свежих, осязаемых душой и телом, кружились перед глазами, пропадая мгновенно за пределами ментального экрана, где с характерным хрустом измельчались виртуальным шредером в лапшу, чтобы никогда больше не тревожить очарованием фальшивых чувств.

Голова Дениса кружилась, противно подступала тошнота, досажая болезненным, навязчивым желанием остановить, прекратить нереальную реальность.

Он щипал себя, силой воли отгоняя расплывающиеся иллюзии, проступающие предательской влагой в глазах, першением и спазмами в горле, мелкой противной дрожью во

всём теле и горечью унижения.

Денис отчего-то винил себя, выдумывая несуществующие причины, пытался хотя бы мысленно повернуть события вспять.

Поверить в жестокий и подлый поступок невесты было выше его сил.

Вокруг с кислыми физиономиями сидели чужие люди: сочувствующие, возмущённые, растроганные, любопытные, утешающие.

Они наперебой пытались высказаться, чем неприятно раздражали.

Свидетели позора лезли в душу, давали советы.

Юноша хотел лишь одного: чтобы мираж рассеялся, а тамада объявил, что это был розыгрыш.

Увы, сознание возвращалось, предъявляя реальные факты необратимого события.

Дениса банально кинули.

Ева цинично и нагло осуществила изошрённый хитроумный план возвращения своего любимого, в котором Денис играл роль декорации и дешёвого статиста.

Неловкость за банкетным столом прошла быстро.

Уже после второго тоста кто-то расхваливал твёрдый характер обманутого жениха, его несгибаемую стойкость. Гости зашикали на говоруна, лишили его слова, понимая, насколько это не к месту.

Дальше гости сидели и тупо напивались под живую му-

зыку, пока одному из друзей не пришла в голову мысль, – молчать нужно на кладбище. Ведь никто никого не хоронит, так можно сойти с ума. Что такого криминального произошло? Два мужика невесту не поделили. Велика беда. Да пошла она...

– У меня тост. Точнее вызов. Неужели мы не можем найти Денису достойную замену строптивой невесте-предательнице? Смотрите сколько на праздничном банкете стильно одетых, элегантных, стройных, молодых, жизнерадостных девушек. Лично я любую зацеловал бы допьяна и измял как цвет.

Глаза разбегаются. Так бы и... ладно, шучу, не берите в голову, девчонки, берите между ног. Выбирать новую невесту будем тайным голосованием. Претенденток, которые сумеют доказать свою любовь и преданность...короче, объявляется конкурс на замещение вакантной должности невесты. Участие всех красавиц обязательно. Замужних дам это тоже касается. Кого-то из женихов и мужей будем продвигать, кого-то отодвигать на второй план. Многоженство не поощряется. Вот тогда и посмотрим, чего наши мужики стоят...

А жениху придётся идти осваивать супружеское ложе с той претенденткой, которую утвердит абсолютное большинство. Отказы не принимаются. Правила всех устраивают?

Гости зашумели. Кто-то возмутился, другие дружно аплодировали.

Основательно подпившего Дениса посадили на импровизированный трон, который поставили на стол, где должны

были сидеть жених с невестой.

Честно говоря, ему было безразлично. Шум больше не раздражал, его вообще не было на этом празднике жизни.

Самозванные организаторы выстроили женщин, разыграли номера.

Конкурсы предлагали сходу. Большинство гостей побывало не на одной свадьбе, насмотрелись всякого.

Кто-то свои шутки выдумывал.

Непристойные остроты, вульгарные частушки, розыгрыши на грани фола с эмоциональным эротическим подтекстом, возбуждающие похоть состязания, скромный стриптиз, без картинок.

Гулянье медленно, но верно разошлось во всей своей циничной красе.

В игру незаметно втянулись все. Даже Денис принимал участие в некоторых забавах. Конечно, его не отпускало тошнотворное настроение: на душе мерзко и пусто, но лучше так, чем тревожные и необратимые мысли.

Юноша крепился из последних сил, не желая признавать поражение. Не было с его стороны причин, способных вызвать желание так коварно воспользоваться его искренней невинной наивностью.

Влюблённость и все сопутствующие ей проявления не позволили неопытному юноше увидеть очевидные маркеры, указывающие на отсутствие у подруги взаимного влечения.

Его душа в тот циничный момент, когда Ева озвучила

свой выбор, летала где-то высоко, в недостижимом просторе безбрежного океана счастья.

Каково было в один миг кувырнуться оттуда на самое дно, даже не ущелья – кратера, уходящего остывшим от недавних страстей жерлом, в котором вместо кровеносных сосудов и живых клеток с невероятной быстротой выростали острые кристаллы?

Денис, как ни пытался, не мог самому себе объяснить возможность подобного поведения потенциальной невесты: хладнокровное, лицемерное, жестокое, злое.

Для чего Еве понадобилось превращать предыдущую ночь в эротический аттракцион невиданной щедрости, если в нём не было необходимости?

А ведь она не скупилась.

Страсть выглядела естественной, реальной.

Разве можно притворяться столь эмоционально: отдаваться самозабвенно, увлечённо, многократно доводить себя щедрыми ласками до полуобморочного состояния? А чувственный взгляд проникающих вглубь души выразительно-серых глаз, разве такое сыграешь?

Конечно, сексуального опыта у Дениса в помине не было, разве что в грёзах, поэтому он не мог отличить подделку от истинных чувств.

Видения, раскрашенные воображением юноши в воспалённых мечтах, оказались на практике фантастически нереальными. Действительность ошеломила.

Теперь картинки, созданные некогда возбуждением во время ночных чувственных бдений, вызывали нервный смех, а тогда, во сне, нередко приводили к разрядке.

Денис был настолько сильно взволнован неожиданной развязкой многомесячных притязаний, совсем безуспешных, тщетных, что каждый новый свергаемый в ту нереальную ночь барьер ощущался как участие в мультике.

Незнакомая информация переполняла каверны в хранилищах мозга практически моментально. Сознание отказывалось воспринимать происходящее, камуфлируя его мистическим трансом.

Тело во время любовного танца действовало само по себе: видимо подобные знания были заложены в него изначально, ещё до рождения.

Ничего не приходилось искать, выдумывать, спрашивать: всё происходило само собой, словно действовал Денис по заранее заученной инструкции, усвоенной до автоматизма.

Смешно воспринимается на слух, но действовал он реально “методом тыка”, утопая с головой в неизведанном пространстве, теряя сознание, задыхаясь от бесконечного потока острых ощущений, превративших его в послушного неведомым приказам извне ненасытного монстра.

Ему хотелось познать и испробовать всё сразу, не теряя ни секунды, повторяя усвоенные движения и действия бесконечно, без существенной потери свежести и остроты впечатлений.

Чем интенсивнее вкушал юноша восхитительно-сладострастные мгновенья, тем пронзительнее и ярче были вспышки страсти, глубже проникновения, обширнее поиски неизведанного, края которого скрывались далеко за горизонтом иных, совсем нереальных переживаний.

То, что в разговорах между людьми было лишено эстетики, считалось пошлым и низменным, оказалось прекрасным и чистым.

Красота и необъятность просторов интимного мира завораживала, порождая искрящие романтические импульсы, превращающие чувства в океан энергии.

Денис никак не мог понять алгоритм, логику поступка Евы.

– Мечь... но, за что?

Разве не старался он угождать, опекать и баловать в каждую секунду любовных встреч, не говорил о бескрайних чувствах, не доказывал надёжность и верность?

Была ли вообще причина, или девушка равнодушно, походя ломала его судьбу, воспринимая и учитывая лишь собственные потребности, как лавина крушит нечаянно попавшее по пути деревце?

Тысячи нелепых вопросов возникали и крутились в голове.

Ответить на них необходимо, иначе так и будут обрастать новыми слоями, болеть, словно заноза, впившаяся в чувствительную мякоть.

Выбросить вон из сознания возможно лишь то, что осмыслено, чтобы не допустить подобного впредь.

– Допускаю, что девочка влюблена безмерно в этого Егора, – рассуждал Денис, – сознательно или случайно Ева создала драматическую ситуацию из любовной интриги, включила на полную громкость чувствительные сенсоры... и не справилась с управлением?

– Предположим, что друг задурил, предъявил ультиматум, или сразу исчез с горизонта, посчитав себя оскорблённым поведением или неблагоприятным поступком: обиделся, выплеснул эмоции, изменил. Наверно в жизни так бывает. Получается, что попытки девушки вернуть любимого оказались тщетными, а желание не пропало.

– Дальше: Ева, скорее всего, попыталась воздействовать на него ревностью. Не прокатило. Увеличила дозу. Молчит. Согласилась выйти замуж за меня от безнадёги? Сомнительно, если надеялась на его возвращение до последнего мгновения, причём решила на интимную месть.

– Феерическая ночь была расправой над моими чувствами. Ева одержимо выравнивала ситуацию с настоящей, как ей казалось, любовью, наслаждалась честолюбивым предательством, мстью, пыталась тем самым расковырять чувствительную рану в душе Егора, совершенно не думая о боли, которую причиняет мне.

– Если всё так, значит, никакой любви ко мне Ева не испытывала. Жестокая игра, оптический обман с чувственными

ми эффектами: чистой воды эгоизм, абсолютно без притеснений. Но мне-то как это пережить?

Егор вольно или невольно задел драгоценное, гипертрофированное “Я” Евы, вызвав тем самым её честолюбивые страдания.

Эти двое затеяли игру без правил, в которой нет, и не будет победителей. Два быка, бодающихся с разбега, способные и готовые уничтожить противника вместе с собой.

Если это так, следует быть благодарным судьбе, которая не сделала Дениса мишенью, оказавшейся на пути выясняющих отношения заклятых любовников.

Такая игра может затянуться надолго, если не на всю жизнь.

Ева, оказывается, девочка непростая.

Следует ожидать, что разобравшись с Егором, или потерпев от него поражение, девушка будет пытаться вернуться обратно.

– Ну, уж, нет, увольте. Слишком опасно играть с шулерами, не имеющими сострадания, стыда и совести.

Мозги постепенно вставали на место.

Денису стало намного легче.

Это не могло примирить с действительностью, оправдать Еву, зато давало шанс на выздоровление в будущем.

Чёрт с ними, с заигравшимися вконец любовниками, ошалевшими от болезненной взаимной зависимости, потерявшими не только ориентиры во внешнем мире, но и понятие

о личных интересах .

Пусть тешатся призрачными сиюминутными выгодами.

На уроке жизни за способность разбираться в людях Денис получил жирный кол.

– Хорошо это или плохо – покажет время. Я прилежный ученик. Спасибо за науку, Ева!

Подобных ошибок впредь допускать нельзя. Значит, нечего страдать, пришло время делать выводы. Нет причины упиваться горем, кляня себя на ущербность. Жизнь продолжается.

Гости на неудавшейся свадьбе разыгрались, расслабились, забыли в хмельном оживлении о том, что это пир во время чумы.

Алкоголь способен притуплять ощущение реальности, окрашивать в пастельные тона не только бесцветные и серые, но и чёрные стороны бытия.

Не праздник – затушёванная шумным балаганом потеха, призванная хоть на время забыть о потребности страдать.

Нужно включаться в общее веселье, решил Денис. Возможно, от этого станет легче.

Как говорится, нет повода не выпить.

Немножко, в меру.

Хмель делает человека бестолковым, легкомысленным, но общительным, энергичным и смелым.

– А мне б в девчоночку хорошую влюбиться, – запел Денис, глумливо ухватив ближайшую к нему девушку, почти

ставшую свидетельницей на свадьбе, за аппетитный зад.

Та завершала.

Скорее напоказ, потому, что одновременно кокетливо стреляла глазками, полными нежности.

Потанцевав с ней и с другими разгорячёнными весельем девицами, Денис запросто, легко и непринуждённо позволял себе лишнего: весело прижимал их, целовал, поглаживал аппетитно выступающие округлости.

Брошенный жених явно бравировал: решительно и дерзко вступал в смелые интимные разговоры, рассказывал непристойные, весёлые анекдоты с эротическим подтекстом, словно опытный совратитель, менял партнёрш.

Он не красовался.

Видимо таким бесхитростным способом пытался сбросить нервное напряжение.

Достигнув апогея, возбуждённое эмоциональное состояние сыграло с Денисом скверную шутку, подарив расслабление, не знающее границ.

Агрессию реализуют по-разному.

Он был в ударе.

Некое подобие эйфории украсило лицо юноши оживлением, одарило сгустком жизненной энергии, танцевальной пластикой. Неожиданно, что было несвойственно характеру, он стал щедрым на интимные комплименты.

Непринуждённое общение с девушками, подобие флирта, правда без намёка на сексуальную активность, давалось лег-

ко и непринуждённо, словно его посетило вдохновение, которое прежде не давало о себе знать. Денис ведь от природы был крайне застенчив.

Он явно не осознавал причину такого поведения, но она была. Молодой человек пытался подобным образом убедить себя, что не настолько плох, чтобы использовали его как наживку при рыбной ловле, что нравится девушкам по-настоящему.

Никто из партнёрш не обижался на легкомысленные заигрывания, не дал по рукам за навязчивые, нескромные прикосновения, за совсем не детские поцелуи. Напротив, мимолётные ласки им явно нравились.

Кто-то, прижимаясь, игриво закатывал глазки, другие прерывисто дышали, краснели, покрывались нервными пятнами, дрожали от возбуждения, хохотали невпопад.

Денис понял, что юность закончилось, что женщины отныне воспринимали его как желанного самца, что его вины в извращённом предпочтении Евы нет.

Юноша не был осведомлён о том факте, что интимной сферой всего живого руководят бездушные молекулы, задача которых посылать импульсы побуждений.

Не знал, что влюблённые, востребованные мужчины и женщины выглядят и пахнут особенным образом, что привлекают друг друга целым комплексом возбуждающих, стимулирующих природных наркотиков.

Денис не пытался поступать осознанно, не строил пла-

нов относительно тех девушек, внимания которых добивался: просто тратил накопившийся излишек сексуальной энергии, распылял аэрозоль любви в окружающее пространство бесцельно, чтобы притупить боль.

Невеста поступила с ним жестоко, подло, но именно она сделала из него мужчину.

Прежде девушки не обращали на него внимания – считали непривлекательным, маменькиным сынком.

И вдруг разом всё изменилось, словно он случайно попал в иное измерение.

Девушки наперебой приглашали его на танец, шипели друг на друга, когда Денис выбирал не их, нисколько не скрывая свои намерения и цели.

Он нравился женщинам, нравился!

Абсолютно естественно, что мужчине захотелось воспользоваться мигом удачи, конвертировать в нечто осязаемое неожиданно приятные бонусы нового волшебного состояния, позволяющие угадывать безошибочно настроение женщин, и получать от них желаемое, причём немедленно.

Денису показалось, что по внешним признакам, по поведению и жестам девочек, он может читать их мысли. Во всяком случае, какое бы бесстыдное желание ни придумал сегодня, реализация его давалась играючи, практически без усилий с его стороны.

Девушки с благодарностью принимали ласки, тянули в желании отведать поцелуй коралловые губки, тёрлись затвер-

девшими упругостями, прижимались бёдрами, растёгивали якобы случайно пуговички в самом верху, непрестанно хлопали пушистыми ресничками, обнажали перламутровые зубки в желании понравиться.

Окрылённый уверенностью Денис начал выискивать ту, единственную, которой хотел сегодня, сейчас, предложить эксклюзивное право разделить с ним вечер, возможно и ночь.

Конечно, так далеко он не мог простереть сладострастные помыслы, но почему бы нет?

Желания и мысли, совсем не печальные, заполнили всё его существо без остатка, однако он заблудился в выборе, не в силах определиться, находясь в реальном цветнике.

Вино ли сделало его таким, или что-то иное – сегодня ему нравились все девушки.

Почти у каждой находились разной степени незначительные изъяны, особенно если начинал сравнивать с Евой, однако все были заманчиво привлекательны, условно доступны и желанны.

Почему никогда прежде он этого не замечал?

Разве что иногда тайком вздыхал от созерцания недоступных прелестей, но немедленно отводил в сторону взгляд, стесняясь чересчур восторженного любопытства.

Денис заигрывал с девочками, заглядывал глубоко в их восторженные глазки, загадочно улыбался.

Всем, каждой.

Гости давно забыли про конкурс невест, просто развлекались каждый по-своему.

Глаза и мысли Дениса разбегались от разнообразия воображаемых возможностей, эмоции и желания зашкаливали.

Наконец он решился: нежно, довольно бесстыдно зашептал в кукольное ушко хрупкой светловолосой Леночки с огромными лазоревыми глазами откровенные, недвусмысленные слова восхищения.

Девушка чем-то неуловимо напоминала сказочную малышку Мальвину.

Денис горячо и взволнованно дышал, подкрепляя слова страстным поцелуем, от которого девушка немедленно сомлела, опустив голову на его плечо.

Её локоны с волнистыми завитушками приятно щекотали нос, бархатная кожа манила нежностью, рождая трепетные вибрации.

Поцелуй в шею Леночка восприняла как желанный приз, ответив распустившимся вокруг них облаком желания.

Физически осязаемые флюиды, продублированные пронзительными взглядами, зажгли взаимную страсть, погружая партнёров по танцу в гипнотический транс.

Денис прижал девушку к себе, уже не так как других, слишком чувственно.

Леночка ответила еле слышным стоном, потупила взор и шёпотом выдохнула согласие.

Остальное заняло считанные минуты.

Спустя полчаса они сладострастно мяли постель, торопясь выполнить обязательную программу и приступить к произвольным выступлениям.

Кровать стонала и плакала, наслаждаясь слиянием возбуждённых близостью обитателей, пребывающих в чувственном угаре.

Интенсивность и сила страсти то возрастала, то падала.

Одни наслаждения перемежались другими, не понижая при этом градус блаженства.

Денис старался изо всех сил, используя на пределе возможностей физические способности.

Девочка непрерывно шептала слова благодарности, старалась облегчить задачу партнёра встречными действиями, то и дело сама перехватывала инициативу в пламенных играх.

Молодость прекрасна неутомимой ненасытностью.

Партнёры друг друга стоили, ничуть не скупилась отдавать, вызывая взаимно пылкий эротический отклик.

Состязание, или взаимное истязание тел, как ни назови, всё равно это не изменит остроты момента, продолжалось до самого утра, пока вконец обессилившая их усталость не свалила мгновенно, не позволив даже завершить очередной раунд.

Предыдущая волшебная ночь, подаренная ему накануне Евой, увы, не повторилась. Отсутствовало нечто главное, без чего Золушка никогда не сможет превратиться в принцессу.

Было жадное похотливое совокупление двух изголодав-

шихся животных, стремящихся во что бы то ни стало удовлетворить физиологические потребности, диктуемые природными инстинктами, не более того.

Денис проснулся разбитым, опухшим и уставшим, почти больным.

Грешить на алкоголь не получалось: они с Леночкой пили довольно мало, находились под лёгким приятным хмельком, не более того.

Девушка интуитивно почувствовала его взгляд, резко открыла заспанные глаза, тут же стремительным движением натянула на нагое тело одеяло до самого подбородка, попросила отвернуться.

Денис, усмехнувшись про себя, вышел, хладнокровно поняв, что безрассудная страсть и у Леночки была вызвана не чувствами, а продолжительным воздержанием, или возбуждающим азартом игры с эротическим подтекстом.

Похоже, имела место сиюминутная симпатия, допускающая в качестве компромисса разовый секс, но не позволяющая вторгаться в пределы личного пространства, что ясно давало понять: организм и сознание девушки не распознали у Дениса наличие маркера с меткой “свой”.

Он тоже не был в восторге от присутствия Лены утром в своей постели, немного удивляясь, как вообще такая вольность могла случиться.

В том, что между ними происходило всего несколько часов назад, не было ничего по-настоящему волшебного, отче-

го захотелось бы петь и ликовать.

Сердце категорически не допускало восторженной реакции организма на внешность и присутствие девушки.

Оно молчало.

Лена довольно долго прихорашивалась, однако как ни старалась, не была похожа на вчерашнюю прелестницу. Что-то в её облике неуловимо изменилось, не давая шанса на любовь с первого взгляда, на безоговорочную способность притягивать и гипнотизировать восторженный взгляд Дениса.

Свет в ресторане был иной или обстановка, но на поверхность чувственного восприятия выступили обстоятельства, лишившие девушку той особенной привлекательности, которая заставила вчера добиваться взаимности.

Денис не хотел продолжения, даже не сумел назвать подругу по имени.

Странно.

Прежде не замечал за собой необъяснимого равнодушия.

Девушка действительно прелестна. В ней есть изюминка, искра.

Что же не так?

– Чай, кофе, – бесстрастно спросил он, лишь для того, чтобы прервать неловкое, напряжённое молчание.

– Лучше проводи домой, – Леночка была смущена и раздосадована своей и Дениса реакцией на ночное randevu, мимика отчётливо отразила её состояние, – мама наверно заждалась, я не успела её предупредить, что останусь ночевать

у подружки.

Денис кисло улыбнулся, пытался избежать прямого взгляда, нервно хрустел костяшками пальцев.

– Сейчас вызову такси. Устала? Сложно как следует выспаться на чужой кровати.

– Немного утомилась. Редко пью вино. Напрыгались, танцевались. Было весело.

– Извини, не сильно тебя обидел? Притащил, сразу в постель. Сам не понимаю, как это вышло. Вёл себя непростительно бессовестно, словно с цепи сорвался.

– Что ты, сама напросилась, я не в претензии. Ты вчера был бесподобен. Не только я, все девчонки от тебя без ума были. Ну, и потом, ночью, тоже...

– А сегодня, сейчас... что с нами происходит, почему мы не можем посмотреть друг другу в глаза?

– Не знаю. Ты обычный парень... как все. Если что, знай, мне понравилось. Ты сильный. Будет плохо – звони, я тебе телефон черкнула, на всякий случай. На тумбочку положила листочек. Всё-таки Ева дура набитая. Зацелует её Егор до смерти, изомнёт как цвет, и забудет навеки. Разные они, несовместимые. Хорошо, если быстро пресытятся, а то всю жизнь мучить друг друга будут.

– Давай о ней не будем. Если бы Ева не взбрыкнула, не было бы повода нам встретиться. Я тебе очень благодарен. Ты такая... необыкновенная. Не знаю, почему выбрал именно тебя, наверняка не случайно.

– Ты завёл меня, я – тебя. Обычно мне сложно побороть застенчивость. Мужчины со мной редко встречаются. Такое восхитительное бесстыдство в постели, полный улёт, у меня такое впервые.

– Мне показалось у тебя избыток опыта.

– Куда там. Неожиданное вдохновение, экспромт. Сама удивляюсь. Целоваться не будем?

– Можно. Ты сладкая. Но у меня до сих пор Ева в сердце.

Извини.

– Тогда не стоит. Проводишь?

Последующие дни тянулись, словно пластилиновые колбаски, утомительно и монотонно проползая сквозь однообразное серое пространство времени, наподобие ночных теней, пугающих загадочной, подвижной непостижимостью.

Ничего не хотелось делать, никого видеть.

Денис не брал подработок, не оставался чего-то доделать: машинально выполнял обязанности, ел, не чувствуя вкуса, плохо спал.

Буквально всё в этом мире потеряло смысл.

Несколько раз юноша видел Еву, однако сердце при встрече не дрогнуло, лишь во рту появлялся горький привкус.

По непонятной причине то и дело нападала слезливость, неожиданно становилось нестерпимо жалко себя, в голове крутились мысли о конечности жизни, абсолютно ненужной, бесполезной.

Денис неспешно плёлся в сторону дома привычным

маршрутом по самой короткой дороге, через дворы и парк , едва передвигая ноги.

Спешить было некуда и незачем.

Отработанные движения, автоматически выполняемые функции: его теперь на большее не хватало.

Даже такой неспешный образ жизни последнее время бес- предельно утомлял.

Не глядя под ноги, Денис шаркал ботинками, не замечая ничего вокруг, в то время, как всех прочих восхищало вели- колепием разноцветное лето.

Кругом бушевала сочная зелень, яркостью и разнообра- зием манили изумительной красоты клумбы, переливы пти- чьих трелей будили лирическое настроение; детишки в яр- ких одеждах, почти раздетые девушки сверкали голыми ко- ленками в коротеньких, просто кукольных юбочках.

Совсем недавно Денис испытывал от созерцания разно- образия жизни прилив сил, желание созидать, вдохновлял- ся впечатляющими перспективами. Всё это растворилось в беспросветной мгле затяжной меланхолии.

Теперь юноша считал, что его существование бессмыс- ленно. Дом, работа, опять дом. Однообразные серые будни, скучные лица.

Как ни старайся, итог один – старость и неизбежная смерть.

Любовь, профессиональные достижения, оказались обма- ном, иллюзиями, которые растаяли, превратились из почти

реальных ощущений в пыль и прах.

Несколько раз его посещала мысль позвонить Лене в надежде, что она развеселит, хотя бы растормошит в постели.

Дальше мимолётно мелькающих смутных желаний продвинуться не получалось: лень.

Для встречи нужно приготовить ужин, покупать цветы, потом ухаживать.

– Если бы пришла сама, если бы... а дальше что, – сонно ковыряясь в тягучих и липких, как смола мыслях, вопрошал себя Денис.

– Глупости. Зачем обнадёживать, соблазнять напрасными ожиданиями будущих отношений, врать? Ведь я всё равно не полюблю Лену, просто не смогу переступить некую незримую границу. Это я нуждаюсь в утешении, а не она. Если нет серьёзных чувств, для чего притворяться?

Желание поделиться своими проблемами, избавиться хотя бы на время от них с помощью секса было, но как сделать это без ущерба для самой Лены, как!

У неё тоже имеется чувствительная душа, собственные сокровенные планы на жизнь. Нельзя никого использовать. Нельзя!

Пусть живёт собственными непростыми заботами: весело и радостно, или скучно, как пожелает сама. Зачем загружать девушку ненужными ей эмоциями, для чего портить жизнь меланхолией, унынием и депрессивным настроением?

Если наплевать на себя, незачем распространять негатив

на других людей.

Денис, углубившись в скорбные мысли, неспешно прошёл мимо девушки в шикарном вечернем платье, явно испытывающей страдание, которая обречённо прижалась к стволу берёзы.

В голове что-то беззвучно щёлкнуло, заставило обернуться.

– Вдруг человеку плохо, не скотина же я бездушная.

Ещё недавно Денис жил на полную катушку: грустил и радовался, помогал каждому, кто нуждался. Теперь его настроение медленно пульсировало в чёрном и сером спектрах, не вылезая из мутной, разрушающей психику зоны.

Денис подошёл, решая как обратить на себя внимание. Не нашёл ничего более приемлемое, чем невесомо положить руку на её плечо.

– Девушка, вам плохо, может, скорую вызвать, или своими силами справимся?

– Вы-то причём?

Она повернулась вполоборота, посмотрела сквозь опухшие от слёз глаза на Дениса, как на назойливый, предельно раздражающий фактор.

Её лицо выглядело довольно неприглядно, словно после недельного перепоя, что не соответствовало стильной одежде, сшитой явно на заказ, нежной коже, и вообще всему её внешнему виду.

Модная причёска, золотые украшения, изящные руки с

кукольными ладошками и разноцветными ноготками, яркие модельные туфельки на высоченном каблуке.

Образ никак не складывался в единое целое: словно женщина одета в чужой костюм, как на маскараде.

– И всё-таки мне очень хочется вам помочь. Вы неубедительно отказываетесь от искреннего участия. На выходе из парка можно поймать такси. Где ваш дом, я провожу.

– Вы ничем, ничем не сможете помочь. Оставьте меня. Зачем вам чужие проблемы? У меня нет денег на такси.

– Вас обокрали? Тем более. И прекратите плакать, наконец. Давайте для начала познакомимся. Я Денис. Живу совсем рядом. Ваше имя узнать можно?

– Рита. Что вам это даёт, хотите супчиком накормить, или водки для затравки предложите... а может сразу в постельку? Теперь с этим просто. Уходите... пожалуйста.

– Тем более не уйду. Вы в таком расстроенном состоянии обязательно нарвётесь на неприятности.

– Спасателя из себя изображаете... уж не вы ли намереваетесь меня обидеть? Не удивлюсь. Мне теперь всё равно. Чем так, лучше совсем не жить. Убейте меня, спасибо скажу.

– Так. Кое-что проясняется. Давайте догадаюсь. Любовная драма. Милый бросил, а вы беременны. Нет. Вы не такая.

– А какая, какая я, по-вашему?

– На простушку, уступающую первому встречному, вы точно не похожи. Значит, конфликт с любимым. Это поправимо. Успокойтесь и раскается.

– Нечего гадать. Я вам не ребус. Какие ещё сведения из моей личной жизни вас интересуют? Давайте весь список, разберёмся сразу, и вы меня оставите в покое.

– Весь список потянет на большой разговор. Неужели мы будем глобальные вопросы решать в парке, на виду у всех?

– Нет, мы просто не будем, тем более чего-то решать. Не хотела грубить, но придётся. Проваливайте отсюда! Пожалуйста, – Рита опять залилась слезами, не в силах остановить процесс их извержения. Видно, проблема действительно серьёзная.

– У меня платок есть. Не хотите разговаривать – давайте общаться молча. Сейчас поймаю такси. Я заплачу. Но есть другая идея. Пойдём ко мне, проведём сеанс релаксации: умоетесь, потом не спеша обсудим, как помочь вашему горю. Неприкосновенность гарантирую. Неужели я настолько страшен? Между прочим, у меня тоже проблема, думаю, не меньше вашей. Невеста прямо из зала регистрации с любовником ушла. Как вам, Рита, такая история? Вот и расскажем каждый о своём. Возможно, вы для меня лекарством от тоски окажетесь. Как вам такая перспектива, устраивает?

– Я ещё не такое выдумать могу. Нечего меня заманивать. Не верю.

– Ладно, как хочешь.

– Мы уже на “ты” перешли?

– А что такого? Познакомились ведь, представились. Ты Рита, Я Денис. Осталось пожать друг другу руки и сказать

здравствуй.

– Какой ты шустрый, однако, Денис.

– Людям, Риточка, нужно доверять. Не все такие сволочи, как твой парень.

– Какое тебе до него дело?

– Значит, не ошибся. Могу предложить вариант: пойдём к нему, набьём морду. У меня, между прочим, разряд по боксу. Справимся.

– С удовольствием посмотрела бы на этот процесс. Но я не могу видеть его наглую рожу.

– Так, ещё теплее. Обидел стервец. У меня уже руки чешутся. Адрес скажешь?

– Нечего там делать. Не хватает в милицию попасть, из-за гада.

– Выходит проблема серьезнее, чем я думал. Что же он такое натворил?

– А вот этого я не скажу. Не твоего ума дело.

– Опять поднимаю вопрос доверия. Предлагаю всё-таки сначала пойти ко мне. Кстати, где твоя сумочка? Карманов у тебя нет. Кошелёк, телефон, ключи, косметичка – где ты всё это прячешь? Неужели под юбками?

– У него остались. Но я туда больше не вернусь.

– Значит, придётся маму или папу ждать.

– Не придётся. Одна живу. Вызову слесаря из домоуправления, он дверь откроет.

– Замечательный выход, просто великолепный. Слесарю

заплатить, потом дверь отремонтировать. Сегодня суббота, у тебя, скорее всего, выходной. Правильно. Хотя чем-то займёшься. Всё интересней, чем просто так страдать. Нет, ты останешься у меня дома, а я схожу за сумочкой. И ничего не бойся. Не кусаюсь. Пошли, тут рядом.

– Тогда мне придётся кое-что рассказать.

– Похоже тут не просто любовная драма. Какие я могу дать тебе гарантии, что это останется между нами?

– Не знаю. Мне страшно и стыдно. Не перебивай только. Я бы такого даже маме не рассказала. Всё началось больше половины года назад. Он так красиво ухаживал. Не думай, что я на цветы и рестораны купилась. Гламурная жизнь не для меня. Вот платья красивые и обувь стильную люблю. Все деньги могу потратить на обновки. Я и сама шью.

– Это платье тоже сама?

– Нравится?

– Ещё бы.

– Встречались мы с ним, гуляли, иногда дома чем-нибудь интересным занимались. Понятное дело, что были поцелуи, обнимашки. Как у всех. Месяц назад замуж позвал. Даже заявление подали.

Женька меня настойчиво на секс разводил. Я совсем не против серьёзных отношений. А если ребёночек, я же одна живу... что тогда делать? Договорились, что секс будет только после свадьбы. Он согласился. Этим и купил.

Через неделю у нас свадьба должна была быть. Решила

подарок сделать будущему мужу. Приготовилась, предупредила, что сюрприз готовлю. Хотела вечером перед регистрацией подарить жениху невинность.

Женька уговорил не тянуть, как чувствовал, чем именно хочу обрадовать. Видно я нервничала сильно, вот и выдала себя с головой. Мол, куча неотложных свадебных забот, а на сегодня всё сделано. Я согласилась. Доверяла, как себе. Муж всё же... почти.

– Надо же, почти как у меня. Сюрпризом расплатилась за подлость.

– За какую подлость?

– Это я про свою невесту. Она тоже подарила мне себя накануне свадьбы.

– А-а! Так вот, всё было замечательно. Женька стол накрыл, разлил вино. Свечки и всё такое. Мы сидели, мечтали о будущем. У меня было приподнятое настроение, но решиться озвучить согласие на секс я никак не могла.

От волнения, мне так казалось, начало клонить в сон. Как заснула, не помню. Проснулась в его постели раздетой, с неприятными раздражающими ощущениями. Ну, ты понимаешь, о чём я. Собственно я не очень удивилась, даже несколько не расстроилась: сама же хотела преподнести сюрприз любимому. Огорчило лишь то, что ничего не могла вспомнить, совсем ничего. Теперь понимаю, что Женька подсыпал чего-то.

– Голова, как проснулась, болела?

– На это тогда внимания не обратила. Мutilo меня во сне. Я летела вниз головой в бездонную пропасть и точно знала, что разобьюсь насмерть. Тревожно было, точнее страшно. Сон какой-то ужасный.

Интуиция наверно, предчувствие. Оделась, пошла на кухню. Я легко хожу, совсем неслышно. Мамка сколько раз ругала, что напугаю когда-нибудь до смерти. Захожу, а он порнушку на ноутбуке смотрит. В главной роли я. Со звуком. Ярко, изображение чёткое. Я чуть в обморок не упала. Вот когда меня трясти начало по-настоящему.

– Тем более придётся наведаться и как можно скорее, пока не поделился с кем-нибудь шедевром. Неужели ты совсем не чувствовала, в чём его интерес? Хотя, сам такой. Знаю теперь, что такое подлость, с чем её едят. Эх ты, рассказывать не хотела.

– Я в крик. Требую отдать ноутбук. Он смеётся. Дура, говорит, несовременная. Теперь у каждого мужика такая фильмотека есть. Нормальные бабы ничего против этого не имеют. Сами с удовольствием позируют. Я у многих дружков смотрел.

Ору, что я не все, что меня нельзя так позорить. Тогда, говорит, забирай свои шмотки, и проваливай. И коленкой под зад.

Я в рёв, а ему плевать. По-моему, говорит, жить будешь, или никак. Думай, мол. Я пыталась разбить компьютер, да разве мне с ним справиться? Хлопнула дверью и ушла. Су-

мочка там осталась. Чёрт с ней. Он же может эту гадость в интернет запустить. Я вены себе вскрою. Жить не хочу.

– Ну и глупо. Из-за кого? Выбрось из головы. Да, советчик я ещё тот. Сам мучаюсь, тебе забыть советую. Было бы просто... а знаешь, Рита, кажется, ты меня вылечила. Усталость как рукой сняло. Жить захотелось. Я за тебя глотку ему порву.

– Вот мы и пришли, – сказал Денис, открыв дверь.

– Располагайся. Ванна, кухня, туалет, полотенца. Халат этот Ева носила, но он стиранный. Утюг здесь. Что ещё может понадобиться? Ладно, остальное сама ищи. Будь как дома, не стесняйся. Так, давай адрес этого негодяя.

Рита нехотя озвучила адрес.

– Жди. Если что, я на связи. Телефон в коридоре. Мой номер записан на первой странице блокнота. Постарайся не реветь. Прорвёмся, Ритуля. Всё, побежал. Да, пальцы крестиком держи – примета такая.

Женька оказался довольно симпатичным, ухоженным и чистеньким. С виду не скажешь, что мальчишка способен на подлость.

Дверь порнограф открыл без вопросов.

Денис вошёл.

– Рита меня за сумочкой послала.

– Ты кто, дядя! А ну проваливай. Ритка – моя невеста, можно сказать, собственность. У меня на неё серьёзные планы.

– Была твоя, пока не обидел. Уволен, без содержания, за нарушение интимной этики.

– А ты хохмач. Не лезь не в своё дело, здоровее будешь. Некогда мне с тобой. Сами разберёмся.

– Уже разобрался. Я её брат, советую не нагнетать. Я иногда из себя выхожу, нервничать начинаю.

– Нет у неё братьев, она бы мне сказала.

– Ты не спрашивал. Сумочку верни, лучше добровольно.

– Сразу отоварить, или ты понятливый, сам исчезнешь?

– Сумочка ещё не всё. Ноутбук, карты памяти, камеры скрытого наблюдения. Всё проверять буду. По сети тоже пройду, не забросил ли куда интересующие меня ролики. Если успел скинуть – пеняй на себя. Пойдёшь по статье за организацию порно студии со скрытой съёмкой. Думаю Рита не единственная твоя жертва. Нагло себя ведёшь, самоуверенно. Чувствуется опыт.

– Ты вторгся на частную территорию.

– Пока никуда не вторгался. В гости пришёл: беседую, на данном этапе апеллируя к твоей совести. Кстати, для сведения: гражданка Рябинина написала заявление о нарушении тайны частной жизни... и об изнасиловании в беспомощном состоянии. Догадываешься на кого? Минут через двадцать здесь будет бригада экспертов, если не договоримся.

– Напугал ежа голой жопой. Я вёл видеосъёмку интимной встречи с любимой невестой. У меня документы имеются о подаче заявления. Для личного пользования снимал. Имею

право.

– Скрытую съёмку осуществлял. Без её на то согласия. Дай-ка телефон.

– Обломаешься.

– Думаешь, я пришёл поиграть с тобой в поддавки? Нет, голубчик. Ты злодей, для тебя правил не существует. Надеешься, я буду с тобой церемониться?

Денис ловким движением захватил Женькину руку, завернул её за спину, вытащил из кармана телефон.

Быстро полистав, обнаружил папку с порнографическими роликами.

– Чего и стоило ожидать. Любопытно. Лучше не рыпайся, огорчить могу. Я только с виду добрый. Вот этот файл, именно его я искал. Собрался хвалиться друзьям, скинуть успел? Признавайся, всё равно узнаю.

– Пожалеешь, что связался, у меня крыша.

– Сейчас компьютер проверю, отсылал ты этот файл, или нет. Рита говорила, что заметила две камеры. Значит и роликов как минимум два. Исходники где?

– А ты поищи.

– Чего их искать? Ты парень бесстрашный, бояться тебе некого. Сейчас телефон отформатирую, буду смотреть в ноуте. Пошли. Да не крутись, пока печень не отшиб. Побереги здоровье.

Денис вытащил у Женьки из штанов ремень, связал сзади руки, и потащил в комнату.

Компьютер был включён.

На экране высветился монтажный стол редактора видео-файлов, в котором он обрабатывал съёмки совокупления с Ритой.

В папке с названием “Кайф” оказалось десятка два файлов разной продолжительности, в том числе с Ритой в главной роли. Он явно бравировал выдающейся мужской способностью, намеренно светя сияющей физиономией.

Девушки почти на всех роликах были разные.

Вряд ли те догадывались, что их снимают.

Рита обнаружила преступный промысел совершенно случайно. Похоже, не ошиблась, что в питьё ей было подсыпано снотворное. Если у неё возникнет желание, посмотрит, что происходило на самом деле, когда заснула.

Денис скинул найденные файлы на карту памяти, которую носил с собой в силу специфики профессии постоянно, проверил все исходящие файлы за день.

Зафиксировав Женьку, Денис демонтировал камеры, поискал, нет ли где ещё. Основательно проверив, отформатировал носители информации, включая компьютер и телефон.

– Всё режиссёр, закрыл я твою студию. Начнёшь землю рыть, дружков подсылать, пожалеешь. Девочек из твоих роликов я обязательно разыщу. Они с удовольствием дадут свидетельские показания. Компромата на тебя предостаточно. К Рите подходить не вздумай – урою. Ты у меня теперь

на контроле. Со съёмками завязывай.

Денис разговаривал уверенным голосом, размеренно, без интонации, словно бы равнодушно. Люди, нарушающие закон, отлично знают, что нет смысла бояться нервных крикунов, а спокойные, напротив очень опасны.

Развязанный Женька вёл себя смирно, только смотрел исподлобья со звериной злобой. Он представления не имел, чего стоило Денису его спокойствие.

На улице он расслабился. Поджилки предательски дрожали, на лбу выступил холодный пот. Юноша совсем не был уверен в последствиях рейда. Расчёт был только на Женькину неуверенность и страх. Однако задача выполнена успешно, это главное.

Единственный носитель информации, находящийся сейчас в кармане, он отдаст Рите. Пусть сама решит его судьбу. Конечно, стоило бы оставить это свидетельство в качестве гарантии безопасности, но это не в его компетенции.

Если девушка пожелает уничтожить файлы, так тому и быть. В конце концов, именно из-за этого Денис и совершил достаточно безрассудный поступок.

Рита ждала с нетерпением.

В квартире был наведён непривычный порядок, совсем не такой как обычно. Стол накрыт, красиво сервирован. Пахло горячим обедом, точнее ужином.

Давно Денис не чувствовал такого душевного подъёма.

Ещё несколько часов назад он был несчастен. Уставшее

тело сопротивлялось, не имея сил жить полноценно. Теперь всё иначе.

Прежде всего, он хотел как следует рассмотреть девушку. Но сначала рассказать обо всём, что происходило там, в квартире, где её обесчестили.

Наверняка её волнует сейчас только это.

– Твоя сумочка, Рита. Проверь, всё ли на месте. А это карта памяти. На ней тот самый ролик, что заставил тебя плакать. И ещё десятка два похожих фильмов, снятых скрытой камерой. Ты не единственная его невеста. Извини, чтобы понять, что это именно то, что нужно, мне пришлось посмотреть часть ролика. У него дома я уничтожил все носители информации, отформатировал без возможности восстановления.

– Спасибо тебе, Денис. Я не в обиде на то, что ты видел меня в непристойном фильме. Сама рассказала. Мы вполне взрослые люди. Я уже поняла, что ты не воспользуешься доверием. Давай кушать. Ты ведь наверняка проголодался.

– Ещё бы. Не представляешь, как я трусил. Но это не всё, что я хотел сказать. Карту памяти, по-хорошему, нужно бы оставить. Твой жених человек без морали: расчётливый, мстительный, агрессивный. Он может стать по-настоящему опасным. Будем надеяться, что я достаточно серьёзно напугал его, в чём, если честно, совсем не уверен.

– Делай, как считаешь нужным. Я представить не могла, что он настолько лицемерный, хладнокровный авантюрист.

Уверена была, что у нас любовь. Ведь он такой нежный.

– Актёр. Вдохновенно играл роль, только и всего. Заберёшь флешку себе, оставишь у меня, или рискнёшь передать на хранение кому-то другому?

– Пусть останется у тебя. Теперь всё, можно ужинать?

– Нет. Теперь я хочу хорошенько тебя рассмотреть. Когда уходил, ты выглядела несчастной и не слишком привлекательной. Сейчас вижу совсем другую женщину: ухоженную, симпатичную, уверенную в себе. Какая ты настоящая?

– Я себе нравлюсь, это главное.

– Замечательный ответ. Лучше не придумать. Ты веришь в любовь с первого взгляда?

– Не знаю. Скорее, нет, чем да. Ты мне понравился со второго, возможно даже с третьего.

– Печально.

– Но ведь понравился.

– Я не о том. Ты меня опередила. Я первый хотел признаться. Ты замечательная девушка. Уверен, сбегать из-под венца ты бы не стала.

– Не знаю. Если бы очень любила... но, зачем в таком случае идти с кем-то другим под венец?

– Наверно, нам с тобой этого не понять. Мы по-иному воспитаны. Хочу тебя спросить.

– Спрашивай. Обещаю ответить предельно честно.

– Замуж за меня пойдёшь?

– Без любви?

– Нет, без любви никак. Но ведь ты скучала по мне, когда ушёл?

– Скорее переживала, волновалась.

– Значит думала. Расскажи о чём.

– Это очень интимно. Разве о таком рассказывают?

– Тогда я скажу про себя. Всю дорогу туда, всю дорогу обратно... я и сейчас думаю только о тебе. Считаешь, это случайно? Думаю, это любовь. Она только родилась, ещё совсем маленькая, поэтому почти незаметна.

– Какой же ты хитрый, Денис. Это нечестно. Ты меня провоцируешь.

– Да или нет?

– Требуешь немедленного ответа?

– Вовсе нет. Провожу разведку боем, мониторию ситуацию.

Сознавайся, думала обо мне?

– Я что, зря готовила?

– Неприлично отвечать вопросом на вопрос. Приглашай за стол.

– Кушать подано. Извольте отужинать. Помнишь, Иван Царевич Бабе Яге говорил: прежде, чем пытаться, напои, накорми...

– Чего замолчала? Дальше там было: спать уложи.

– С этого всё и начинается. А сам про любовь пел. Так бы и сказал.

– Так ты не спрашивала. Есть любовь для детей, есть для взрослых. Тебе какие отношения больше нравятся?

– Я по натуре лирик, романтик. Люблю всё прекрасное и живое.

– Белый конь, алые паруса, признание в любви, стоя на коленях?

– Я имела в виду душу: внутренний мир, гармоничное сочетание мировоззрений, равновесие чувств и взглядов, согласованность действий, творческий потенциал. Пожалуй, этого достаточно, чтобы сложилась счастливая семья.

– Здесь у меня серьёзный пробел. Извиняюсь, как же ты душу, и внутренний мир вытряхивать будешь, чтобы как следует рассмотреть, препарировать?

– Тебе не нравится, что я приготовила на ужин?

– Ещё как нравится. Потому и спрашиваю, вышла бы за меня замуж?

– Определись, Денис: тебе любимая нужна, или домработница? Я же не красна девица, чтобы о замужестве мечтать. Обещаю серьёзно подумать над твоим вопросом. Такой ответ тебя устроит?

– Этим вопросом ты лишаешь меня равновесия и гармонии. Мы теряем достигнутую таким трудом хрупкую согласованность, губим на корню творческий потенциал друг друга. В результате полнейший хаос во внутреннем мире, и гарантированная депрессия. Во что превратятся наши души, можешь понять, если вспомнишь своё состояние пару часов назад.

– Это бессовестный, если не сказать больше, наглый шан-

таж. Насилие ещё никогда не приводило к позитивному результату. Выйти замуж и иметь возможность предъявить в качестве аргумента, что вынуждена была это сделать под давлением обстоятельств?

– Это нечестно, ты манипулируешь моим сознанием. Я играю открытыми картами.

– Ложь. Ты ни слова не сказал про любовь. Червовый туз до сих пор в колоде.

– Говорил. Пропустила мимо ушей.

– Припоминаю, что-то такое про взрослую любовь.

– Я имел в виду, что детской, безответственной, мы уже наелись. Давай уже набираться мудрости. Пора становиться взрослыми. Тебя не устраивает, что я не даю клятвы в вечной любви? Зато обещаю уважать в тебе личность, быть верным и сделать всё возможное, чтобы ты была счастлива.

– С этого нужно было начинать. От такого предложения я не могу отказаться.

– Значит, мы поженимся?

– Непременно, если выдержим испытание.

– Это обязательное условие?

– Да, нам нужно расстаться. На время. Думаю, недели две хватит, чтобы определиться с чувствами. Встретимся здесь же.

– Это всё, что ты можешь предложить, разве нет иных вариантов?

– Альтернатив не вижу. Я девушка серьёзная. Могу пред-

ложить аванс: хочу попробовать тебя на вкус. Одного поцелуя для этого достаточно.

– Мы ещё не начали вместе жить, а ты уже диктуешь условия. А как же согласованность, гармония, равновесие? Душа не может жить в оковах. Целоваться будем, пока не надоест.

– Уступаю твоим аргументам, но только один раз. Две недели тишины, затем диалог.

В шутку или всерьёз, но через два месяца парочка сыграла свадьбу.

На этот раз обошлись без сюрпризов.

Настоящую брачную ночь, не сговариваясь, устроили после свадебной церемонии.

Продлилась она целый месяц.

Третий член семьи дал знать о своём появлении ещё до завершения медового месяца набухшими сосками, болью в груди, и болезненным токсикозом.

Верь в судьбу

Любая Жизнь – спасибо, что ты есть!!!

Хотя тебя всегда настолько мало...

И многих ты нещадно обломала,

Чему примеров попросту не счесть!...

Генка в состоянии зыбко-тревожного забытья сидел за столиком уличного кафе с размокшим уже бумажным стаканчиком остывшего кофе и грезил, облачая невесёлые мысли в примитивно нарисованные образы из популярных мультиков и странные ассоциации.

Что ещё оставалось ему делать, когда представляя любовь не чувствуешь её очарования, ваяешь эмоции и образы по памяти, которая подчиняется не рассудку, а эмоциям, пережившим такое.

Нарисованные воображением изумрудные глаза Жанны вместо чистоты и свежести, желания жить, гармонии и умиротворения вызывали неприятие. Копна пшеничных волос с запахом спелого абрикоса непривычно представлялась пучком соломы, упавшим в болотную жижу, прежде чем превратиться в её причёску.

Губы, такие сладкие и родные прежде...

Генка злорадно рисовал в воображении жену с бугорчатой жабьей кожей, длинным раздвоенным языком фиолетового цвета, с которого сочится густая ядовито-жёлтая слизь. Чёр-

ные губы, хищные клыки.

Пусть, пусть гадёныш целует и ласкает такую, сотканную из пороков и отвратительных черт дьяволицу, лишь схематично, извращённо напоминающую его жену, его любимую.

Видение получилось настолько реалистичным, что напугало его самого, но остановить полёт фантазии, вызванный предательством, не было сил.

Грудь, упругие холмики в форме колокольчиков, от которых он сходил с ума...

Лучше бы их вообще не было, этих сладких соблазнов, лукаво манящих святой непорочностью, вскормившей каждого человека, живущего на грешной Земле.

Генка видел блаженное выражение на её лице, когда рука чужого мужчины касалась тайны, до сих пор доверенной исключительно ему. Это было ужасно.

В памяти всплыла угловатая миниатюра юноши и крошечная девочка в коротенькой развевающейся юбочке. Это он, Генка, держит Жанну за руки, с надеждой вглядываясь в травянистые глаза до краёв заполненное энергией влюблённости.

Её щенячий, наивно-испуганный взгляд, эмоциональная реакция на признание в романтических чувствах, от которого Генку сковал леденящий душу страх, а по спине покатались капельки пота и мурашки размером со шмеля, заставил поволноваться.

Девочка всхлипнула, закусила губу, опустила глаза, набу-

хающие солёной влагой, и упала на его грудь.

Этот день он запомнил навсегда.

С тех пор прошло...

Разве можно мерить годами и днями целую жизнь?

Память и воображение рисовали сцену за сценой мгновения безмерного блаженства. Узнаваемые фигурки двигались навстречу друг другу: танцевали, резвились, сливались в экстазе на фоне солнечного диска или лунного сияния, изредка расставались, но всё равно были связаны некой таинственной нитью, объединённые трепещущей живой сущностью, графически похожей на знак любви.

Ппульсирующий символ ликовал вместе с ними: радовался, иногда горевал, страдал и волновался. Переживал, тревожился, скучал. Один на двоих, всегда живой, жизнерадостный, родной, свой.

Когда мальчик и девочка делились друг с другом чувствами, даже когда ссорились, неугомонный бесёнок расстраивался, но был счастлив, только они этого не замечали: не до того было.

Но однажды...

В тот день Гена так же сидел в кафе, на том же месте, что сегодня. У него был суматошный, но очень удачный день: некая мистическая сила одаривала его небывалым азартом, куражом, везением.

За что бы ни взялся, что бы ни делал – всё цвело и плодоносило: ведь старался он для любимой.

Трепещущий чертёнок в груди ликовал вместе с ним.

Любовь щедра.

Неожиданно Генка увидел её, Жанну, которую уверенно и жадно целовал кучерявый ухоженный мужчина, похожий на Ричарда Гира, по-хозяйски прижимая жену за филейную часть тела.

Судя по всему, удовольствие было обоюдным.

Ошибиться в реальности трагедии было невозможно, поверить в неё – немыслимо.

Любовь, точнее её графическая копия, похожая на Жанкины ягодицы, выпрыгнула в то мгновение из его груди, камнем упала под ноги, забилась в истерике и закатилась в давно не чищенный водосток.

Этот эпизод Генка крутил и крутил в замедленном темпе вот уже несколько дней, провоцируя эмоциональное разрушение.

В тот день он спрятался за стёклами витрины кафе, позвонил Жанне, надеясь на что-то иррациональное, мистическое. Жена ответила, зажав любовнику рот ладонью, чтобы не выдать себя.

– Чмоки-чмоки, любимый. Меня не жди. Зашиваюсь. Скучаю, люблю.

Сказав это, Жанна прыснула, послав телефонной трубке воздушный поцелуй, прижалась всем корпусом к мужчине, выпрашивая поцелуй.

Кто хоть раз бывал в подобной ситуации, знает, что чув-

ствуует обманутый супруг.

Генка переживал мучительно, но напиваться или мстить не стал: рассудил, что романтическое приключение – не обязательно измена. Случайная связь может оказаться ошибкой, головокружительным аттракционом, забавой, реализацией наивной фантазии, иллюзией, пикантным продолжением невинного флирта: мало ли какие обстоятельства заставляют человека ввязаться в интригу.

Разговор по душам, откровенность, искренность – вот ключ, способный сместить, изменить мировосприятие, решил Генка и приступил к реализации операции “Примирение”.

Жанна вернулась далеко за полночь. В её поведении не было ничего необычного: обязательный поцелуй, плавные кошачьи движения, шутливо-легкомысленный флирт, откровенные эротичные позы, беззаботность, игривость.

Неужели он совсем не знает свою жену? Оказывается, она замечательная актриса.

Уверенность, беспечность, очаровательно чувственное бесстыдство, откровенное выражение желания и страсти. Это же она, любимая жена, Жанна.

Заготовленные заранее вопросы, линия поведения, план наступления и защиты – всё было сломано в один миг.

Слова и мысли застряли где-то внутри, когда любимая привычными движениями возбудила, вынудив заменить банальное выяснение отношений чувственным поединком.

Генка не мог не поверить в искренность её поведения, но сопротивляться не было сил.

Яркий блеск глаз любимой как магнитный компас задавал нужное направление мыслей и действий, запах страсти настраивал порядок и ритм движений. Сердца супругов билась в унисон, унося их в мир грёз, где нет, не может быть проблем и противоречий.

Генка был настолько вдохновлён, что блаженство выливалось из него водопадом счастья. Он с наслаждением ласкал горячую грудь, жадно ловил ртом возбуждённые соски, целовал вишнёвые губы и входил, входил в эпицентр наслаждения, теряя связь с пульсирующей реальностью.

Он явно ошибся. Не может, не способна Жанна так цинично играть с доверием, с сокровенными чувствами, с верой в неприкосновенность и девственность любви.

Удивительное явление – вера. Сам создаешь кумира, наделяешь его сакральными свойствами, возносишь на вершину пирамиды и поклоняешься, придумывая всё новые и новые ритуалы.

Генка поверил в то, что свидание жены с тем мужчиной было случайностью, эпизодом, в котором она играла роль невинной жертвы. Она осознала, поняла, она с ним.

Такая жаркая схватка не может быть притворной.

Теперь, когда он видел, знал, что Жанна способна вызвать страсть не только у него, Генка любил её ещё сильнее.

У него были соперники, конкуренты, которым не соби-

рался отдавать своё счастье.

Он понял, что в любом и каждом человеке сокрыта, спрятана тайная пружинка, приводящая в движение механизм вожделения, подобие маятника или часового механизма, запустить который способна сдвинутая с оси шестерёнка.

Генка боялся дышать. Сила любви, помноженная на семейную гравитацию, могла вызвать перегрузку... могла.

Увлечённые чем-то особенным мы запросто теряем из виду привычное, но предельно важное, без чего жизнь теряет смысл, потому, что считаем это монотонное, уютное и обыденное незыблемым, неизменным, вечным.

Ведь оно уже наше.

Ан, нет. В таком ракурсе алгоритм неизменности не работает. Любовь – живой организм, он требует сбалансированности, равновесия, которое достигается постоянными тренировками и сложными взаимодействиями.

Генка снова был счастлив, потому беспечен и глуп. Он вновь верил в безгрешность жены, в свою неотразимость, в скульптурную устойчивость мироздания, моральный кодекс, вечную любовь и семейные ценности.

Ничто не смущало, не тревожило Генку, не указывало на то, что Титаник семейного благополучия затонул, пока он спал, сжимая упругую грудь жены.

День начинался с обыденных ритуалов. Станных изменений протокола семейных будней и досадных изменчивых мелочей он попросту не замечал.

Оказалось, зря.

Чем был вызван чувственный порыв жены, так и осталось для Генки тайной. Возможно, она не была готова сделать окончательный выбор.

Или любила сразу двоих.

Вскоре мужчина убедился в коварстве жены, хотя отдал бы все сокровища мира за то, чтобы не знать пикантную и неприглядную интимную тайну.

Знать, что Жанна ведёт двойную жизнь, было больно. Сказать ей о своей осведомлённости – страшно.

Жена сама начала диалог.

– Нам надо поговорить, Гена.

– С удовольствием, любимая. О чём угодно. Я весь внимание.

– Я решила расстаться с тобой. У меня есть мужчина. Мне с ним хорошо.

– Я знаю. Давно знаю.

Жанна повела бровью, скосила взгляд, – и молчал?

– Думал, перебесишься, не хотел выглядеть оленем, когда одумаешься. Что я делал не так? Что подтолкнуло сделать окончательный выбор?

– Любовь.

– Разве... тебя никогда не коробил тот факт, что с одинаковым энтузиазмом отдаёшься ему и мне одновременно, никогда не чувствовала брезгливости?

– Представь себе, нет. Я бы и сейчас не ушла. Ростик на-

стоял. Мы уезжаем в Милан на постоянное место жительства.

– Как же я?

– Ты заикнулся на себе, на своей работе, стал предсказуемым. С тобой скучно. Извини!

– Раньше ты так не считала.

– Слишком много сладкого – противно. Захотелось перчика, новых впечатлений, перемены обстановки, приключений, страсти.

– Перчик, это да. Понимаю. Острый, пикантный, горячий, большой, сильный.

– Не хаами, тебе не идёт. Обычный у него перчик. Причина в иной плоскости: мы устали друг от друга. Поживём отдельно. Я ведь не требую развода.

– Это да. Это аргумент. В каком, извини, качестве, ты отправляешься в турне по Европе? Мне сложно подобрать подходящее определение. Разве что...

– Назовём это компаньонка. Попутно буду исполнять роль секретарши.

– Ясно. В определённых кругах это называется эскорт. Видимо твой друг решил сэкономить на гонораре.

– К чему эти предположения. Я его люблю и точка. Чмоки-чмоки! Забираю только наряды и

украшения. Разрешаю провести разведку боем, не обижусь, если в моё отсутствие у тебя появится очаровательная ассистентка. Не скучай.

– Обидно. Всё равно буду ждать. Не выглядишь ты счастливой, это странно. И отдавалась последние дни... как в последний раз. Это роковая ошибка, заблуждение.

– Лучше попробовать и сожалеть, чем раскаиваться в том, что упустил: не лизнул, не пощупал. Отважусь рискнуть, крутану рулетку, поставлю на... на чёртову дюжину. Сама буду держать в кармане пальцы крестиком. Прорвёмся, любимый. Верь в судьбу.

Генка ждал.

Ждал упорно, деятельно, активно, игнорируя романтические уловки и сигналы страсти претенденток на серьёзные отношения: любовно обустроивал покинутое супругой семейное гнёздышко, наращивал финансовые активы и интеллектуальный капитал, старательно поднимался по карьерной лестнице.

Генка верил, что Жанна вернётся, мечтал о том благословенном дне, когда вновь сможет обнять любимую, когда выпадет счастливый шанс восстановить статус-кво, вернуться к началу отношений.

В разлуке он научился рисовать картинки, нечто похожее на комиксы, где роли были распределены между цветными изображениями влюблённых мужчины, женщины, их сердечного посредника, и блёклого чёрно-белого незадачливого развратника, развалившего их красивый мир.

Жена вернулась спустя год.

Выглядела она не лучшим образом: постарела, осуну-

лась, пристрастилась к крепкому алкоголю, научилась курить, одеваться безвкусно.

Генка её трансформаций не заметил. Он был по-настоящему счастлив, хотя ответной реакции на его воодушевление не последовало.

Жанна курила и пила, пила и курила, закинув ногу на ногу, глядела безразлично, словно в полусне, куда-то мимо Генки. Похоже, он был для неё пустым местом, случайным сожителем.

Минул месяц, следом второй.

Жанна жила тихо, спала отдельно. Романтические чувства ни разу не осветили её чела. Казалось, что истощились, иссякли в ней жизненные соки.

Генка предлагал показаться врачам, Жанна брезгливо махала рукой: не лезь не в своё дело.

В один из однообразно тоскливых дней Генка обнаружил в своей квартире визитёра – солидного вида мужчину. Первой мелькнула мысль, что это очередной любовник. Действительность оказалась гораздо хуже.

– Лаврентий Павлович, адвокат. Представляю интересы Жанны Леонидовны в бракоразводном процессе. Можете ознакомиться с документами. По закону половина имущества и финансовых активов принадлежат вашей супруге.

Перед глазами Геннадия забегали разноцветные мушки, голова пошла кругом.

Ему не было жалко нажитого, меркантильность не свой-

ственной его характеру. Расстроило и разозлило предательство.

Оспаривать, выгадывать по мелочам, он не стал, выторговал лишь выкуп Жанкиной доли в стоимости квартиры, расставаться с которой не захотел.

Адвокат попался разворотливый, ушлый: уговорил Жанну переселиться к себе, деньги пустить в оборот.

Бывшая оттаяла: постоянно названивала по пустякам, приходила в гости, вновь начала флиртовать, намекала на то, что любовь – не ломоть чёрствого хлеба, что чувства не остыли.

Генке хотелось верить в чудо, очень-очень хотелось. На эту приманку он и купился, оставив однажды ночевать, после чего Жанна вновь почувствовала себя хозяйкой.

Играть романтические роли, притворяться влюблённой, было привычно. Наверно это увлекательно, интересно.

Жена-любовница правдоподобно изображала страсть, отдавалась ненасытно, изобретательно, пылко.

Генка был счастлив.

Вот и не верь после этого в судьбу, которая любит извилистые пути, запутанные лабиринты, причудливые виражи, кроссворды с картинками, замысловатые сюжеты, интриги, паутины с потайными капканами.

Съесть Генку с потрохами не удалось.

Совершенно случайно узнал он о том, что совместный с адвокатом бизнес прогорел, не без его в том участия, что на

том их любовь и закончилась, что причина жить с ним вместе испарилась моментально, как жидкий азот.

Генка расстроился, но вида не подал. Любил он Жанну, беззаветно и преданно любил, однако всякое терпение имеет край.

Когда любимая в очередной раз обчистила его копилку, не оставив денег даже на повседневные нужды, он возмутился, призвал даму к ответу.

Жанна плюнула ему в лицо, дохнула перегаром и испарилась.

Генка переживал, страдал. Именно поэтому он отправился в то злополучное кафе. Нужно было хотя бы попытаться расстаться с прошлым.

Мальчик из сказки стоял на берегу, принцесса с глазами цвета кислого винограда плыла в лодке без вёсел, махала руками, звала, о чём-то молила. Ниточка, связывающая их сердца, вибрировала, переливаясь радужным разноцветьем, натягивалась, сохраняя из последних сил упругость, и вдруг лопнула.

Генка задохнулся, забылся, не имея возможности вдохнуть полной грудью, и впал в забытье.

Он справился, отпустил, переболел, погрузился со временем в новую жизнь.

Жанна – не смогла.

Дивный вечер с Мальвиной

Я сжёг иллюзий праздных паруса,

Пустил на дно корабль пустых фантазий,

И, обрубив концы случайных связей,

Отправился, куда глядят глаза.

Александр Онищенко

Нет, и не может быть ничего заманчивее романтического свидания в тёплую майскую ночь.

Игорь сочувствовал тем, кто не мог понять этого, ощутить каждой клеточкой тела взволнованного трепетной, неповторимо чувственной атмосферы волшебного момента первой встречи с любимой.

Да-да, Игорь, застенчивый, трогательный в юношеской впечатлительности мальчишка познакомился с удивительной девочкой и осмелился пригласить её на настоящее свидание.

Они гуляли, держась за руки, ели эскимо на палочках, катались на лодочке, теперь сидят на уединённой скамейке в

маленькой аллею городского парка недалеко от реки.

Молчат, потому, что смелости хватает только на то, чтобы неловко держать её кукольную ладошку, горячую и нежную, дрожащей от возбуждения рукой.

Юноша чувствует себя самым счастливым человеком на свете, потому, что Ирма ответила на его чувства взаимным интересом.

Собственно и не ночь это была, сумерки.

В тёплом влажном воздухе разливались чарующие ароматы цветущих слив и разнотравья, гудели то и дело пролетающие мимо майские жуки, в речной заводи со стоячей водой звучала лягушачья симфония.

Волшебный закатный пейзаж ещё алел на горизонте, позволяя разглядеть тяжёлую посадку прижившихся основательно, не улетающих даже на зиму уток.

Игорь любил вечерние прогулки, умел видеть больше, чем замечал глаз привыкшего к индустриальным пейзажам горожанина, был неисправимым сентиментальным романтиком, умел ценить природу, любил жизнь со всеми её естественными проявлениями, особенно весной.

Сейчас ему не было дела до пейзажа, который отходил на второй, даже на третий план, потому, что рядом сидела девочка-мечта.

Ирма выглядела не вполне обычно: выкрашенные в нежно-голубой цвет длинные распущенные волосы с большим бантом, накрашенные тёмной помадой пухлые губы, обрамлённые пушистыми ресницами тёмно-серые глаза, бледная, почти белая кожа лица, ярко-синий маникюр на малюсеньких ноготках тонких пальчиков, прозрачная объёмная блузка и расклешённая колоколом коротенькая юбочка.

Девственно голые коленки приковывали взгляд Игоря, отчего ему было невыносимо стыдно. Хорошо, что в сумерках не видно как горит его лицо.

Игорь слегка развернулся к девушке, чтобы можно было взять её нежную ладонь двумя руками, несмело поднёс её к губам, прикоснулся к кончикам пальцев.

Ирма посмотрела на Игоря, хлопнула ресничками, правой рукой застенчиво одёрнула юбочку, почувствовав его интерес именно к этой выразительной детали, лучезарно улыбнулась, подарив мальчишке уверенность, что всё правильно.

Сердце его трепетало от восторга.

Игорь чувствовал, как в него вливается энергия её божественного присутствия, как раскрываются поры души, готовые впустить девушку в глубину своей девственной вселенной.

Неловко, сдерживая дыхание, чтобы не выдать себя, вдыхал юный влюблённый изысканный аромат волос девушки, смешавшийся с чарующими душистыми запахами весны. Её лицо было почти рядом.

Смутные желания возбуждали впечатлительное воображение, заставляли взгляд перескакивать с одной красочной декорации внешности подружки на другую, ещё более притягательную и манящую.

Живое тепло, исходящее от Ирмы, восхитительный аромат и звенящее напряжение от её присутствия посылали густые волны удивительно яркого наслаждения, которое требовало немедленного подтверждения, что это не сон.

Игорь мечтал дотронуться до коленки, прикоснуться губами к мочке уха, поцеловать волосы, вдохнуть полной грудью пряный дурман с нотками сладости благоухающей свежести её удивительно воздушного, невесомого тела.

Ирма ответила на прикосновение его рук лёгким пожатием, отчего внутренности юноши сжались пружиной. Волнение и дрожь обежали волнами сладострастия вокруг, сгустив и без того плотные сумерки.

Игорь несмело поцеловал девочку в ушко, опасаясь непредсказуемой реакции. Ирма слегка придвинулась, прижалась нежной щекой. Волосы девушки щёкотно прикоснулись к его лицу, тонкий аромат волновал, посылал вдохновение, смелость идти дальше по пути познания.

Ирма не ответила на несмелый поцелуй в губы, не разомкнула уст, но и не оттолкнула. Её губы были невозможно сладкими, ощущение от прикосновения к ним вызвали бурю чувственных впечатлений, которые просто необходимо было повторить, чего Игорь и сделал.

Прошло несколько минут, которые юноше показались вечностью. Где-то рядом тяжело пролетела ночная птица. Сумерки окончательно превратились в ночь.

Девушка раскрыла сумочку, достала телефон.

– Половина девятого, Игорёк. Мне пора домой. Мама ждёт. Она у меня строгая. Проводи на маршрутку, мне неда-

леко.

– Мы ещё встретимся, я не напугал тебя настойчивостью, совсем не хотел тебя обидеть? Извини, я никогда не встречался с девушками. Я так счастлив.

– Да ладно тебе, всё замечательно. Диктуй номер телефона.

– Правда! Как я рад.

Маршрутка растворилась во тьме, моргнув несколько раз красными подфарниками, а Игоря не отпускало состояние эйфории.

Ирма отъехала на одну остановку, вышла, вызвала такси.

Пока ожидала автомобиль, позвонила подруге.

– Дуська, что я тебе расскажу!

– Во-первых, не Дуська, А Дульсинея. Во-вторых, что ты можешь такого сообщить, чтобы вызвать у меня восторг? Жорик бриллиантовое кольцо подарил, Альберт Иванович замуж позвал, с Витькой на Тенерифе летишь, что? Меня сложно удивить, твои эксклюзивные способности мне из-

вестны. Хочешь, чтобы позавидовала твоей удачливости?

– Меркантильная ты, подруга. Нет в тебе романтизма, только шмотками да бабосиками интересуешься. Мальчишечка в меня влюбился. Такая душка. Не целованный. Дрожит от страсти, а дотронуться боится.

– Ну, ещё скажи, что влюбилась, я заплачу.

– Дура. Я в таком шоке была, чуть не разрыдалась, когда расставались. У меня же никогда не было настоящей любви, только секс.

– Что ты можешь смыслить в любви! У наших с тобой клиентов в глазах похоть, а в штанах стоячий кол. Нет Ирмочка никакой любви, не существует. Сказки это. Сейчас придёшь на смену в сауну и почувствуешь любовь во всей её порочной красе. Хорошо если нормальные попадутся. Как бы после сеанса такой любви в реанимацию не угодить.

– Зря я тебе позвонила. Только настроение испортила. Брошу я эту сауну к чёртовой матери. У меня через год диплом инженера будет. Выйду за мальчишечку замуж... по любви, сяду в конструкторское бюро. Красота!

– Ну да, ну да, как же. Не смехи. Ты к бабкам привыкла.

Твой Ромео столько за месяц не заработает, сколько ты за ночь. Любовью сыт не будешь.

– Приземлённая ты, Дуська. Рождённый ползать летать не может. Я ещё не до конца испорчена. Не представляешь, что я чувствовала, когда он меня в губы поцеловал.

– Меня и на земле неплохо кормят. Между прочим, мне Вадик квартиру подарил. Завтра после смены отметим новоселье.

– А если он узнает, чем ты на жизнь зарабатываешь?

– Ха! Будет хулиганить, я ему расчёт дам, без содержания. Квартира на меня оформлена по всем правилам. За меня есть, кому заступиться. Лохов учить надо.

– А потом, Дусь, потом, когда через тридцатник перескочишь, что будет? Ты же уже три аборта сделала. Кто знает, чем они позже обернутся. А семью захочешь, детей.

– Плевать. Я ещё на пять абортот согласна, если не за так. Нарублю капусты и в Европу рвану. Там лохи покруче наших, отечественных.

– Пустите Дуньку в Европу! Не смейся, подруга, кто там

тебя ждёт! Там свои Дульсинеи губы раскатывают.

– Ты скоро, задолбалась тебя ждать, Мальвина хренова. Познакомишь со своим хахалем?

– Вот ещё! Он мой. Я, Дуська, любви хочу, настоящей.

Дуальность

С тобой сливаясь, чувствуя тебя,

Дышу сейчас одним с тобой дыханьем.

Живу сейчас одним с тобой желанием:

Продлить в ночи подольше жизнь огня.

То затихая, вдруг, а то взрываясь,

Ты трепетала, страстно... лёгкий вздох,

Из губ горячих жарко вырываясь,

Лицо огнём души, как пламя, жёг.

Анатолий Гуркин

– Дунаев. Игорь Леонидович, – с поклоном представился немолодой уже, с виду лет сорока пяти или чуть больше огненно-рыжий мужчина в усах и бороде хорошенькой девушке, стоящей на крыльце его дома.

Удивительно, но глаза у него были как бы молодые, и кожа

лица слишком гладкая.

Одет мужчина был в шаровары, наподобие тех, в которых рисуют казаков, пишущих письмо турецкому султану, и клетчатую фланелевую рубаху с длинными рукавами, размера на два шире объёма фигуры, почти до колен.

На ногах стоптанные валенки, подшитые кожей, голова покрыта фетровым колпаком невнятного цвета. Этот живописный ансамбль дополнял солдатский ремень с блестящей на солнце бляхой.

– А вот и Ланочка, жиличка твоя. Я тебе рассказывала. Внучка подружки моей, Дарьи Степановны. С детства её знаю. Хорошая девчушка, послушная, смиренная. Но, с характером. В институт поступила, а в дому, как назло прислониться негде, и уроки готовить тоже. Вот, значит, такая okazия, Игорёк. Нужно приютить. Да она тебе в тягость не будет. Приберёт когда нужно, обед сготовит. На это она мастерица. Семья-то многодетная. Сызмала ребятня к хозяйству приучена.

Девушка протянула игрушечную ладошку.

Игорь Леонидович осмотрел свою руку, старательно вытер её о рубаху, попытался поздороваться.

Маленькая ладонь утонула в его пятерне, вызвав тревожную мысль, что может сделать ребёнку больно.

Игорь накрыл протянутую руку второй ладонью, улыбнулся во весь рот, – милости прошу... к нашему шалашу. Вы только меня не пугайтесь. Я, конечно, бука, волк-одиночка, но смиренный. В гости никого не зову, да и сам не хожу. Позвольте полюбопытствовать, как ваше полное имя, фея?

– Лана Борисовна... Саватейкина. Полное имя, тоже Лана. Мама сказала, что происхождение имени связано с плодородием. Я тоже тихая. Обещаю – водить никого не буду, у меня другая задача, диплом надо получить. Меня подталкивать некому, учусь добровольно принудительно. А где я буду жить?

– О, в самых настоящих хоромах. Отдельный вход, две комнаты, мебель. Но удобства и кухня к великому сожалению на моей половине. Ничего, как-нибудь разберёмся, мы же люди самостоятельные, взрослые.

– Постараюсь вас не стеснить. Тихо буду сидеть, как мышка, вы и не заметите.

– Ну и чудненько, с организационными вопросами разобрались, пора приступать к знакомству. Раз такое дело, пред-

лагаю отметить наш, так сказать, союз. Сейчас чай поставлю. У меня и баранки есть.

– А я с утра пирожки испекла. С капустой и с мясом. Сейчас принесу. Может самогончики накатим, чисто символически, под чаёк, а, Игорёк, как ты думаешь, – спросила соседка, Софья Даниловна.

– Ни к чему, думаю, лишнее это. Ты же знаешь, я не любитель.

Соседка убежала, а Игорь Леонидович стоял, разинув рот, и не отпускал руку жилички, задумчиво изучая её силуэт, даже пытался поймать взгляд.

Работал он счетоводом, по-нынешнему, экономистом, а в свободное время изучал философию.

Наука эта непростая. Десять минут читаешь, потом неделю думаешь, перевариваешь, пока всё состыкуется, встанет на свои места.

Когда он размышлял, чтобы занять чем-то руки, рисовал карандашом, в основном силуэты: динамичные, экспрессивные, летящие. Это помогало усваивать прочитанное, дарило радость творчества.

Силуэт девушки, ещё не нарисованный, но чётко очерченный мысленно, очаровал его сразу.

Мужчина даже не понял поначалу, чем: лёгкостью, подвижностью, или плавностью линий. Смотрел на девочку, представляя себе будущий рисунок. Изумительная грация.

Игорь Леонидович видел перед собой, можно сказать держал в своих могучих руках, миниатюрную блондинку с коротенькой стрижкой, невзрачным, почти бесцветным лицом, но огненным взором и завораживающей улыбкой.

Её глаза пылали азартом и чем-то ещё, довольно загадочным, заставляющим вглядываться внимательнее.

Казалось, будто она сейчас взмахнёт миленькими ладошками, и полетит.

Лана даже стоять спокойно не могла из-за избытка жизненной энергии: пританцовывала, порываясь бежать или что-то ещё делать, лишь бы ни топтаться на месте.

Жизненная сила в теле девочки фонтанировала, заливая окружающее пространство подобием сияния. Создавалось впечатление, будто вокруг потрескивают светящиеся разряды и микроскопические молнии.

Такой диссонанс, когда довольно неприметная внешность растворяется в мерцании яркой ауры, обнуляя невзрачность, вызвала у него повышенный интерес.

– А девочка-то с сюрпризом, – подумал Игорь, – видно, та ещё штучка. Интересно будет с ней познакомиться. Наверняка, эта забавная малышка окажется занимательным собеседником, если захочет разговаривать с таким занудой, как я. Придётся постараться. Жить вместе, рядом, и не общаться – так не бывает.

Лана была мала ростом, однако недостаток сантиметров нивелировали достоинства фигуры – пропорциональной, грациозной, стройной.

Общее впечатление, если не подходить слишком близко, создавалось обманчивое – казалось, что Лана выше, чем на самом деле, как минимум сантиметров на десять. Такие уж у её тела были необычные пропорции.

Позитивное впечатление к тому же придавали весьма привлекательные гитараобразные очертания, и высокая грудь, вздымающаяся при каждом вдохе как горная гряда.

Ещё точеные ножки с удивительно круглыми коленками.

Похоже, их обладательница немало упражнялась, поддерживая тонус мускулатуры.

На этом достоинства дивы не заканчивались. Звонкий уверенный голосок ласкал слух, а способность постоянно улыбаться поднимала настроение.

В глазах девочки прятались озорные чертенята, дразня собеседника, подначивая к шутливому разговору.

В целом девочка очень понравилась хозяину дома. Он знал, что первое, подсознательное, интуитивное впечатление, редко бывает обманчивым.

Вскоре прибежала запыхавшаяся соседка с миской дымящихся пирогов. Они уселись за стол, пили горячий чай из блюдец, усердно дую на поверхность янтарного напитка и смачно прихлебывая.

Процедура чаепития с незнакомым ритуалом вызвала приступ смеха у милой гостьи, дало повод для милой беседы обо всём и ни о чём.

Слово за слово, просидели довольно долго.

Игорь воспитывался матерью одиночкой, правда, в любви и ласке.

Возможно, обожание мамой сына было чрезмерным, но иначе жить она не умела.

Отец покинул семью, когда мальчику было шесть лет. Воспоминания о нём практически стёрлись из его памяти. Бабушек и дедушек у него не было. Во всяком случае, ему о них ничего не было известно.

Как и все юноши, Игорь в своё время встретил девушку, которая не просто заинтриговала его, покорила непосредственностью, умом, грацией, и конечно целомудренностью.

Возможно, это была лишь игра воображения. Не важно. Воспоминания о тех, первых и единственных чувствах, прочно заняли место среди самого позитивного, самого прекрасного, что с ним происходило.

Влюблённые совместно прогуливали учебные пары в институте, бесцельно, лишь бы подольше быть вместе, бродили по парку, мило ворковали.

Несколько раз, это было самым восхитительным поводом для восторженного воображения, целовались: простодушно, сдержанно, скорее как близкие родственники, чем страстные влюбленные.

Их отношения не переходили личных интимных границ, однако всё чаще разговор касался будущего, которое виде-

лось совместным и удивительно счастливым.

Маме Игорь о матримониальных планах ничего не рассказывал: не считал важным и необходимым, поскольку мама есть мама, она будет только рада счастьем сына.

Игорь бесконечно рисовал избранницу, заполняя её силуэтами и портретами целые альбомы, даже тетради с конспектами пестрели рисунками.

Светочка вдохновляла и окрыляла.

Девушка читала стихи собственного сочинения, многие из которых были посвящены ему.

Романтические чувства росли и крепились.

Пришло время переходить на следующую ступень отношений, теперь уже родственных.

Девушка познакомила Игоря с родителями.

Будущие родственники оказались людьми интеллигентными, с серьёзными возможностями и многообещающими жизненными перспективами: папа – профессор экономики, мама – преподаватель вокала в консерватории.

Игорь тоже привёз невесту к себе, чтобы представить будущей свекрови, в полной уверенности, что девушка ей понравится.

Мама суетилась не в меру, вела себя напряжённо, даже странно, но, на то она и мама, чтобы волноваться.

Родительница завалила стол деликатесами, охала и ахала, умиляясь красотой и грацией претендентки в невестки, расспрашивала чересчур подробно, словно желая впоследствии писать о ней воспоминания и мемуары, интересовалась мельчайшими деталями прошлого и настоящего девочки, и её родителей.

Беседа шла полным ходом: мама расточала елей восторгов, вдруг начала бледнеть, и неожиданно грохнулась в обморок.

Продолжение смотрин пришлось срочно отменить.

Игорёк забегал, извиняясь, пытался привести маму в чувство, что никак не получалось: ей становилось всё хуже и хуже.

Жених сбегал к почте, вызвал по телефону скорую по-

мощь.

Пришлось поймать такси и отправить девушку домой.

Мамочка очнулась спустя несколько минут после поспешного отъезда невесты.

Она принялась рыдать, заламывать руки, сипя и рыдая, обвинила сына в чёрствости и жестокости, наговорила несуразностей, давая понять, что он у неё единственный, поэтому делить сына ни с кем не намерена.

– Рано тебе обузу на шею вешать. Успеешь ещё нагуляться. Эта Светочка ещё та штучка, помяни моё материнское слово. Я её сразу просчитала. Вот помру, тогда что угодно делай.

Атака на потенциальную невестку продолжалась больше недели. Мама находила новые и новые аргументы, расписывала ужасы семейной жизни, склонность красавиц портить жизнь молодым мужчинам, садиться им на шею.

Сын всё правильно понял: попыток влюбиться больше не предпринимал.

Так они и жили вдвоём до самой маминой кончины.

С тех пор минул год.

Что-то менять в жизни уже не хотелось, да и поздно, честно сказать.

Игорь остепенился, привык жить в одиночестве, которое несколько не раздражало, даже наоборот – холостяцкий быт представлялся удобным, комфортным: никому ничем не обязан, творчески полностью свободен, масса времени для раздумий.

Мужчина перестал сбривать на лице растительность, приобрёл стариковскую осанку, научился шаркать ногами и медленно говорить.

Жизнь как жизнь: не хуже, чем у других. К тому же есть серьёзный плюс – нет повода для конфликтов, а отсутствие стрессов и серьёзного эмоционального напряжения – прямой путь к долголетию.

На самом деле Игорю Леонидовичу всего двадцать семь лет, только об этом никто, кроме его самого и соседки, достоверно не знает. Да и он сам, если честно, начал забывать, что молод и полон сил.

Люди обычно при встрече обращались не к нему, а к его внешнему виду: уступали место в транспорте, называли "отец".

– Ну и ладно. Нет худа без добра, – считал он, и старательно соответствовал новой роли.

Главное, никто не отвлекает, что устраивало мужчину вполне.

В его голове постоянно возникали и крутились интересные идеи, которые требовали концентрации внимания и сосредоточенности.

Ланочка быстро освоилась в доме, но общаться не спешила, свободное время посвящала исключительно учёбе.

Девушку не было слышно и видно, кроме времени обеда и ужина. Она быстро готовила, проглатывала свою порцию за пару минут, после чего вновь спешила к учебникам и конспектам.

О долях в расходах хозяин и жиличка договорились сразу. Продукты покупал Игорь Леонидович, на кухне хозяйничала Лана. Она же следила за чистотой в доме.

Жизнь потекла в устоявшемся русле, без неожиданностей: плавно, размеренно, уютно.

Это было весьма удобно, устраивало одинаково того и другого.

Однако мироощущение Игоря Леонидовича странным образом эволюционировало. Его мышление теперь часто переключалось от вопросов философии на квартирантку.

Он мечтал познакомиться поближе, чтобы иметь возможность наблюдать, как она двигается, что говорит, о чём мыслит.

Игорь рисовал её постоянно, причём много, гораздо чаще обычного, но по памяти, в достоверности которой сомневался.

Лана его общества старательно избегала. Во всяком случае, создавалось именно такое впечатление. А он неотступно думал о ней, подогревая интерес удачными рисунками.

Теперь его голову занимали мысли о жизни и смерти, о молодости и женщинах, о любовных и семейных отношениях, о семье и детях.

С чего бы вдруг такие перемены в устоявшемся жизненном укладе и образе мыслей?

Чем уединённее вела себя Лана, тем интенсивнее и чаще мысли хозяина уютной берлоги буксовали на её загадочной персоне.

Игорь Леонидович рисовал, рисовал, рисовал, находя в этой независимой, но весьма привлекательной крошке, всё больше достоинств и преимуществ, многие из которых – результат творческого осмысления, попросту говоря – восприимчивого ко всему прекрасному воображения.

Неожиданно и вдруг выяснилось, что она не просто личка – милая девушка: притягательное, женственное, волнующее существо, до которого страсть как хотелось дотронуться.

Никогда ещё Игорь не рисовал так много.

Вот Лана танцует, здесь сидит, на этом эскизе лежит на животе, подложив руки под подбородок, кокетливо подняв согнутую в коленке ножку вверх.

Здесь девочка женственно садится, придерживая юбочку, а вот тут бежит, разметав руки-крылья.

Рисунки уже не умещались в папки. Они лежали стопками на столе, на стульях, на подоконниках.

Игорь страдал оттого, что не может создать рисунок, достойный оригинала.

Такая неудовлетворённость свойственна натурам творческим, наделённым сверх меры чувственностью и фантазией, которые сублимированы из неосознанных эмоций влечения.

Всё чаще Игоря Леонидовича раздражал недостаток таланта и избыток застенчивости.

Ему как воздух стал необходим друг, собеседник, и не кто-то гипотетический – именно она, Лана.

Эта милая юная девочка как нельзя лучше подходила на роль трепетной музыки. Она вдохновляла Игоря, правда он ещё не понял, на что именно, потому что полёт фантазии отправлял его сразу по всем направлениям.

Игорь Леонидович страстно хотел её видеть, находиться на расстоянии доступности визуального контакта, причём больше, чаще – всегда.

Как же мучительно, когда мысли не подчиняются, живут собственной, обособленной жизнью, тревожа неопределённостью.

Игорь привык быть хозяином своего сознания, повелевать направлением и темой для рассуждений. Теперь всё было наоборот: мысли и чувства противоречили логике, сами выстраивали цепочки рассуждений, сходящихся в одной единственной точке, центром кристаллизации которой была Ланочка.

Её облик будоражил воображение, заставлял серьёзно, весьма глубоко переживать, создавать иллюзии, до того необычные и странные, что мужчину начинало лихорадить.

Теперь он читал трактаты по философии, перестав их понимать и воспринимать.

Игоря угнетала абсолютная невозможность сосредоточиться. Одно и то же предложение приходилось перечитывать множество раз. Безрезультатно.

Это было невыносимо, обидно, чуточку страшно.

Его душа разрывалась в клочья. В конце концов, Игорь начал ощущать физическое недомогание, даже боль, источник которой, при некотором рассуждении, отсутствовал.

В груди щемило и жгло, в голове возникали спазмы, изнутри тело заполнял леденящий холод, в то время как пот стекал со лба градом.

Сердечные таблетки не помогали.

Бесконечные мысли о девочке вытесняли всё и вся. Неожиданно Игорь начал мёрзнуть, хотя холодно не было.

Газовый котёл пришлось подкрутить на более высокую температуру.

Термометр показывал двадцать восемь, а его бил озноб и лихорадило.

Игорь Леонидович невыносимо страдал. Он не мог понять, что с ним происходит, а главное – почему.

Мнительным мужчина не был, однако физическое и моральное состояние вынуждало предположить, что он серьёзно болен.

Тогда отчего мысли о девочке вызывают столько фантазий и грёз, а вкупе с ними тягучую сладость, которую хотелось чувствовать вновь и вновь?

Казалось, что Лана ничего этого не замечает.

Она так же бесстрастно, но мучительно соблазнительно, смотрела на Игоря, когда они обедали, невольно дразнила колыханием груди, движением изумительных губ, женственными жестами, до жути притягательной нежностью кожи.

Игорь Леонидович медленно, но явно сходил с ума. Его ужасали и жалили похотливые мысли, источником которых была эта невинная девочка.

То, что она девственно чиста, не вызывало сомнений. Она вела себя по-детски непосредственно, естественно, совершенно не обращала внимания на свою внешность, на поведение.

Лана могла запросто задрать подол платья, чтобы расчесать укус комара, достать при нём попавшие в вырез лифа крошки хлеба, поправить трусики.

Игорь Леонидович не верил в равнодушие и чёрствость жилички, в то, что она способна намеренно поступать подобным образом, потому что Лана была бесхитростна и проста.

Он понимал и принимал тот факт, что ей нужно учиться, что у девочки нет времени наблюдать за его поведением и реакцией, но всё равно было обидно такое равнодушие.

Ведь он ни на что не претендует, только поговорить.

Немного общения и приветливый взгляд, этого было бы вполне достаточно. Разве он так много хочет от жизни и от неё?

Увы, Ланочка не замечала Игоря: зубрила день и ночь, словно только от этого зависела судьба. Можно же отдохнуть, отвлечься, посвятить минуточку хозяину дома.

В один из дней Игорь Леонидович не выдержал очевидного равнодушия, решил посетить затворницу в её убежище под выдуманным предлогом.

В его доме всегда был идеальный порядок – мама приучила обращать основное внимание на мелочи жизни и быта. Игорь был хорошим хозяином: полы в комнатах не скрипели, замки и дверные петли были обильно смазаны.

Мужчина бесшумно прошмыгнул в мягких валенках на половину девушки, открыл дверь...

Ланочка сосредоточенно писала что-то стоя, соблазнительно наклонившись над самым столом. Сзади девочки, на стуле, стоял работающий вентилятор и обдувал обнажённую

попку, над которой взвивалась тонюсенькая полупрозрачная ажурная ткань домашнего платьяца.

Ланочке было жарко, ведь отопление было запущено на полную мощность.

Естественно, что она что-то остужала.

Игорь Леонидович стоял и смотрел, застыв в неподвижности, на эту порочную динамичную картинку, мечтая, чтобы она продолжалась как можно дольше.

Желательно всегда.

Девушка, не замечая его присутствия, пританцовывала, энергично двигала бёдрами, слегка меняя ракурс, бесстыдно демонстрируя танцующие ягодицы, оторвать взгляд от которых было невозможно.

Лана тихонечко, еле слышно напевала что-то весёлое, лёгкое.

Уши её закрывали объёмные наушники.

Зачарованный пикантным видением мужчина стоял, застыв как соляной столб, любовался восхитительно-неловкой

сценой.

Украдкой, как вор.

Ему было невыносимо стыдно, однако восторг от созерцания обнажённого молодого тела перевешивал чувство вины.

Время остановилось, замедляя и усиливая чувственность восприятия.

Вдоволь наглядевшись на соблазнительный танец, или устав от неподвижности, Игорь кашлянул.

Невольно, он не хотел себя обнаружить, думал исчезнуть тихо. Даже чертыхнулся в уме, сетуя на неуклюжесть.

Лана скосила глаз, увидела Игоря.

Казалось, она нисколько не смутилась, хотя невольно одёрнула сарафан, пожалуй, слишком поспешно и энергично.

На смену одной интимной детали в обзор мужчины тут же попала другая: маленькая, тугая, вибрирующая от резкого движения грудь.

Всего на мгновение.

Разглядеть её было невозможно, но импульс от созерцания прелестной формы был зафиксирован мозгом, кровь спешила передать замечательную новость дальше, пока всё тело не покрылось мурашками вожделения.

Игорь запомнил, буквально сфотографировал удивительную картинку, даже успел заметить бледно-розовую ореолу и виноградинку соска.

Его лицо обагрилось, налившись моментально краской, приобрело цвет спелой вишни или свекольного сока.

Игорь Леонидович предпринял над собой усилие, попытался успокоить мимику и невинными, но излучающими восторг глазами посмотрел на квартирантку.

Девушка улыбнулась, погрозила пальчиком, – ай-я-яй, Игорь Леонидович! Нехорошо подглядывать. Можно было и постучать. Чем обязана вашему вниманию, и столь неожиданному визиту? Не ожидала увидеть вас на своей половине.

– Извините, Ланочка, совершенно не хотел вас напугать. Просто у меня возникло некое затруднение. Четвёртый раз читаю трактат о дуальности, и никак не могу взять в толк...

– Игорь Леонидович, я, конечно же, прощаю вас. На первый раз. Думаю, что ничего существенного вы разглядеть не успели. Во всяком случае, надеюсь на это. Давайте перенесём наш диспут, ведь вы об этом, на время ужина, годится? Мне так не хватает времени. Нет у меня обеспеченных родителей. Увы. Приходится пробиваться в жизни самой. Это так трудно, поверьте. Мне нужно учить. Если вас не затруднит, закройте, пожалуйста, дверь... с той стороны. И извините, ради бога!

– Да-да! Я вас так понимаю, Ланочка. Это вы меня простите за вторжение. Но...

– Сомнения и вопросы перенесём на потом. Вечером, во время ужина, вы мне всё-всё расскажете. Или вместо ужина, как пожелаете. Договорились? Обещаю уделить вам... по крайней мере, не меньше часа. Так вас устроит?

– Покорнейше благодарю! Буду ждать с нетерпением. Вы меня, Ланочка, так обнадёжили, вселили, так сказать, надежду, что мы... подружимся. Весьма благодарен, весьма.

– И да, Игорь Леонидович, ответьте, только предельно честно – что именно вы успели рассмотреть?

– Ну что вы, Ланочка! Я был настолько смущён, что не заметил буквально ничего. Ну, разве только соблазнительную позу, краешек оголённой кожи. Совсем чутельный, вот такой, – показал фалангу указательного пальца, – в моём возрасте... можете забыть про это маленькое недоразумение, Ланочка. Я нем как рыба. Обещаю, ни одна живая душа, ни о чём не догадается.

– Ладно, этот пункт мы проехали, больше к нему возвращаться не будем. Только... не знаю почему, но я вам не верю, даже столечко, – девочка вернула ему тот же жест, – вы... вы хитрец, даже не так – обманщик.

У вас на лице было написано... что успели посмотреть весь фильм. Это по крайней мере нечестно. О-о-о, я вас не виню, вполне объяснимо подобное любопытство. Одинокий старик. Я бы, наверно, тоже вылупилась на подобное диво. Скажите, у меня ведь красивая попа?

Ладно, прощаю, можете не отвечать, я даже не злюсь... но больше так не делайте. До вечера, Игорь Леонидович.

Девушка помахала ручкой, даже послала впечатляющий воздушный поцелуй.

В штанах у Игоря слегка намокло, а трепещущее от восторга сердце плясало ламбаду.

Мужчина торжествовал. На такую удачу он не мог даже

надеяться: мало того, что теперь можно рассчитывать на более близкое знакомство, так ещё и тема для будущей картины стояла перед глазами как живая.

– Это будет шедевр! Жалко, что девочке этот портрет я никогда не решусь показать. Это будет моей сокровенной тайной. Вентилятор, обнажённая наполовину попка, растерянность, взгляд...

Обворожительное зрелище требовало художественной реализации, вызывало эйфорию, толкало на дальнейшие рассуждения, рождало сказочные фантазии.

Сколько же интересных, возбуждающих, прекрасных событий и переживаний упустил он за эти годы не по своей воле, потворствуя ревнивой материнской заботе, не учитывающей его личные интересы.

Не настало ли время наверстать потерю?

Игорь Леонидович отыскал в столе нераспечатанную упаковку мелованной бумаги для эскизов, и принялся творить.

Он пытался передать листам бумаги всё то, чему стал невольным свидетелем, выплёскивая на ватман эмоции, настроение, неистовый восторг, восхищение, ликование – всё то, что невозможно выразить при помощи слов.

Его руки совершали волшебные движения карандашом, ластиком и кистью, создавая некими техническими приёмами оживающие впечатления.

Изображение девушки было бесспорно статичным, неподвижным, но зрителю могло показаться, что оно перемещается, эмоционально реагирует на происходящее, посылает чувственный импульс, что-то необыкновенно волнующее рассказывает.

Число рисунков было огромным.

Игорь уловил, запомнил каждый нюанс позитивного образа, который пробуждал немислимое вдохновение.

Ускользающие детали дорисовывало воспалённое возвышенным художественным чутьём воображение.

– Вот так, именно так она смотрела на меня. Я видел, в её взгляде не было ни капли равнодушия. Но и раздражения тоже не было. Я тоже её зацепил. Это чего-то стоит. Во всяком случае, Лана подарила мне повод для самовыражения.

Именно такая она была: божественно-прекрасная, соблазнительная, влекущая, сексуальная, почти нагая. И этот намёк... недвусмысленная метафора, однозначно предполагает диалог, часть которого уже состоялась.

– Девочка не возмутилась, не бунтовала, лишь вскользь намекнула на то, что моё поведение ей понятно, что оно не вызывает отторжения, протеста. Да, я успел рассмотреть лишь одну обнажённую деталь её восхитительного тела. Одну, но какую!

Теперь Игорь может перенести на бумагу любое её движение: эмоцию, мимику, переживание, жест, даже направление мыслей.

Он так чувствует.

Душа художника ликовала, требовала полной творческой отдачи.

Игорь старался.

Прекрасная, удивительная женщина, то есть девушка.

Боже, какой же он был дурак. Ведь мог познать эти чарующие ощущения ещё тогда...

– Мама-мамочка, как же ты была неправа! Даже не представляешь, чего лишила единственного сына. Но ничего, есть, есть ещё время, желание жить и чувствовать тоже имеется. Я попытаюсь, я смогу полюбить. Пусть мои чувства не

станут взаимными, слишком велика разница в возрасте, мне будет достаточно того, что Ланочка рядом.

Игорь побежал в магазин, купил набор бритв, с остервенением принялся удалять с лица растительность.

– Двадцать семь, мне всего двадцать семь лет. Я ещё не старик.

Было больно сдирать загрубевшую поросль.

Игорь спешил, сильно порезался.

Это лицо...

Увидев себя в зеркале, мужчина был немало удивлён впечатлению.

– Неужели это лицо принадлежит мне!

Лихорадочный поиск подходящей одежды, попытки привести её в порядок, давались с трудом. Всё было велико, висело, как на чучеле.

– Успокойтесь, сосредоточьтесь, – уговаривал себя Игорь, – дуальность, двойственность всего в этом мире –

вот тема предстоящей беседы. Оказывается, не нужно далеко ходить, чтобы познать истину. Как просто. Всё, буквально всё имеет оборотную сторону, соприкасается, объединяется, обменивается и взаимодействует, реализуя те или иные насущные потребности. Лишь из единства противоположностей рождается позитивное целое.

Игорь Леонидович выпустил эмоции наружу, даже станцевал нечто немислимое, и мычал, дабы не выдать пламенных чувств восторженными возгласами, которые Лана могла слышать.

– Именно потому я так возбуждён и взволнован, – размышлял он, – что не познал прежде настоящей любви. Со Светой мы едва подошли к границе открытий. Это уже прошлое, о нём не стоит больше беспокоиться.

Того, что не произошло, вернуть невозможно. Зато в настоящем у меня замечательные, просто захватывающие дух перспективы и возможности.

Обуреваемый предчувствиями и плещущими через край желаниями, он сбегал за бутылкой хорошего вина. В марках напитка, тем более в качестве, Игорь не разбирался, потому, что был непьющим, поэтому купил самое дорогое.

Приплясывая и мурлыча под нос песенку о хорошем на-

строении, Игорь Леонидович с воодушевлением принялся застряпню. Сделал мясо по-русски в фаянсовых горшочках, с картофелем, белыми грибами и специями, на говяжьем бульоне, в сметанном соусе.

Раньше, когда была жива мама, он с огромным удовольствием готовил это блюдо на двоих.

Кухонные навыки были частично утрачены, давались с трудом.

– Как много всего забыто. Когда я поставил на себе крест? Даже, вспомнить невозможно. Ничего, справлюсь, – уговаривал себя Игорь, – это будет грандиозный ужин. Только бы не вызвать у девочки шок перевоплощением. Она мне нужна, жизненно необходима. Без Ланы, без её голоса и улыбки, я задохнусь: умру, исчезну, растворюсь во вселенной.

Игорь Леонидович произносил эти странные фразы, чувствуя себя безмерно счастливым. Почему, он не был способен объяснить.

– Как здорово, – ликовал он, – что вовремя удалось понять причину беспокойства. Кажется, я её люблю. Да нет, вовсе даже и не кажется, точно люблю.

Наступило время ужина.

На празднично сервированном столе не было свободного места.

Игорь волновался. У него не хватало терпения. Он поправлял то одно, то другое, менял блюда и сервировку местами, смахивал несуществующую пыль, садился и вставал каждую минуту, бесконечно заглядывал то на часы, которые вели себя весьма странно – стрелка словно приклеилась к одной цифре, то в коридор, в ожидании Ланочки.

Столовая была окутана божественными запахами, выглядела торжественно и непривычно: красивая скатерть, вино, бокалы из тонкого хрусталя, зажжённые свечи.

Ланочка, как обычно, впорхнула воробышком, не оглядываясь по сторонам.

– Игорь Леонидович, так что вы там говорили про дуальность, я правильно расслышала предмет ваших размышлений? Неужели вы таким необычным образом намекали на секс, увидев мою трогательную попку?

Как я вас понимаю, – щебетала девочка, не поднимая глаз, она всегда спешила, – молодость и старость, это двойственность, эти разные состояния способны обогатить, дополнить друг друга, взаимодействуя, стимулируя, развиваясь, а раз

так, почему бы и не попробовать соблазнить молодую дурёху. Я в правильном направлении мыслю?

– Да, то есть, нет! Вы неверно интерпретировали мой вопрос. Я имел в виду философию, а не притязания, размышления, а не действия.

– Конечно-конечно. Я не собиралась обвинять вас в домогательстве. Ведь это так просто. Давайте начнём дискутировать. У вас в запасе целый час. Но имейте в виду – время пошло. Итак, относительно секса предупреждаю сразу: неприемлемо. Не то, чтобы принципиально нет. Просто секс – это всегда обязательства, самоотдача, обещание, вызов. У меня нет на это ни времени, ни сил.

– Причём здесь секс, Ланочка, давайте лучше поговорим о том, чем сейчас интересуется и живёт молодёжь. Мне это жутко как интересно.

– Ой, простите, не заметила этого изобилия, у нас сегодня праздник, и какой, разрешите узнать, день рождения... ну что же тогда, не интригуйте, Игорь Леонидович. Мы, девочки, такие любопытные.

Мужчина стоял поодаль, наполовину скрытый от собеседницы сервантом. Он волновался, переживал, не будучи уве-

рен в исходе происходящего, поэтому сознательно выбрал эту позицию, чтобы не вызвать мгновенный шок, и как вариант – категоричное неприятие.

“Нужно предъявлять неопровержимые аргументы, чтобы сразить наповал, прямо в сердце. Неужели она совсем безучастна к моей судьбе,” – переживал Игорь Леонидович.

“Глупейший вопрос. С чего бы Ланочке волноваться и переживать, глядя на старого, озабоченного любовью чудака? Внимание нужно заслужить. Что я способен предъявить, кроме плаксивой исповеди? Ничего”, – корил он себя за неумение завоёвывать доверие женщин.

“Если только предъявить? бросить к её ногам материальное благополучие? финансовую состоятельность. Но имеют ли эти меркантильные доводы значение, когда дело касается любви? Возможно, Лана выберет самостоятельность, самодостаточность, индивидуальность. Не каждая девушка позарится на такие незначительные для её возраста ценности, как наличие дома и обеспеченная жизнь”.

Игорь зажёл верхний свет, вышел из укрытия, и неуверенно направился в сторону Ланы, заранее предчувствуя фиаско.

– Кто вы... где Игорь Леонидович! Что за сюрпризы. Мы же с ним договорились. Я пожертвовала личным временем. Он что, думает, что надо мной можно шутить таким унижительным образом?

В таком случае... пусть сам съедает всё это великолепиие. Мне достаточно стакана чая и бутерброда с сыром. До свидания. Передайте хозяину, я зла на него не держу, но поступать так некрасиво, бессовестно.

И пусть не воображает, что может уложить меня в постель лишь на том основании, что сдаёт мне угол. Я со стариками не сплю. Я вообще в ближайшую пятилетку ни с кем спать не собираюсь. Пусть знает, что я девственница. Не ему меня соблазнять.

Ланочка было собралась уходить.

Игорь быстро переместился ближе к ней, попытался взять за руки, – разве вы не узнаете мой голос? Это я, Игорь Леонидович, собственной персоной.

– Не морочьте мне голову! Он дедушка, а вы... вы молодой человек, наверно сын... или внук.

– Но ведь вы никогда не видели мой паспорт. Полюбопытствуйте, прошу вас. Читайте, завидуйте, я гражданин... Маяковского в школе изучали? Добро пожаловать в реальность.

Вот, чёрным по белому написано: имя, фамилия, год рождения. На фото я с бородой.

– Вы меня разыгрываете, хитрите! Ладно, положим, я вам поверила. И что дальше, каков на самом деле повод для пиршества?

– Хочу предложить вам, Ланочка, дорогая моя, руку и сердце.

– Положим, не ваша дорогая. Надеетесь, что я растащусь, увижу, что жаба превратилась в добра молодца, и брошусь к вам на шею? Дуальность, вот оно что, вы именно это имели в виду! Это вы здорово придумали. Такой... и сразу такой... молодой, неотразимый. Выбирай любого, результат одинаковый – женюсь.

Лицо девушки пылало негодованием. Она уже готова была сорваться в крик.

– А просто поговорить, выслушать, вы можете?

– Ага! Сейчас начнёте рассказывать дущещипательную историю, о том, как вы докатились до такой жизни: разжалобите, очаруете красивой сказкой. Я поплыву, растаю, растворюсь в сочувствии. И отдамся... вы ведь к этому клоните?

– Зачем делать поспешные выводы? Мне ничего такого от вас не нужно.

– Только руку и сердце... хитро, экая малость. Какое сердце, позвольте полюбопытствовать... то, что сию минуту беснуется в штанах? Ну, вы и фрукт, Игорь Леонидович. Не думала, что вы настолько циничный типчик.

– Наливайте, – вдруг резко сказала Лана, – мне необходимо прийти в себя, успокоиться, уяснить ситуацию. Похоже, нам придётся расстаться. Завтра же найду новую квартиру.

– Остыньте, Ланочка. Вы ошибаетесь. Конечно, слов обратно взять не получится, но уверяю, никаких намёков на интимную близость нет, и не будет. Мы просто поужинаем вместе. Если хотите – молча. Успокойтесь. Беру свои слова обратно. Будем жить как прежде. В конце концов, ужинать я могу в кафе, здесь недалеко.

– Постараюсь стереть из памяти ваше поползновение на мою невинность. Пока не удаётся. Нервничаю. Я возбуждена, огорошена... сердита, сбита с толку. Вы меня раздавили, как какого-нибудь... таракана, смертельно обидели. И вообще... как это понимать – то, старый, то вдруг сразу молодой, вы уж определитесь, не пугайте. Кто вы, какой на самом деле?

Лана внимательно смотрела, недоумевая, но, всё же, узнавала выразительный взгляд, морщины на лбу, особенные жесты, привычку складывать вместе пальцы обеих рук, прежде чем что-то сказать.

“То-то он сразу показались мне молодым. Яркие глаза, нежная для старика кожа, отсутствие морщин”.

– Ладно, уговорили, давайте беседовать. По паспорту вам двадцать семь. Мне двадцать. Восемь лет разницы. Это же целая жизнь. Да вы и в этом случае нахал, Игорь Леонидович! Такое предлагать невинной девушке! Что, по-вашему, скажет моя мама, думаете, обрадуется?

– Я ничего сверхъестественного не предлагаю. Уважение, дружбу. В дружбу вы верите?

– Мальчик с девочкой дружил, и в постельку уложил. Моему возмущению нет предела, Игорь Леонидович. Слов нет, невысказано это всё, вот это – то, что сейчас происходит!

Вы авантюрист, шарлатан, махинатор, жулик. Отчего, мне хочется смеяться и одновременно плакать... почему вы всё ещё не разлили вино? Ну же... и давайте уже чокнемся... за знакомство... с голограммой Игоря Леонидовича, с его аллегорией из далёкого прошлого.

Впрочем, кажется, я и без вина чокнулась, как бы не загреметь в психушку. За нас! Нет, ну, полное безрассудство,

какое-то, полный бред. Себе не верю. Нет, нет и нет... так не бывает!

Лана выпила половину фужера залпом, поставила бокал на стол, сжала кулаки, затрясла ими, закрыла глаза, вдохнула полной грудью.

В кухне повисла тягучая, напряжённая пауза.

Игорь Леонидович готов был расплакаться. Вёл себя как слабоумный тюлень, как слон в посудной лавке, не представляющий, в какую фантастическую реальность провалился.

– Я... согласна, – неожиданно резко выдохнула Лана, открыв глаза, – но предупреждаю, я не игрушка, шутить со мной смертельно опасно.

Игорь схватился за сердце, присел, вскочил, начал наливать вино мимо бокалов трясущимися руками.

– Какое счастье... да, конечно... за нас, за кого же ещё? Ланочка, родная, я тебя так люблю!

Мужчина подхватил на руки её невесомое тело, впервые ощутив необыкновенно притягательный, просто сшибающий с ног запах молодого, взволнованного тела, который был похож на аромат июльского полдня, когда смешиваются

воедино благоухание трав, цветов и ягод, привлекающих насекомых-опылителей, чистого воздуха и зноя.

– Фантастика. Как же здорово оказывается просто жить!

Того, что сейчас происходило, просто не могло быть. Однако, вот она, трепещет в его сильных руках, но совсем не от страха.

Сердце Игоря замирало от любви и желания.

Нет, это совсем не то желание, о котором можно подумать.

Пока рано.

Сначала предстоит насладиться непорочной близостью: вкусом изумительно сладких губ, нежными прикосновениями, ощущением близости, голосом.

Игорь целовал её шею, ушки, гладил шелковистые волосы. Предстояло освоить целый арсенал соблазнительных средств, дарящих ощущение безграничной радости, не прибегая к слишком откровенным ласкам.

“Сколько же времени потребуется, чтобы всё это великолепие перецеловать? Наверно, целая вечность. Ничего, у ме-

ня достаточно терпения и желания, чтобы не разочаровать любимую девочку”, – убеждал себя Игорь Леонидович.

– Ланочка! Ты самая привлекательная девушка в Мире. Какое счастье, что я тебя отыскал!

– Вы не забыли, Игорь Леонидович, что уговаривались на диалог в течение одного часа? Увы, ваше время истекло. Вы потратили его нелепо, бездарно, так мне ничего и не объяснив. Мне пора приступать к учёбе.

– Ты, верно, шутишь, Ланочка, какая учёба?

– Нисколько, любимый... кхм... не представляешь, как странно от себя это слышать. Первым делом, сам знаешь – самолёты... девушки потом. Из-за тебя я осталась голодной. Вот видишь, как быстро учусь быть замужней женщиной. Уже становлюсь немножко стервой, как и положено молодой женщине, впервые вступающей в брак. Привыкай, милый. Не испугаешься, не сбежишь?

– Так нечестно. Когда же, по-твоему, мы будем узнавать друг друга? Я даже не успел почувствовать себя по-настоящему счастливым.

– Я учусь... на втором курсе. Подождать осталось немного, меньше четырёх лет. Надеюсь, дождёшься, не пристра-

стишься к порнографии, к быстрому сексу на стороне.

– Ждать... так долго... разве у меня есть другой выход?

– Конечно, нет. Я тебя обожаю! Ты самый терпеливый мужчина на свете. Представляешь, как мне повезло!

– А целоваться?

– После свадьбы, Игорь Леонидович, после свадьбы. Если дождёшься. У нас ведь с тобой будет свадьба? Ну ладно, в качестве бонуса разрешаю... один поцелуй. Это аванс, думаю, оценишь по достоинству моё благородство. И не вздумай мухлевать. Я проверю. Считаю до ста...

– Не части, Ланочка, я ещё не начал. И вообще, объясни, как ты собираешься считать в таком возбуждённом состоянии, неужели это действительно возможно? Я ведь тебя в два счета объегорю, у меня математические способности и склонность к логическому мышлению.

– Вот ведь хитрюга. Соблазнил девушку, вскружил голову, теперь ещё обмануть норовит. С несанкционированных поцелуев начинается разврат. Коготок увяз – всей птичке пропасть. Бедная я, бедная... знала ведь, что нельзя выстраивать отношения с философом, который на самом деле бухгалтер.

Все вы, мужчины... дуалисты. Ладно, уж, так и быть продолжай, сегодня без счёта. Должен будешь.

Настоящая дружба после любви

Дома всё как у всех – телевизор, комод,

На работе – начальство, интриги и сплетни

И пусты вечера в стенах каменных сот

И в табачном дыму умирает столетник...

Алексей Порошин

Тусклый свет из коридора едва освещал обеденный стол, на котором стояла нетронутая бутылка красного марочного вина, на которую Виктор смотрел отсутствующим взглядом.

Повода для питья не было. Зато было соответствующее настроение, точнее его полное отсутствие, замещение всех видов эмоций полной апатией.

Прошло три месяца как его Катя, точнее, теперь уже не его, встречалась с другим мужчиной.

Было обидно до слёз, досадно и странно видеть любимую в компании малознакомого человека, здороваться с ним за руку, целовать Катю в щёку, делать вид, что это нормально и правильно.

Сначала она сказала, что очень устала от отношений, что ей нужно дать время побыть одной, разобраться в чувствах, прийти в себя.

Просила не звонить, не искать встреч.

Как он мог отказать в такой малости любимой женщине?

При нечаянных встречах Катя отводила взгляд, чувствовала себя неловко. Он думал, что девушка болеет, мало ли у женщин специфических проблем, предлагал помощь.

Игра в прятки продолжалась пару недель.

Затем Катя пригласила его в кафе.

Виктор приоделся, купил цветы.

– Наконец-то, – ликовал он, – Катенька пришла в себя.

Как же я соскучился!

Действительность возбудила его гораздо сильнее, чем продолжительный страстный поцелуй.

– Мы же с тобой друзья, правда, Ракитин, – с акцентом на этом непривычном для их близких отношений слове спросила Катя.

Виктор не умел читать между строк, поэтому с радостью согласился, попытался нежно накрыть её ладонь своей. Любимая отдернула руку, странно сморщилась, принялась оглядываться по сторонам, словно кого-то искала.

– Ты же знаешь, Катенька, я тебя люблю. Скажи хоть что-нибудь приятное.

– Уже сказала. Мы с тобой друзья... это не фигура речи, это факт, если, конечно, тебя устроит подобный формат отношений. Давай не будем больше произносить слово любовь. Я подруга, ты друг... или никто. Извини, нам надо расстаться.

– Почему, Катенька. Мы с тобой скоро два года, это же целая жизнь. Что случилось, я тебя чем-то обидел?

– Нет, Ракитин, всё гораздо сложнее, и намного проще... я полюбила другого мужчину, это очень, понимаешь, очень-очень серьёзно.

– А я, как же я?

– Предлагаю остаться друзьями. И не устраивай, пожалуйста, сцен. Это ничего не изменит. Прости, но мы не дети. Надо различать любовь и влюблённость. Наверно мы поторопились сблизиться.

– Давай хоть теперь не будем торопиться. Такие вопросы нельзя решать экспромтом. Давай, ты ещё немного от меня отдохнёшь...

– Я уже... отдохнула. И подумала. Только не нужно устраивать сцен. Я не передумала.

Катя прятала глаза, нервно теребила концы шейного платка, нервно кусала губы.

– Я его знаю?

– Не имеет значения. Мы уже... да, мы уже... ночевали вместе. Скажи, Ракитин, почему я должна перед тобой отчитываться?

– Я ведь не спрашивал о подробностях. Ты намеренно делаешь мне больно?

– Если тебя это бесит, давай забудем обо всём.

– Если бы это было просто. Я... да, я согласен быть твоим другом. Пусть будет так.

Катя встала из-за стола, поблагодарила за дружбу, поцеловала в лоб, как покойника, и ушла, оставив на столе деньги за заказ.

Виктор ничего не видел сквозь пелену, застилающую глаза.

Остановить слёзы не получалось.

Три дня он не ходил на работу: купил больничный у знакомой медсестры.

Воображение рисовало оптимистичные сцены возвращения любимой во множестве вариантов реализации этого события.

Иногда подступало ужасное раздражение, злость на вероломно оставившую его женщину. Было желание уничтожить соперника, раздавить, как клопа.

Виктор понимал, что друзья так не поступают, а ведь он согласился на эту непостижимую, противоестественную роль.

Душа выла и стонала, медленно умирая.

Он ещё не знал, не представлял, как справится с невыполнимой задачей, но решил проявить стойкость. Ведь нет ничего невозможного. Ради любимой можно вытерпеть и не такое.

Вчера в почтовом ящике Виктор нашёл приглашение на дружескую вечеринку. Обычно на такие встречи приходили парами.

– Вот и первое испытание. Придётся изображать из себя

друга.

Виктор не спал всю ночь, перебирал оптимистические варианты свидания с Катей и её мужчиной.

На ум неожиданно пришла нечаянная идея выдумать ответную любовь. Ему казалось, что таким образом можно убить трёх зайцев: избавиться от неприятных расспросов, объяснить неважное настроение, и возбудить Катину ревность, хотя бы любопытство.

Никто не любит проигрывать. Каждый хочет чувствовать себя, если не победителем, то хотя бы достойным соперником.

Одно дело, когда ты ушёл, оставив в душе и сердце бывшего избранника разруху и хаос, совсем иное, если тебя тут же забыли, немедленно нашли замену.

Все хотят чувствовать свою исключительность. Свергнутая, обращённая в прах вера в неоспоримые достоинства собственной личности пагубна, обидна. Такая ситуация видится как катастрофа.

Катя непременно должна клюнуть на подобную наживку. У неё не останется других желаний, кроме стремления восстановить статус-кво, доказать личное превосходство над любой другой женщиной.

– Она вернётся, непременно вернётся... или я покончу с собой, – в сердцах поклялся он.

Ракитин убедил себя в необходимости подобного шага, сочинил правдоподобную легенду, воодушевился возможно-

стью пусть с помощью обмана вернуть любовь.

На вечеринке мужчина вёл себя довольно активно, всем и каждому рассказывал, какая замечательная у него теперь девушка, которую зовут Снежана, что она работает хирургической медсестрой, поэтому не смогла прийти.

Друзья поверили. Катя тоже.

Виктор пригласил её на танец. Девушка двигалась неуклюже, старалась держать партнёра на расстоянии.

Немного погодя он понял, что Катя беременна, именно поэтому осторожничала в танце.

Она то и дело дотрагивалась до живота, озабоченно, но со значительной долей удовлетворения смотрела на него.

Виктор понял, видел, чувствовал, что она счастлива. А ведь он не так давно мечтал о свадьбе, придумывал цели для семейного благополучия, мечтал о том, что Катя родит ему двух детишек.

Обычно мужчины твердят о том, что хотят непременно сына. Конечно, хотят, без наследника род не имеет продолжения, это так, но Витька мечтал о дочке, о маленькой копии любимой женщины, которую боготворил.

Он мечтал о том, как будет носить её на руках, беседовать с малюткой долгими вечерами, читать перед сном сказочные истории, играть в куклы.

Виктор умел мечтать, воспроизводил выдумки в цвете, изменяя время от времени антураж и сценарий событий.

Он видел эту замечательную девочку, как две капли воды

похожую на маму, разговаривал с ней. Мало того, она росла по мере укрепления их отношений.

– Я рада, что ты выздоровел, – заговорила Катя, – познакомишь?

– Да, конечно. Мы непременно встретимся... все вместе. Обещаю пригласить вас на свадьбу.

– Ты на меня больше не сердисься?

– Ну что ты, мы же взрослые люди.

Что ещё он мог ответить, что?

Его розыгрыш оказался безумной, абсурдной мистификацией. Разве можно было сказать Кате, что всё это время он спит на нестиранном белье, не готовит еду, не выносит мусор.

Виктор видел, как её нежно целует тот, который коварно и подло отнял у него счастье, как они воркуют, как ластится его женщина к удачливо укравшему невесту сопернику.

– Замечательно выглядишь, Витя. О себе не могу сказать такое. Сам видишь, беременность не красит. Что скажешь, если позову тебя быть крёстным моему сыну?

– Буду счастлив. Вы уже расписались?

– Пока нет. Вот накопим денег на свадьбу, тогда непременно.

– А если свадьбы не будет?

– Что ты такое говоришь, Ракитин?

– Неожиданность, стечение обстоятельств. Жизнь непредсказуема.

– У нас же любовь.

– Мы тоже друг друга любили, тебя это не остановило.

– Не так, Витя, не так. Нам лишь казалось, что это любовь.

Извини, мне пора домой. Устала.

– Поцелуй меня.

Катя, чмокая губами, трижды, приложилась к другу щекой, – до встречи, Ракитин. Не унывай.

– Пока. Увидимся.

Девушка ушла в сопровождении жениха, Витька с трудом сдерживал подступающие слёзы. Он провёл по щеке, по тому месту, до которого касалась Катя, пальцами, облизнул их, пытаясь вспомнить вкус и запах поцелуя любимой.

Увы, память скоротечна. Ощущение счастья невозможно запечатлеть, словно фотографию, а затем извлекать при необходимости из альбома, чтобы чувствовать вновь и вновь.

Как же это всё-таки больно, дружить с любимой, вспоминая мгновения, которые невозможно вернуть.

Такие испытания – непосильный груз.

– Нельзя создать настоящую дружбу на осколках любви, – дошло до него, наконец, – не-воз-мож-но! Завтра выставлю квартиру на продажу. Уволюсь, уеду в другой город. Иначе пережить эту дружбу у меня не получится.

Дракошечка

Вспыхнут твоих поцелуев созвездья

Жаром в сто солнц, загоревшихся разом...

Вдрогнет Вселенная в миг, когда вместе

Мы потеряем от близости разум...

Ариша Сергеева

Ниночка страстно, до восторженной дрожи в глубинах тела любила мужчин.

Не фигуру их, не удачливость, не внешность, а именно способность плодотворно, с энтузиазмом трудиться на постельной ниве.

Она боготворила их репродуктивную функцию, но пока исключительно без последствий. Матерью Нина себя представить в принципе не могла и отношений сколько-нибудь продолжительных с претендентами не искала, потому, что выбирать было не из кого.

– Женщина должна быть свободна и независима, – говорила она подругам, – а преподносить себя просто необходи-

мо, в качестве приза.

– Если честно – все мужики, по большому счёту, козлы. Им, паразитам, чего от честных девушек нужно? Вот именно! Так и берите, если дают. Так нет же – разборчивые больно. Им душу раскрываешь, и ещё кое-что, а они по фигуре, по морде лица выбирают. Подавай им кудрявые рыжие волосы, мраморную кожу, пухлые губы, зелёные глаза. А где их взять? Хотят, скоты, чтобы непременно грудь торчком, попа как арбуз, и осиная талия. Ничего так себе ассортимент. Тьфу на них с высокой колокольни! Лучше бы размером гениталий похвастались, темпераментом, выносливостью. Потому нормальные бабы и летают на отдых в Турцию, что ничего у мужиков в штанах отыскать не могут.

Нинке турки были не интересны. Она патриотично настроена.

Честно говоря, женщина о серьёзных отношениях мечтала, но даже себе в этом признаться боялась, потому и вела себя как записная стерва, капризничала, выставляя браваду напоказ.

Одинокими ночами она о настоящей, большой любви грезила. Представляла себе такого, идеального, короче: чтобы и человек был хороший, и всё при нём, особенно по части любви, и вообще.

А как можно узнать, что почём, если не проверишь? Приходилось искать суженого методом проб и ошибок: выбирать, экспериментировать... и ошибаться.

От процесса совокупления Ниночка млела, полностью растворялась в наркотическом дурмане распирающих низ живота ощущений.

Ради этого могла вытерпеть козлий запах мужского пота, нелепые манеры, торопливые притязания, оценивающие взгляды, даже излишнее любопытство в изучении женской анатомии, что на само деле приводящие в бешенство, если результат откровенно унижительного кастинга не совпадал с её интимными ожиданиями.

– Выбирать и ломаться должна девушка, – считала Ниночка.

Особенно ей не нравились те мужики, которые вместо того, чтобы делом заниматься, стихи читали.

– Есть в этих лириках и романтиках что-то природе противное, уродливое что ли. Объяснить словами невозможно, но сами посудите: разве может нормальный обладатель мужского достоинства вокруг, да около, ходить, если женщина

открытым текстом совсем о другой любви намекает, вождением истекает, желанием пахнет? Наверняка перед тобой извращенец.

– Мужчина должен в первую очередь самцом быть, добытчиком и агрессором, – любила рассуждать Ниночка, – не то, чтобы уметь руку сломать, или в глаз врезать – уметь удовлетворить на все сто женские потребности, защитить при случае. Если мужик цветочки разглядывает, когда баба соком истекает – пиши, пропало.

Нет у Нинки иных распускающихся бутонов, кроме одного, очень интимного, которым необходимо заниматься всерьёз. Там и должен мужик черпать вдохновение.

Много ей всяких ненормальных попадалось, кого мужиком можно назвать лишь по причине того, что в штанах ходят. На кой чёрт ей молокосос нужен, или хуже того – сыночек, которому сопельки подтирать приходится.

Один ухажёр с ходу в театр пригласил.

– Сильву, – говорит, – слушать будем.

– Деньги девать некуда. И время.

У Нинки своя сильва имеется, ей и готова поделиться.

Она не против культуры, но всему своё время. Видишь, женщина страдает от любовного истощения – удовлетвори её романтический голод, дай надежду на светлое будущее , тогда хоть в кино, хоть на танцы. А так, чего даром время терять.

С подобными козлами можно и до старости в девках просидеть.

Ниночка предпочитала начинать контакт с романтического ужина. Или с обеда.

Сначала рюмочка чая для знакомства и расслабления, чтобы никаких секретов, честно и откровенно обо всём.

Дёрнули по соточке, поговорили откровенно, пивком отлакировали начало романтических отношений, выяснили интересы, цели: без намёков, открытым текстом.

Доверие, прежде всего. Без него нельзя.

Непьющий мужик сразу настораживает. Что-то у парнишки со здоровьем не в порядке.

Таких претендентов она сразу выбраковывала.

Кстати, секс после стакана водки – самое оно. Проверено.

Без допинга три минуты, а после дозы иногда по часу трудятся.

Скрытые возможности только так и можно определить. Выпил маленько, расслабился, почувствовал себя половым гигантом. Или не почувствовал, если предъявить нечего.

Самой тоже нужно стимулятор принять, чтобы в резонанс с партнёром войти, иначе какая к чертям собачьим любовь, если романтические вибрации не совпадают?

Мужики нынче пошли – без слёз не взглянешь: ни кожи, ни рожи. Животы развезят, а кошелёк пустой.

– Сильный пол, блин! Ха-ха, – смеялась, рассказывая подругам про очередного любовника Ниночка, – но ведь и без них никак. Пробовала я этот, альтер... короче, с вибратором. Бред сивой кобылы. Мужичонка, что ни говори, хоть и плюгавенький, всё одно лучше бездушного механизма. Да и поговорить с ним всегда есть о чём.

Гармония, – рассуждала она, – в семейной жизни самое

важное условие. А ещё ритм. Чтобы не то, что с полуслова, с одного взгляда, по запаху друг друга понимали. Но ведь мужиков: сильных, внимательных, старательных, днём с огнём... всё больше худосочные попадают. Мало того – себе на уме. Пыхтят, торопятся, словно мечтают скорее закончить, и смыться. Только настроишься, а у него патроны закончились.

Это бы ладно, Нинке спешить некуда, так начинают нос воротить, о срочных делах вспоминают.

– Спасибо ведь не дождёшься. Раззадорят, введут в состояние любовной лихорадки, и в кусты.

Появился, правда, один, ничего так себе: сильный, откровенный, неутомимый и со средствами.

В кровати – настоящий орёл.

Одно напрягало: пил только сухое красное вино, и сексом занимался под музыку. Энигму включал. От неё Ниночку в сон клонило.

– Церковный, – говорил, – рэп: музыка покоя, мечты и интимных желаний.

Входил в тесный контакт после облизывания.

Осторожно целовал, обнимал и гладил, медленно, словно танцевал.

Часа два.

В ритме мелодии.

Словно не с Нинкой, а с музыкой сексом занимался.

С закрытыми глазами.

Сильный, уверенный. Чего-то такое нажимает, отчего даже дышать и двигаться желание пропадает.

А пах вкусно: умереть можно.

Один раз под эту мелодию и странные нежности, Ниночка уснула.

А чего он хотел? Релаксация. Сам виноват – убаюкал.

Разбудил поцелуями, массаж сделал, о любви и страсти жужжал.

Непривычно, но приятно до жути, возбуждает, бодрит.

Во всём теле истома и трепет, томление сладкое и желание, желание, желание...

Всё угадал, шельмец, каждую мимолётную прихоть распознал. Словно в мозгах сидел, и мысли читал.

Не успеет Ниночка подумать о чём-то ужасно запретном, а он уже исполнил.

Факир и маг.

– Наверно такой мужчина мне и нужен. Славно было бы, если и я ему приглянулась, – подумала она, засыпая.

Проснулась – любимого нет.

На часы посмотрела, – батюшки, чуть не сутки проспала. Вот, дела!

А на зеркале губной помадой, написано “Ты чудо! Люблю!!! Вечером жди”.

– Так уже вечер!

Забегала Ниночка, засуетилась: ногти шлифует, причёсочку мастерит. Десять платьев, трусики сексуальные примерила, ароматную ванну приняла: хлопочет, копошится, нервничает.

Вспотела от волнения, хоть снова под душ ныряй.

Принялась готовить ужин, чего отроду не делала.

Пришлось по такому поводу наряд с себя скинуть.

Голова от волнения кружится, мысли разбегаются в разные стороны.

Картошечку на сковородке перевернёт, помешает, и к зеркалу.

Взглянет на волнительную надпись, покрутится: мечты куда-то вдаль уносят, чувства переполняют, будоражат воображение.

Оглаживает себя, трогает, оценивает.

Вроде ничего. Сама бы влюбилась.

Тут звонок.

Сковородка скворчит, зеркало незаконченностью макияжа сигналит, трусики до сих пор не надеты.

А ну как он!

Заметалась Ниночка: сердечко, стучит, мысли испаряются. Подтянула животик, спинку прямо и походкой, как на подиуме, к двери направилась.

Открыла...

Он!

Тут мысль, довольно ясная, – трусики не надела, трусики! Только передник.

Больше ничего на ней нет.

– Ну и ладно, думает она, – затем и пришёл, пусть смотрит.

Немного погодя оказалось, что это цветочки были, мелочи жизни.

Ягодки созрели немного позже, когда недели через три

блевать начала без остановки.

– Пестики, тычинки, любовь-морковь... как же так!

В итоге Энигма отдыхала. Под Марш Мендельсона расслаблялись.

Поначалу милый оробел, робко пытался улизнуть от социальной ответственности. Во всяком случае, энтузиазма не проявил, и глаза прятал.

– Врёшь, не уйдёшь, – сказала себе Ниночка, – такими подарками не разбрасываются.

Сколько их, претендентов на любящее сердце, через Ниночкины руки прошло – ни один не зацепил, а этот...

– Именно то, что нужно, – решила она, – остальное можно подредактировать.

Теперь живёт счастливо.

Водку любимый быстро пить научился.

Трудится в кровати как одержимый, с энтузиазмом.

Настоящим мужиком оказался.

Нинка теперь одного его любит, солнышко ненаглядное.

Всё-таки девки – дуры набитые: никакие мужики не козлы – скорее дракошечки.

– Знали бы вы, какие он стихи читает! Нет в вас подруги романтики – одна похоть.

О Луне, о звёздах, обо всём

Все сказано до нас... сойдет к нулю

Мой скромный взнос. Господь, хвала и слава,

Что хоть на фразу «я тебя люблю»

Не застолбили авторское право!

Любовь Козырь

Когда у тебя нет возможности смотреть объекту пламенных чувств непосредственно в глаза, воспринимать как чудо нежные прикосновения, трепетную взаимную симпатию, когда он и она разнесены во Вселенной в пространстве и времени, каждый из нас ведёт виртуальный диалог со своей половинкой.

Сколько же в таких иллюзорных проекциях доброты, обожания и деликатной чувственности.

Влюблённый не всегда решается высказать всё, что ощущает в моменты близости при непосредственном контакте. В такие минуты он беззащитен, уязвим и слишком сильно

взволнован. Зато оставшись один на один с внутренним собеседником, можно позволить себе излить душевные переживания, наполняя их чарующими звуками голоса любимого человека, насыщенными душистыми запахами и яркими красками, погружаясь в мир незабываемых фантазий, которые для него более чем реальны.

Была яркая звёздная ночь. Россыпи светящихся точек разбросанных по всему небосводу манили недосыгаемостью, таинственным сиянием. Яркая луна действовала на сознание завораживающе, пьянила и будоражила воображение.

Несмотря на лето, было свежо и прохладно.

Ветерок развевал распущенные каштановые волосы любимой, отливающие в мерцании ночного светила нежной синевой.

Лунная дорожка на глади пруда дрожала, волновалась, как и девушка, испытавшая первое в своей короткой жизни чувство сентиментальной влюблённости.

Несмотря на ночную темноту и раздающиеся с разных сторон таинственные звуки, ей не было страшно. Во всяком случае она не испытывала тревоги, неуверенности и беспокойства.

Юные чувства необъяснимым образом окрыляла ночная мгла, усиливая романтические впечатления незабываемого вечера, принёсшего массу открытий и новых переживаний.

Ей было необыкновенно, фантастически радостно.

Непонятной природы эйфория разливалась по телу, заставляла шумно бурлить кровь, опьяняла, переполняла сознание насыщенными эмоциями, похожими на эйфорию.

Сердце девушки трепетало от чувств, которые невозможно выразить словами.

Она выбрала тихое местечко, легла на спину, глубоко ощутив небывалый прилив нежности, принялась рассматривать светящиеся гирлянды звёзд, думая между тем совсем не о них.

В её глазах был особенный, неземной блеск. Блаженная улыбка застыла на одухотворённом лице, словно внезапно была открыта некая сакральная тайна.

Со стороны можно было подумать, что девушка не в себе.

Возможно, так и было на самом деле.

Она сама не понимала, как и зачем появилась в полной

темноте в столь глухом месте, где могло случиться что угодно – в темноте разгуливают не только влюблённые.

Когда сердце переполняют неуправляемые переживания, человек испытывает неодолимое желание поделиться безграничным счастьем хотя бы со звёздами.

Девочка внимательно изучала светящиеся точки в безбрежной вышине, выискивая ту, единственную, на которой обитали его и её влюблённые души, если они существуют на самом деле.

Ей бы хотелось сейчас быть рядом с любимым, но это невозможно. Потому, что он спал. А ещё потому, что мог не догадываться на самом деле, как для неё дорог.

Несмотря на уединение, девушка вела с мальчиком диалог, изливала нахлынувшие чувства, которые требовали выхода.

С тех самых пор, как мальчишка признался в любви, мир вокруг превратился в сказку для двоих.

Признание стало приятной неожиданностью. Он и прежде выказывал знаки внимания: то и дело ласкал взглядом, старался приблизиться, но одно дело догадываться и совсем другое – знать точно, что тебя любят.

Любят!

Девочка мечтала о нём, но боялась признаться в чувствах даже себе самой.

Оживлённые виртуальные беседы с юношей давно вошли в привычку. Теперь они вышли на новый уровень. Можно было отрепетировать каждую мысль, каждую интонацию, каждое слово.

Как же хорошо, что он решился на этот важный шаг. Теперь они всегда будут вместе и рядом. Девушка закрыла глаза, представляя, как любимый берёт её за руку и они идут, идут, идут... далеко, долго, бесконечно долго. Столько всего нужно друг другу поведать.

Некоторое время назад, когда они ещё не поведали друг другу о мыслях и чувствах, жизнь казалась бессмысленной, ненужной.

Девочка мысленно говорила с предметом мистических переживаний, порой спорила, но ответа не было.

Лишь тягучее одиночество и невыраженные чувства, которые не давали дышать.

В такие минуты казалось, что лучше бы её совсем не было, если нет возможности открыться, передать напрямую то, что думаешь.

Но он решился, решился!

Как же она благодарна любимому за этот шаг. Завтра, нет, уже сегодня, она его обязательно поцелует.

Или он её. Девушка найдёт способ сообщить ему о непреодолимом желании.

Юноша был так трогателен, стеснителен, переполнен чувствами, так трудно решался на ответственный шаг. Эмоции и желания были отчётливо видны на покрасневшем от напряжения лице, до которого безумно хотелось дотронуться.

Неужели это и есть самая настоящая любовь?

Девушка не могла до конца постичь смысла слова “любовь”, пяти букв, нескольких привычных по отдельности звуков, которые перевернули жизнь, сделали её наполненной, прекрасной, необходимой.

Как долго она ждала этого дня, этой мистической, сакральной минуты.

Девочка вспомнила, как прижимала к груди подаренный им просто так малюсенький букет фиалок, какой необыкновенный прилив сил испытала при этом, какой восторг, хотя... это были самые обыкновенные цветы.

Этот букетик она запомнит навсегда как начало их общей истории, в которой больше никогда не будет тягучего одиночества и неопределённости.

Цветы девочка бережно поставила на тумбочку возле кровати. Она не даст им поблекнуть и увянуть: высушит, положит между страниц любимой книги, повествующей о большой любви, такой же безграничной, как эта волшебная ночь.

Девушка сама не поняла, что изменилось, почему жизнь превратилась из скучного существования в замечательное приключение, в яркую сказку с незабываемым калейдоскопом событий.

Она навсегда запомнит эту незабываемую звёздную ночь, которую провела наедине с любимым.

Скоро, совсем скоро, когда он проснётся, девочка ему всё расскажет: о Луне, о звёздах, о том, как её ласкал ветер, а она представляла, что это был он, возлюбленный.

Девочка поведаёт ему обо всём, что чувствует её маленькое влюблённое сердце.

Нужное направление

Не удержится журавлями,

Опрокинется небо оземь,

Чтобы душу излить дождями,

Чтобы нежность спешила в осень.

И, клубясь над рекой туманом,

Застилая в полях ложбины,

Зашивала на сердце раны,

Пухом штопая воробьиным.

Ольга Юрченко

– Чёрт возьми, – возмущалась про себя Марина Сигизмундовна, ошарашенная до крайности непредсказуемым действием шальных для её зрелого возраста гормонов после нескольких рюмок аперитива выпитого в компании скаредного и лениво-безвольного любовника, сбжавшего, увидев счёт, прямо из ресторана, – скотина, импотент, моральный урод!

Она ожидала от этого вечера в пятницу чего-то необыкновенного. Мужчина выглядел интеллигентным, породистым, ухоженным, был галантен и обходителен, – сколько же развелось манипуляторов и авантюристов. Как иллюзорен, как циничен стал мир, как жить, во что верить! Неужели в мире не осталось романтиков?

Душа невыносимо, до рассеянных влажных галлюцинаций, до искажённого восприятия действительности жаждала сентиментальной романтики, предельно тесного телесного общения, горячего, до помутнения в мозгу, до полного физиологического отключения, секса, но не просто так – как минимум по обоюдной симпатии, на основе искреннего влечения, бескорыстного, с трогательным участием, благородством и щедростью.

– Отчего мне так беспокойно, так грустно сегодня? Я так долго живу, и ничего, по сути, не познала, кроме стремления всегда и для всех быть хорошей, лучшей. Ну и... чего добилась? Шиш с маком, вот чего! Должность главного экономиста и квартира в элитной новостройке не в счёт. А я хочу... хочу бегать на высоких каблуках, оголять, без опасения выглядеть идиоткой, стройные ножки, до самой... вот именно, до неё, родимой, пусть включают фантазию, пусть слюни пускают.

До сих пор мечтаю выставлять напоказ тугую, как в семнадцать лет, грудь с пробивающими насквозь лёгкую ткань одежд сосками. Почему, нет, грудь у меня прехорошенькая,

её не приходится поддерживать.

Хочу жрать этот грёбанный бездуховный мир, стремящийся к энтропии и хаосу, вместе с чёрной икрой, с белыми итальянскими трюфелями за тысячу баксов за порцию, жрать огромными ложками... не плохо бы, если за счёт благодарных любовников: ведь я не просто дурочка с переулочка, я настоящая леди!

– Что с того, что со мной поздоровался преждевременный климакс, что у меня нет детей, мужа, разве это приговор?

Хочу пить с молоденькими воздыхателями прямо на работе винтажное полусладкое шампанское, хочу плевать на начальство с высокой колокольни. Хочу вон того плечистого мальчугана. Прямо сейчас хочу.

Пусть все завидуют!

Марина Сигизмундовна дьявольски элегантно вскинула руки к небу, величественно распрямила спинку, выпятила вполне ещё упругую грудь, и поскакала как в детстве, перепрыгивая с одной ножки на другую, вприпрыжку, босиком, что оказалось совсем непростым развлечением для её сорока трёх лет.

Утомившись, дама вдруг остановилась, задумчиво прислонила пальчик к губам, после чего уверенно задрала до того интимного места, о котором недавно вспоминала, подол платья, не совсем правда маленького, но определённо чёрного цвета (обязательный для каждой уважающей себя женщины аксессуар).

Смелый поступок, если учесть, что ночная жизнь в городе не затихает ни на минуту.

Марина ловко сдёрнула с себя ажурные, специально для сегодняшнего randevу приобретённые в дорогом бутике эротические трусики, эффектно помотала на указательном пальчике и задорно шмякнула их об асфальт.

– Нам ли, красивым бабам, быть в печали! Так-то лучше. В молодости я ещё не такое вытворяла.

Сладкое томление внизу живота напомнило о том благодном времени, когда безнаказанно, без неприятных последствий можно было забавляться любым доступным способом, даже стриптиз танцевать без ущерба для репутации на банкетном столе, бюстик бросать в толпу возбуждённых впечатляющим действием зрителей, на удачливого кавалера на всю последующую ночь.

Глупые выходы на вечеринках и откровенная интимная агрессивность лишь добавляли очки в копилку элитарной эксклюзивности на тесном эротическом олимпе.

Когда-то её благосклонности добивались многие. Марина придирчиво выбирала, предпочитая состоятельных и надёжных партнёров с развитыми мужскими инстинктами, с сильным либидо.

Что изменилось, кроме прожитых лет? Ни-че-го!

Отчаянная удаль захлестнула её горячей волной, увлекла, ослепила, вскружила голову.

Ночь была такая прозрачная, такая заманчиво тёмная и

томная, такая впечатляюще очаровательная. Именно в такие волшебные ночи, с мириадами ярких звёзд на безоблачном небе, особенно хочется быть счастливой.

Как чувственно струился нежнейшим шёлком по её прекрасным изгибам сумрак, разбрасывая подвижные тени, заигрывая с контурами силуэта.

Да-да, Марина прекрасно помнила, каким щенячьим восторгом загорались мужские глаза, стоило ей лишь намёком обозначить своё присутствие, не то, что выразить откровенное желание, или затеять игру в соблазняющий флирт.

Назойливо-кокетливые мысли возбуждали желание доминировать, блистать, в худшем случае отдаться без каких-либо условий на волю победителя, которого благосклонно назначит сама.

Всё смелее перетекали шальные озарения вздымающимися как мужская потенция пенными волнами неукротимых желаний, из одного полушария в другой, и обратно, высвечивая с безумным остервенением накинувшийся на неё вдруг нереализованный, но требующий немедленного утоления любовный голод.

Жизнь – необъяснимый, непостижимый в логическом ракурсе парадокс: когда возможность выбирать, иметь, и распоряжаться, безгранична – довольно часто ничего не хочется, и наоборот – когда очень хочется – по ряду причин ничего нельзя.

Когда судьба вместо праздника жизни предлагает заду-

маться о брэнности всего сущего, на передний план выступает стремление послать её далеко и надолго, – не дождётесь, я ещё ого-го!

Лучи автомобильных фар и жёлтый мигающий свет уличных фонарей выхватывали из темноты её обтянутое во всё чёрное, вполне привлекательное издалека рельефное тело с позолоченными романтичным ночным фоном руками и ногами, расставленными как при морской качке.

Марина казалась себе чертовски привлекательной, но искусственный свет извращает до неузнаваемости даже совершеннейшие пейзажи, безжалостно круша действительно сказочные иллюзии, чего уж говорить о сливающейся с мраком ночи застывшей фигуре, лишь контурно напоминающей женский силуэт.

В такое позднее время кому так вызывающе вульгарно вздумается махать на дороге руками?

Вы тоже так подумали?

Её заметили, оценили, но совсем не так как она мечтала.

Совсем не те, и не так.

Женщина нуждалась в приключениях и страсти, жаждала признания, обожания, симпатии. И незамедлительно получила всё, чего хотела, даже больше: её купили. С потрохами, за дешёвую копейку, нисколько не скрывая циничных потребительских симпатий.

– Приземляйся, волшебная. Почём нынче продажная любовь?

– Понятно, ты новенькая. Ничего, договоримся. Падай, осваивайся, с нами не соскучишься!

Блеск в её лукавых глазах всегда освещал мужчинам нужное направление.

Машина была дорогая. Внутри пахло элитными отдушками. Мальчишки выглядели широкоплечими, взрослыми, пожившими.

– Замечательно, крошка. Да ты уже мокренькая! Определённо, ждала нас.

Марина Сигизмундовна нервно расхохоталась, – пусть так, мальчишки, пусть! Если на всех озабоченных дам не хватает принцев, приходится довольствоваться их белыми жеребцами. Прикольно! Так я ещё никогда не развлекалась. Можно вопрос?

– Валяй!

– Вы совершеннолетние?

– Не бери в голову. Попробуешь – поймёшь.

О друзьях и подругах

Очень многие тети и дяди

по незрелости вкуса и слуха

очень склонны томление плоти

принимать за явление духа.

Игорь Губерман

Неувядаемая студенческая дружба с извилистой судьбоносной трассой, петляющая пять лет причудливыми выражениями, включающими головокружительные подъёмы, внезапные продолжительные спуски, резкие торможения, стремительные ускорения и прочие неожиданности реальной жизни, окрепла, закалилась и вышла на новый уровень.

В институте молодые люди знакомились, влюблялись, строили планы, мирились и ссорились, соответственно возрасту максимализма и энтузиазма. Их мышцы, разум, мощная нервная система жаждали любви и приключений. Это увлекало, манило, придавало жизни смысл.

Было бы странно, когда юность не желает постоянной новизны, наполнения крови гормонами и не совершает ошибок. Семейные пары, о которых идёт речь, были вполне обычными, среднестатистическими, с нормальными, присутствующими молодости желаниями, пороками, добродетелями и нравами.

За годы учёбы были периоды, когда Ира была безумно влюблена в Игоря, а Толик – в Юлю, потом романтически настроенные пары неожиданно расставались, увлекаясь другими партнёрами. Позже некогда неразлучные пары менялись местами: Ира вдруг открывала чарующее обаяние Анатолия, а Игорь не мог устоять перед магическими чарами шалуньи Юлечки. Кто-то временами с кем-то сходилась всерьёз, по-взрослому: целовались, обнимались и ухаживали друг за другом уже не столь целомудренно, не стеснялись публично признавать интимные предпочтения, но совсем интимные отношения старались скрыть.

Иногда слухи о сексуальных приключениях всё же просачивались, рождали ревность, зажигали вражду и ссоры, разводили любовников по разные стороны. Позднее интимные пути некоторых пар снова пересекались, их притягивало друг к другу вновь и вновь, пока к окончанию института не образовались две стабильные романтические пары.

К моменту получения дипломов Толик и Ира стали Головачёвыми, а Игорь и Юля Бурмистровыми.

Мало того, обе пары выступили на свадьбах друзей свидетелями.

Теперь все четверо, побывавшие за прошедший срок в роли любимых и любовников, дарившие некогда взаимные ласки жёнам друзей и мужьям подруг, поскольку встречались и расставались многократно, менялись любимыми, не задумываясь о будущем отношений, остепенились, сделав окончательный судьбоносный выбор.

О прежних моментах близости молчали, не сговариваясь, делали вид, что ничего подобного не было и быть не могло. Вроде как свадебными торжествами провели черту, незримо демаркационную линию между прошлым и будущим.

Жили семейные пары дружно, встречались часто, тем более, что работали все вместе в одном и том же НИИ на сопоставимых должностях, разве что на разных этажах и в разных отделах. Жили, правда, в разных концах города.

И вот в очередной раз наметился повод встретиться. Справлять решили у Головачёвых, потому, что в последний раз гостей принимали Бурмистровы.

Не сказать, что стол ломился от щедрых закусок и разно-

солов, но всего было в достатке, в том числе спиртного. Приготовлены блюда были с душевной теплотой, оформлены со вкусом.

О работе и политике не спорили, таков был уговор. Тем для совместных бесед и без того было достаточно.

Вечер получался на удивление весёлым. За разговорами, спорами и танцами никто не заметил, как стрелка часов перескочила за полночь.

Автобусы уже не ходили, телефонов, чтобы вызвать такси, в то время не было, а пешком добираться до дома Головачёвых довольно далеко. Да и ни к чему рисковать (ведь можно нарваться на милицейский патруль), если можно переночевать у лучших друзей.

Собственно эта тема никого всерьёз не волновала: сколько раз студентами спали вповалку на производственных практиках и выездах в колхозы: было бы где.

Прибрались, ещё раз весело поскакали под пластинку и постелили прямо на полу: квартирка-то маленькая.

Не до конца спущенный эмоциональный пар вызвал спонтанное желание хулиганить. Ребята толкались, устроили бой

подушками, потом долго, уже в темноте, вспоминали комичные эпизоды из времён озорной и жизнерадостной студенческой юности.

Лирическое настроение освежило в памяти интимные приключения тех лет: трогательные и неудачные свидания, первые признания и поцелуи, комедии и драмы нешуточного соперничества пар.

Расчувствовавшись, впустив в себя до сих пор не до конца осмысленные трогательные переживания, еле угомонились.

Мужчины легли в центр, девчонки по краям.

Головачёвы мгновенно захрапели.

Игорь дрейфовал в полудрёме, то улетаая в царство Морфея, то возвращаясь обратно, по той простой причине, что Юля, взбудораженная чувственными воспоминаниями, тихо, но весьма настойчиво исследовала руками его податливое тело.

Какой мужчина в двадцать три года выдержит подобную сладкую пытку?

В районе солнечного сплетения гулко пульсировало предвкушение волнующей радости, заставляя напрягаться и оставливать дыхание, чтобы грохот сердечных ритмов не услы-

шали Головачёвы.

Терпеть лихорадочное ожидание притягательной греховой неизвестности не было сил.

С Игоря сон как рукой сняло.

Конечно, он пытался сопротивляться: воспитание и некая доля стеснительности не позволяли вот так запросто, в присутствии посторонней пары поддаться на провокацию жены, но и отказать ей было почти невозможно.

Супруги начали шептаться на ушко, споря на тему публичного акта любви. Игорь был возбуждён настойчивыми, откровенно-бесстыдными ласками жены, рука которой давно опустилась ниже ватерлинии, причиняя значительные неудобства выступающим элементам чувствительной мужской конструкции.

Муж пробовал сопротивляться, правда, вяло. Его скакун взвился на дыбы, его уже было не остановить.

Одеяло было сдвинуто в сторону. Яростный поединок в нарушение общественных норм и моральных правил начался довольно бурно, правда, в замедленном темпе, с основательной задержкой дыхания.

Порой супруги забывались: Игорь задыхался, слишком

высоко задирали Юлины ноги, ускорял тем нападения, звучно шлёпал животом о её божественно соблазнительные бёдра. У жены невольно вырывались чувственные стоны, тело сводило сладкой судорогой. Бурмистров чувствовал, как его целиком засасывает изумительно сколький, восхитительно горячий вакуум взволнованных возбуждённым желанием интимных недр супруги.

Напряжённые в ожидании приближающегося экстаза Юлины соски, вбирая в себя стремительно нарастающее возбуждение, становились упругими кнопочками, нетерпеливо ожидающими прохождения по всему телу мощного сенсорного импульса, исходящего от желанного вторжения в невероятно чувствительную влажную глубину неудержимо расширяющегося, ритмично пульсирующего внутри горячего естества, означающего начало неудержимого, сказочно роскошного судорожного восторга.

Не удивительно, что Головачёвы проснулись, только вида не подавали: Толик, притворяясь спящим, похрапывал, Ирина сопела и вертелась как уж на сковородке. Процесс неодолимого влечения был запущен: они ведь тоже молоды.

Гормоны моментально заполнили в возбуждённых телах дремлющие любовные поры и давили на нервы.

Бурмистровы были так увлечены процессом извлечения всё новых порций адреналина, что не заметили, как превра-

тились в актёров впечатляющего порнографического спектакля.

Сначала, стараясь быть незаметным, лицом к ним развернулся Толик, затем и Ирина.

Детали пикантной интимной игры в темноте увидеть было невозможно, но молодость и склонность к фантазиям, а также личный опыт дополняли картинку живыми эмоциями.

Головачёвы хотели, но никак не могли повторить желанную сцену взаимного опроникновения, поскольку были в гостях.

Тем временем Игорь дёрнулся в последний раз и затих. Воздух комнаты заполнился запахом шампиньонов, приправленных возбуждающими, терпкими специями. Немного полежав, он вскочил и со спущенными трусами и выбежал в коридор, не забыв прикрыть дверь.

Юлька, не стесняясь, широко развела в стороны ноги, вытерлась полотенцем, легла на спину, потянулась и произнесла негромко, но вслух, – мужичка бы сейчас, хоть какого-нибудь лядащего, чтобы хотел и мог, – и хихикнула.

Ей хотелось почувствовать, как стынет разопревшее от интенсивных интимных манипуляций тело, расслабиться.

Тонкие иголки озноба замысловато колдовали над неж-

ной кожей, ощутимо стягивая её на невероятно чувствительных в эту чарующую минуту колокольцах груди, заставляя твердеть ещё ноющие в сладостной истоме, истерзанные ненасытным мужем соски, пока восхитительно горячие сладкие судороги затихающего оргазма медленно покидали остывающие в любовном изнеможении мышцы.

Юля хотела целиком и полностью испытать всю прелесть эротического послевкусия. Она знала, что самое сладкое – глубинное опьянение пикантными интимными корчами, происходит на выдохе, с закрытыми глазами.

Ирину уже трясло. О подобных чертах характера подружки она не ведала, даже не догадывалась. Ей отчего-то стало стыдно за подружку.

Зато Юля хорошо помнила, как когда-то у них ловко получались страстные интимные игры с Толиком.

– Что с того, что он обо всём успел забыть, – подумала она, – я-то хорошо помню, как он силён и ловок. Ирка спит, а с него не убудет.

Юля подтянулась на подушке, прикоснулась рукой к плечу Толика и затихла, напряжённо слушая тишину, вглядываясь в неподвижное лицо спящей подружки. Она знала, что Игорь придёт только после душа и основательного перекура.

Значит, у неё в запасе минут пять. Этого достаточно.

Девушка беззвучно встала на колени, ловко перегнулась через Ирину и уверенно запустила руку под резинку трусов друга, зачем-то звучно ей щёлкнув.

Почувствовав рукой возбуждённую похоть, шалунья обрадовалась: бывшего возлюбленного даже уговаривать не нужно.

Ей хватило доли секунды, чтобы перелезть через подругу, развернуть мужчину к себе лицом и направить орудие совращения по нужному адресу.

Ирина вскочила, перепрыгнула через обнаглевшую парочку, совокупляющуюся у неё на глазах, и выбежала в коридор.

Игорь курил на кухоньке. Увидев Иру в слезах, сразу всё понял.

– Иди, умойся. И не реви! Если бы я обращал внимание на Юлькины прыжки в сторону, давно пришлось бы её убить. Несмотря на это, я её люблю.

– Она... она такой не была, – рыдая, парировала девушка, – но Толик, каков подлец! Он даже не сопротивлялся. Она села на него, как на скаковую лошадь и сразу поехала.

– Хочешь... отомстим?

– Дурак! Намекаешь на то, что между нами когда-то было? Я за-му-жем! Изменять не собираюсь.

– Кому изменять, Ирусик? Прислушайся. Они сейчас кончат.

– Пусть это будет на их совести. Во всяком случае, именно теперь я твёрдо решила, что не хочу иметь от Толика детей. Он мне противен. Проводишь меня домой?

– Давай лучше напьёмся и умрём молодыми.

– Ну, уж, нет! Если не пойдёшь со мной, уйду одна.

– Значит, вариантов нет, придётся провожать. Помнишь, Иринка, мы тоже друг друга любили. О-го-го как! Как думаешь, у нас могло бы чего-нибудь получиться... например, дети?

– Не знаю, Игорёк. Я теперь совсем ничего не понимаю. Зачем Толик на мне женился... зачем! А ты, ты-то с Юлькой счастлив? Насколько я сейчас понимаю, тебе постоянно приходится спиливать ветвистые рога.

– Какая разница, девочка моя, счастлив или нет? Не могу я без неё. Сколько раз пробовал уходить, только вам никогда не рассказывал, всё равно к ней возвращаюсь. Люблю и всё, даже такую... непредсказуемую, порочную.

– Хочешь сказать, что тебе не противно? Вот сейчас... когда он там... в ней! Тебе что – безразлично? А я так не могу... и не буду. Завтра же, нет, уже сегодня подам на развод.

– Не торопись, подруга. Думаешь, другой мужчина изменять не будет?

– У меня нет другого. И с тобой, Игорь, у нас ничего получиться не может. Хотя я очень хорошо к тебе отношусь. И всё-всё-всё помню.

– Хотел бы тебе позавидовать, но не буду. Развод – это слишком серьёзный поступок, но, как и к любому незнакомому действию, к нему несложно привыкнуть. Уверяю тебя, лучше поговори с ним серьёзно, расставь акценты. От Юлькиных кульбитов ещё не у таких мужиков крышу сносило. Главное, ты знаешь, чего от Толика ожидать, вы уже проверенная, сложившаяся пара.

– Я тебя услышала, Игорь, но согласиться не могу. Не

представляешь, как мне сейчас плохо.

Утолённая жажда

Проблем, порою, целый пруд!

Но это не пугает:

От секса люди не бегут,

Они в него ныряют...

Андрей Олегович

Очередной, третий по счёту за полгода медовый месяц, был отмечен особенно чувственными наслаждениями. Аппетит на пикантные игры рос в геометрической прогрессии вместе с опытом отправления медитативных интимных практик.

Молодожёны – существа не из нашей солнечной системы. Некоторые живут в мире иллюзий и грёз годами.

Ничто не могло стереть с неба над нами солнечной радуги.

Нас с женой объединяли не только эмоции. Нечто третье, весьма чувствительное для Веры, давало нам повод для восторгов, незримо меняя рисунок совместной жизни.

Плод любви не давал соскучиться: эмбрион властно перестраивал мамин организм под свои бесконечно растущие потребности.

Ненасытная любовь затягивала нас в эротические и соци-

альные игры, которым не было числа.

День-ночь – нам всё едино. Только я и она, она и я.

И пусть весь Мир подождёт.

Окружающее было к нам предельно толерантно, страстей наших попросту не замечало.

Для жизни частный случай незрим, неинтересен, поскольку является малой клеточкой большого замысла

Много ли человеку надо? От богатства настоящего счастья не случается. Только от безумства отрастают крепкие корни, от страсти обоюдной, питающей нежную ткань души жизненной энергией.

Несмотря на пламенные чувства, мы тоже скандалили, порой уставали от слишком тесного общения. Тогда хотелось в тишине одному побыть. Но почти сразу понимаешь, что вместе тесно, а порознь невозможно.

На то она и половинка, что нет без неё целого, есть только боль да одиночество, а этого добра в жизни и так довольно. Зачем же их возвращать? Мирились быстро. Чаше уступал я. Не потому, что не прав. Первый шаг к компромиссу легче сделать более сильному в паре, а я мужчина всё-таки и немного старше Верочки.

Лето пролетело незаметно. На днях свадьба. К ней всё готово. Родители приехали, братья. Мне неделю отпуска дали.

Вера за это время здорово изменилась: животик, конечно, совсем незаметен, даже платье для беременных не пришлось шить, но позвоночник стал похож на изгиб гусиной шеи: по-

па отключилась назад, живот подался вперед. На лице веснушек прибавилось, потешных, чувственных. Так и хочется каждую в отдельности перецеловать.

Зато её тошнить перестало. Но появились капризы: хочу то, хочу это, а добудешь – фи, уже не хочу.

Говорят, это нормально в интересном положении. Ну, не знаю. Может, просто издевается?

Свадьбу сыграли традиционно, со всеми местными обычаями.

Моих гостей было человек семь, я ведь пришлый, нездешний. Остальные участники торжества со стороны невесты.

Гости веселились, я невыносимо устал. Свадьба – мероприятие для невесты. Ей хочется красоваться в белом, чтобы фата с кружевами, подарки, букеты, танцы. Для неё и старался, как мог. Хотя какая фата, если животик выдаёт совсем иной социальный статус?

После свадьбы сенокос подоспел. Лиза всю плешь проела, мол, помогать родителям надо.

Надо так надо. Взял отпуск и поехали. Лиза отгулы оформила.

На сенокосе я и раньше бывал, сгребал, скирдовал, а здесь пришлось по взрослому косой махать. Потихоньку и эту науку освоил. Часто с ночёвкой на покосе оставались – траву лучше по росе валить нужно, с раннего утра, а днём вздремнуть можно прямо в прокосе. Или под деревцем, на одеяле.

Погода стояла чудесная. Духмяный запах свежескошен-

ной травы и подсыхающего разнотравья душу наизнанку выворачивал. Кругом цветы: направо полевые, налево лесные. Ягоды наливаются, птицы поют, кузнечики стрекочут.

Вечерами сверчки горели синим холодным пламенем, как звёзды, а созвездий на небе не сосчитать. Тишина, тепло. Вёдро. Благодать. Давно так не отдыхал.

Ха, отдыхал! Какой там отдых: с четырёх утра косим, потом завтракаем, после сгребаем в кучи, носим стожки на жердях к скирдам, укладываем, утаптываем.

Ноги отваливаются, руки совсем ничего не чувствуют. Но всё одно отдых, отпуск.

Неужели теперь каждый год так развлекаться будем?

Да если и так. Зато жена рядышком, скоро сын родится.

Хотя, кто сказал, что сын. Последнее время мне больше дочку хочется: умницу, красавицу.

Закрою глаза и вижу: махонькая, в жёлтом расклешённом платьишке, лёгком-лёгком. На руках кроху держу, она мне ручкой куда-то вдаль показывает. И Лиза, жена нас обнимает...

Много раз посещало меня такое видение. Именно девочка, исключительно в жёлтом платье, лет трёх. Маленькую, только родившуюся, совсем никак представить не получалось.

Всё хорошо на покосе: природа, молока парного вдоволь, простокваша, овощи с грядки, мясо на углях...

Тёща блины да пироги каждый день на стол мечет. Обе-

дать без ста граммов не садимся. Вода, воздух, солнце.

Вот только с Верой мы теперь как братья... улыбаемся да переглядываемся. Бесконтактная любовь.

Домишко у тёщи мизерный – уединиться негде. На покосе и вовсе каждую секунду под присмотром. Я уже мужское как мочало разве что не в узел завязываю, а жёнушка ходит, как ни в чём не бывало, красуется, будто так и надо.

Я ей знаками и по-всякому намекаю – молчит, только ухмыляется да животик аппетитно оглаживает.

И чего делать? Всё, думаю, надо спасти положение, хоть даже самообслуживанием, сил больше моих нет.

Но, видно, женщины и вправду всё чувствуют: когда стало совсем немоготу, Верочка подмигнула.

Мы в тот день в доме ночевали.

Ручкой зовёт, направляясь в сени.

Меня затрясло, до чего же прислониться к желанному телу хочется. Вот оно, родимое, в метре от меня, уютной попкой виляет, голыми ножками манит.

Мигом представил шаловливую ладонь под юбкой, напрягся, задумался, чудом не впечатался в упругий зад. Однако дал-таки волю рукам: огладил спелые полукружия, прижал милую, ощутив трепещущий корпус и налитые тяжестью груди, развернул к себе.

Перецеловал глаза, веснушки, шею.

Оглядываюсь. Вроде никого. Одни мы, одни!

– Здесь у меня, в дальнем углу сеновала, место потайное,

заветное. Я в нём всё детство пряталась, о любви и счастье мечтала. Золотое времечко было, часто о том вспоминаю. Там у меня гнездо сделано, до сих пор сохранилось, никто не трогает. Туда и спрячемся.

Вижу, притомился без женской ласки. Я ведь понимаю, мужику внутри мечты небо в алмазах снится. Снаружи – нет в жизни счастья, так? Хоть и не очень хорошо себя чувствую, но дороже тебя нет у меня никого на целом свете. Всё тебе одному отдам. Люблю я тебя, люблю. Залезай за сеновал.

В углу темно. Сено старое, трухлявое, пылью просыпается на голову, пахнет плесенью, зато одеяло предусмотрительно постелено, всё не на колючем сене валяться.

Скинул с себя нижнюю часть одежды, платье у подружки задрал, трусики стягиваю. Таким родным запахом повеяло, голова кругом пошла. Затрясло, залихорадило, руки дрожат.

Целую Лизоньку, обнимаю, глажу по коже шелковистой. Возбуждение зашкаливает. Раздвинула она свои волшебные белые бёдра, да поздно... я уже сам опростался.

Стоило из-за этого в тёмный вонючий чулан залезать?

Упал без сил. Ничего вроде не делал, а отдышаться не могу. Злой как чёрт.

– Извини, милый! Передержала я тебя. Не подумала. Другой раз такого не случится. Сейчас всё исправлю. Не расстраивайся. Время у нас есть, сил полно, желанием не обижены. Лежи, молчи. Ещё лучше вовсе глаза закрой. Теперь я сама управлюсь.

Заиграла Верочка на моей дудочке... тишина, звуков не слышно, в мозгу волшебная музыка звучит.

Заслушался, шалея от непривычных ласк, отключился совсем. В голове вспышки, шум прибоя. Дальше как во сне.

Очнулся от спазмов внизу живота и взрыва изнутри влажной тесноты.

Я и поплыл. Сердце стучит.

– Ну как, полегчало? Ещё разок полечимся, или хватит на сегодня? Я тебя люблю, дурашка! Очень-очень люблю.

Подумал я секунду и решил не отказывать даме в продолжении банкета. Накопилось за сенокос добра в закромах – ешь не хочу. Подружка для меня всегда желанна. Аппетит хороший. Может, я сладкоежка?

Ну, и продолжили мы светскую беседу на высшем уровне. Торопиться некуда, можно всё с толком, с чувством, с расстановкой, чтобы ничего не упустить.

Ластились часа полтора. Кажется, всё обследовал, ничего не забыл. Вылезли после окончания рандеву из убежища – в голове можно рассаду высаживать. Пришлось на речку идти – голову мыть.

Переоднлись. Тёща лыбится, словно свечку над нами держала. Ну и интуиция у этих баб.

Зато настроение солнечное.

Впору на сенокос, косой помахать. Может, дрова поколоть? Что-то силушку девать некуда.

Отпуск быстро пролетел. Я привыкнуть успел к сенокос-

ной жизни. Каждый день каша молочная из русской печи с разварочки, блины-оладьи, простокваши хоть ведро, деревенская выпечка, налистовники. Это лепёшки такие деревенские, щи наваристые, картошка в ста видах, капуста квашеная, сметана.

Кормили на убой. Дома так не поешь.

Зато в плане любви – абсолютная диета: раз в неделю по выдаче. Сколько и когда предложат.

Чувствую, здорово недодали. Просто дефицит накопился, требует этот голод немедленного утоления. Ничем не удержать возбуждённого и приумноженного сознанием желания.

Вот доберусь до дома...

Круглосуточный сенокос Верочке устрою!

О самой первой любви

*Изумлённое солнце, застыв на пути,
закатиться могло, но хотело взойти...*

*Истекали секунды, решенье тая,
но не двинулось вспять колесо бытия –
был печален и прост предрешённый ответ.*

...От чего же закат так похож на рассвет?

Елена Зимовец

За долгую жизнь я слышал немало историй о первой любви. Эта деликатная тема волнует практически всех, потому что память весьма избирательна: из тысяч событий мы запоминаем лишь несколько, которые отпечатались в душе несмываемыми красками.

Отчётливее всего реконструируем потрясения и переживания в драматической и комической тональностях. Это не удивительно: глубинные эмоциональные испытания оставляют в сознании яркий химический след.

Память по большей части ассоциативна. Много раз замечал, что волевыми усилиями проблематично чего-то вспомнить, разве что событие было настолько причудливым или ярким, что забыть его попросту невозможно.

Другое дело цепочка контекстных стимулов в виде определённых предметов или переживаний, напрямую связанных с интересным эпизодом. Я, например, чутко реагирую на сопутствующие воспоминанию тактильные ощущения и запахи.

Сладкие, пряные, терпкие, вкусные и противные, ароматные и удушливые, они моментально запускают цепочку некогда пережитых впечатлений, услужливо реставрируя основательно стёртые, выцветшие впечатления далёкого прошлого.

Разговорившись с соседкой, встреченной на автобусной остановке, на которой мы вылезли вместе, возвращаясь с работы, честно говоря, я и темы беседы не могу вспомнить, потому, что дальнейшая череда случайностей затушевала, размала по холсту событий инцидент, сфокусировавший на себе весь спектр моего внимания.

Скорее всего, тема общения была увлекательная, раз я не заметил, как вступил ногой в нечто гадкое и омерзительное, непонятно как появившееся на тропинке к дому.

Почувяв резкий аромат человеческих испражнений, Верочка смутилась и покраснела.

Можете представить, что в тот момент чувствовал я. Мне

хотелось провалиться сквозь землю, по крайней мере, я был готов убить на месте злополучного шутника с извращённым чувством юмора, который организовал эту диверсию.

Как я перед девушкой извинялся и какими шпионскими тропами пробирался к себе домой, пересказывать не хочется. Эмоциональный коктейль был взбит основательно.

Когда мне всё же удалось ликвидировать последствия аварии, немного упокоенный, я рассказал об этом происшествии жене.

Мы были молоды, лишь недавно создали семейную ячейку и довольно легко справлялись с любыми потрясениями. Естественно, что доверяли друг другу полностью, поэтому я не счёл достаточным основанием для того, чтобы скрыть происшествие, свой стыд.

Как же она смеялась.

Совсем недолго. Память предоставила Лизе сюжет из личных воспоминаний в той же тональности.

– Тьфу, какая гадость! Неужели нельзя было отойти несколько шагов в сторону? Если интересно, могу подобный случай из юности рассказать.

– Стоит ли развивать эту мерзкую тему?

– Не уверена, но всё же расскажу.

Мне пришлось слушать, потому, что Лиза неожиданно стала сосредоточенной и грустной: прикурила, закинула ногу на ногу.

– Ведь я совсем забыла о том случае. Наверно это было... да, точно, это была первая серьёзная влюблённость. Я принимала её за самую настоящую любовь. Мне было чуть больше четырнадцати. Голова и кровь переполнены сладкими романтическими переживаниями, причудливые фантазии разогревали сознание до точки кипения. Я болела необходимостью влюбиться, настойчиво искала повод испытать чувства, описанные в прочитанных книгах.

Я любил свою замечательную девочку, потому слушал внимательно: боялся спугнуть чувственный порыв.

У меня ведь тоже была первая любовь, даже не одна. Переживание тех событий будоражили кровь, разогревали её изнутри до состояния ноющей боли, заставляющей сожалеть о том, что чистые, пусть и незрелые чувства я уничтожил неловкими душевными всплесками, что жизнь могла сложиться иначе.

Как именно, подсказывало изобретательное воображение, особенно если погружение в прошлое совпадало с мрачным настроением или душевными муками по поводу реалий сегодняшнего дня.

Стараясь не шуметь, не отвлекать внимание жены от воспоминаний, я приготовил нехитрый ужин, время от времени короткими репликами давая понять, что внимателен к её повествованию.

– Через три дома от нас жил Витя Смоляков. Он был старше меня почти на семь лет, даже успел отслужить в армии. Если хочешь, могу найти его фотографию.

– Не отвлекайся, рассказывай.

Лиза осуждающе посмотрела на меня, горестно вздохнула, послав в моё ранимое слабенький, но осязаемый импульс ревности.

– Для меня Виктор был идеалом. Видел бы ты его мужественный торс. Как ловко он умел играть объёмными, нерезультивно развитыми мышцами, одновременно удивительно чувственным взглядом посылая лично мне (именно так я воспринимала его особенное внимание), сигнал, что я ему не безразлична. Его лицо при мне всегда озаряла улыбка. Меня

он называл не иначе как Детка. Было бы обидно, если бы это произносил кто-то другой. Из его уст подобное обращение звучало комплиментом.

– Хотела бы вернуть те волшебные впечатления?

– Не перебивай, я под впечатлением. Не поверишь – словно вернулась в юность. Как же чертовски хорош он был! Вам не дано понять, как воспринимаем мы, девочки, чувственную мужественность и силу. Витька казался мне совершенством. Он строил дом рядом с родительским. Один, без помощников: обтёсывал и передвигал тяжеленные брёвна, делал это играючи, постоянно чего-то напевая. Я наблюдала за ним тайком, лёжа за кучей опилок.

– Как это похоже на тебя сегодняшнюю. Привычка подглядывать никуда не исчезла. Зачем ты читала мой дневник, ведь там интимные, очень личные записи?

– Не смей ничего от меня скрывать. Я должна знать всё... иначе не смогу делиться с тобой сокровенным.

– Человек ни перед кем не должен выворачиваться наизнанку, даже если это касается самых близких. Может наступить момент, когда личные тайны будут использованы в неприглядных целях. Я уже столкнулся, и не раз, с подобным

обстоятельством. Прежде чем рассказать о чём-то непристойном, унижительным или запретным, десять раз подумай – не придётся ли об этом пожалеть.

– Только не мне. Ты ведь для меня самый родной, правда! Ладно, не об этом сейчас. Не знаю, видел Витька, как я за ним слежу и потому возбудился, или я в ту пору начала заметно взрослеть, неподдельный интерес ко мне начал проявляться повышенным вниманием. Соседушка по несколько раз в день “совершенно случайно” стал мне встречаться, и каждый раз находил повод для разговора.

– А ведь ты до сих пор его любишь!

– Глупости. Ты совсем не умеешь слушать, это нечестно! Я млела, впадала в его присутствии в ступор, невольно опускала глаза, не смея встретить ироничный или язвительный взгляд: он же относился ко мне как к деточке.

Кожа моя зудела крапивницей, покрывалась противными гусиными пупырышками. Я горела снаружи и холодела изнутри.

Витька говорил и говорил: мне было не важно, о чём. Уверенный, с взрослой хрипотцой голос оказывал странное влияние: я начинала парить над собой, замирала от страха, надеясь и одновременно страшась, что Витя до меня дотронется, или поцелует. Я мечтала как можно быстрее повзрослеть,

чтобы иметь право надеяться стать любимой.

– Думаю, эти переживания одинаковы для всех.

– Могу не рассказывать, если тебе не интересно.

– Напротив, я весь внимание. Замечательно сознавать, что моя жена не соляной столб, а чувственная, сентиментальная девочка, для которой любовь – не пустой звук.

– Меня одолевали фантазии как я и он... впрочем, об этом лучше не рассказывать. Не ухмыляйся... совсем не то, о чём ты подумал. Витька признавался мне в любви, я от избытка чувств падала в обморок, он приводил меня в чувство... да-да – завидуй, ревнуй, самыми настоящими поцелуями. У меня тогда здорово получалось грезить наяву, даже лучше, чем теперь.

– А я... я тебе признался в воображаемой любви до или после первого свидания?

– Уже не помню. Слишком быстро мы перешли границу целомудренности.

– Вот как! По поводу его любви ты падала в обморок, а обо мне даже помечтать ленилась!

– Тогда всё было иначе: самые главные события развива-

лись без его участия, в моём впечатлительном воображении. Это было так увлекательно, так волнительно. Азарт предвкушения желанных событий, трепетное томление с расплывчатыми контурами. Не было у меня нужды в практических занятиях, достаточно было грёз. Я лелеяла мечты о любви, о свадьбе, довольно долго, почти до середины зимы. До того дня, когда в сельском клубе крутили фильм “Звезда пленительного счастья”, после которого были танцы.

Представляешь, как это происходит в клубе, где нет отопления? Танцующие пары в ватниках и валенках. Умора!

– Знакомые ощущения. Приходилось танцевать на подобном балу. Правда, с влюблённостями никакой связи не припоминаю.

– Я мечтала, что Витя придёт в клуб и пригласит на танец, даже готова была для такого замечательного события скинуть пальто, под которое надела яркое платье.

Он не пришёл.

Это было до чёртиков обидно, я даже всплакнула. К тому времени я так замечталась, что реально считала его своим парнем. Оставалось только встретиться и произнести вслух самые главные слова.

– А он, ты уверена, что Витька чувствовал то же самое?

– Неважно! Для меня это не имело значения. Это были мои мечты. От него требовалось только прийти... и пригласить на танец. Больше ни-че-го!

А он не пришёл.

– Заинтриговала. Сам не пришёл, но отправил посылку с фекалиями, так что ли? Как я понял – ты хотела рассказать, что тоже вляпалась в дерьмо.

– Дурак. Он ждал меня возле клуба... но после танцев. Стоял за деревьями и ждал. Подкрался незаметно, закрыл ладонями глаза. Я сразу его узнала. Он действительно поцеловал меня. Всего один разочек. Как же это было волнительно, как сладко!

– Рассказываешь с таким чувством, словно это происходит сейчас. Думаю, Витька игрался с тобой, как кошка с мышкой.

– Не знаю. Теперь не знаю. Тогда казалось, что исполнилась самая главная мечта. Я была по-настоящему счастлива. Мы постояли немного в обнимку, потом, не сговариваясь, пошли за околицу, чтобы с чувством молчать там, где никто не увидит. Я буквально таяла, ощущая на своём плече его тяжёлую руку. Сердце стучало с перебоями, предвкушая нечто запретное и невыносимо сладкое, что непременно

должно было случиться.

– Не тяни резину. Дальше-то что было?

– Дальше ему расскажи... дальше я вляпалась! Так же как ты сегодня. Вот! Соблазнительный морок моментально растворился в ночной тишине. Мне было ужасно стыдно и гадко. Я расплакалась и убежала.

Тошнотворная вонь настолько глубоко въелась в войлок валенок, что избавиться от неё было невозможно.

Мои страдания были беспредельны.

Представь себе лунную морозную ночь, небо усыпанное звёздами... я на коленях у проруби, с остервенением полощу злополучные катанки. Руки отмёрзли до того, что согреть их никак не получалось. У нас же тогда не было запасной обуви, нужно было привести в годное состояние эту.

– Да, подруженька, намаялась ты. А как же любовь! Витька-то что?

– Витька... когда я заиндедевшая, на негнущихся ногах с отмороженными руками шла мимо его дома, мой миленький стоял у крыльца... с Риткой Колесниковой, взрослой женщиной, известной своей доступностью.

У неё было трое детей и ни одного мужа.

Они переговаривались, громко смеялись.

Я спряталась, чтобы ненароком не попасться на глаза. Витька притянул Ритку к себе, бесстыдно обхватил её за поджарый зад и впился в рот поцелуем.

Говорили они тихо, но мне удалось услышать предложение зайти в гости и вопрос, есть ли водка.

– Почему я не удивлён! Он взрослый, а ты... ты детка, несмышленный ребёночек. Думаю, тебе ой как повезло, что так удачно завершилось приобщение к таинству первой любви. Или было что-то ещё?

– Не было ничего, кроме слёз, переживаний... и воспаления лёгких. Мне было ужасно стыдно, за него стыдно. Я долго болела.

Как же мне было обидно и гадко. Я воспринимала события того вечера как измену. Это гораздо большее, чем отмыть от дерьма валенки в ледяной воде.

Витька разорвал на мелкие кусочки моё сердце.

После он ко мне не раз подкатывал, но ответить ему взаимностью я не смогла.

– И всё-таки вспоминаешь его с ностальгией. Почему!

– Не знаю. Он был красивый, сильный. Я его любила. Если бы в тот вечер не увидела, как он Ритку охмуряет, Вите не пришлось бы меня долго уговаривать.

– Не думаешь, что мне обидно это слышать?

– Можно подумать, я у тебя единственная! Сам сказал, что до меня тоже влюблялся. Из песни слов не выкинешь. Первая любовь, даже такая несуразная, не забывается. Много раз представляла себе варианты. Я и Витя. Подумаешь, Ритка! Он взрослый, я – пигалица. Понятно же, что ему была нужна женщина, а не девочка. Если любишь – можно что угодно простить.

– С этого момента, пожалуйста, конкретнее. Что-то не пойму, куда ты клонишь! Это была не сказка, а присказка? Ты с ним встречалась, у вас что-то было!

Ох уж эта Леночка

*...А это всё – и час рассвета,
и сад, поющий под дождём, –
я просто выдумала это,
чтобы побыть
с тобой вдвоём.*

Вероника Тушинова

В небольшом посёлке на окраине державы жили две подружки, две девочки, каждую из которых звали Леночка.

Их многое связывало: обе проживали в старой бесцветной пятиэтажке, учились в одном классе, любили те же фильмы и книжки, слушали одинаковую музыку, вместе учили уроки.

Леночки были одинакового роста и веса, обе светловолосые, сероглазые, со схожими внешне лицами.

Незнакомым взрослым девочки представлялись сёстрами. Одевались они в одни и те же наряды.

Если Леночке Докукиной покупали платье, Леночка Снегирёва просила маму достать похожее.

Вероника Сергеевна не могла дочери отказать.

Свободное время подружки проводили вместе, поэтому и мальчишки, появляющиеся в их компании, были общими.

Расставались подружки только на каникулах, когда Леночка Докукина уезжала с родителями к морю, или к бабушке в деревню под Воронежем.

Леночке Снегирёвой путешествовать было некогда, и не на что – у неё не было папы, а у мамы не было образования, поэтому работала она без выходных продавцом овощей на рынке, чтобы обеспечить любимицу.

Понятно, что всю домашнюю работу приходилось выполнять дочке.

В восемь лет она умела готовить салаты, супы и варить картофель, в десять стирала и гладила, в двенадцать научилась шить обновки: себе, подружке, и маме.

Вероника Сергеевна по мере возможностей баловала дочь, даже если для этого приходилось себе во многом отказывать.

Леночка не имела склонности пользоваться маминой безграничной любовью. Она понимала многое, в том числе и тот факт, почему у мамы нет мужа, а у неё папы.

Папу родители увезли “от греха подальше”, как они объяснили маминим родителям, когда первая любовь принесла неожиданные плоды.

– Мальчик не готов стать отцом, – сказала папина мама, – нужно было лучше следить за своим ребёнком. Геночке нет восемнадцати, за его будущее отвечаем мы, а он нести ответственности за беспорядочную половую жизнь вашей дочери не обязан. Ему образование получить нужно, судьбу устраивать. Советуем вашей любвеобильной леди сделать аборт.

С тех пор папа не объявлялся.

Леночка видела лишь один снимок, на котором улыбался

кудрявый светловолосый мальчишка, похожий на персонажа из фильма “Приключение Электроника”. На фото папе было лет семнадцать.

Мама была поздним ребёнком. Бабушка и дедушка умерли, когда Леночке было семь лет.

Девочка, как все дети, бредила папой. Она не могла его осуждать: мама сделала всё, чтобы он оставался в её воображение хорошим и любящим.

Этим летом, ровно через неделю после окончания седьмого класса, Леночку Докукину как обычно увезли отдыхать на всё лето.

Подружка заскучала. Ей предстояло грустить в одиночестве почти три месяца.

Лето выдалось жаркое, солнечное.

Леночка сшила себе купальный костюм и цветастый сарафан, отпросилась у мамы на озеро.

Отдыхать с книжкой, хоть и недолго, было здорово.

Свободного времени оставалось достаточно, что загорать понемногу каждый день.

Там, на пляже, она и познакомилась с Сашей, своим ровесником. Мальчик тоже перешёл в восьмой класс, только в другой школе.

Что это было: симпатия, романтическая влюблённость, вечный зов – кто же разберёт, если эмоции ошеломили, а чувства растворяли сознание как сахар в горячем чае.

Им очень замечательно было вместе.

Леночка даже про подружку забыла, настолько молодые люди оказались необходимы друг другу.

Спустя две недели после первой встречи ребята не представляли жизнь без общения.

События в их жизни стали развиваться стремительно. Друзья этого не замечали, поскольку любой день пролетал одним мгновением.

Они вместе прибирались, готовили, загорали, катались на лодках.

Были прогулки при луне, объятия, поцелуи и робкие признания в любви.

Были.

Ребята, обнявшись, лежали в постели, когда раздался скрежет ключа в замке.

– Мамочка! Саня, что делать, она же ещё на работе должна быть!

– Успеет. Одевайся быстрее!

Быстро не вышло.

У мамы было замечательное настроение. На рынке устроили санитарный день, она освободилась раньше, рассчитывала провести время с дочкой, по которой ужасно соскучилась.

Вероника Сергеевна бросила на тумбочку сумку, двумя ловкими движениями скинула туфельки, и через несколько секунд открыла дверь Леночкиной комнаты.

У неё в горле застряли две буквы, – Ле...

Больше ничего произнести мама не сумела, так её впечатлило увиденное зрелище.

Леночка лихорадочно застёгивала сарафан на голом теле, мальчишка скакал на одной ноге, пытаясь натянуть джинсы на вздыбленную плоть.

Растёрзанная кровать с недвусмысленными следами на простыне, сатиновые мужские трусы на полу, бюстгальтер в кармане дочкиного платья...

Мама стояла, открыв в изумлении рот, махала на мимолетно покрасневшее лицо раскрытыми ладонями, не в состоянии адекватно оценить то, что видит.

Вероника Сергеевна развернулась, убежала на кухню, где долго гремела посудой, в чём не было необходимости: прежде, чем лечь, друзья тщательно прибрались, перемыли даже то, что уже было чистым, натёрли тарелки и чашки до блеска, приготовили ужин.

Мама видела краем глаза, как крадучись испарился мальчик.

Она сидела, монотонно раскачивалась, нервно курила, хотя избавилась от пагубной привычки ещё весной, сбрасывала дрожащими пальцами пепел мимо блюда.

Мокрые глаза, барабанная дробь пальцами правой руки, застывшая мимика лица, взъерошенные волосы, размазанные по лицу губная помада, тени и тушь: именно в таком виде застала Леночка маму.

Что она могла сказать, объяснить?

Да ничего.

– Я люблю Сашу.

– Кого... а, Сашу... Сашу ты любишь... а меня, меня...?

Тебе пятнадцать лет, девочка моя. Пят-над-цать! Я воспитываю тебя одна, специально была предельно откровенна, чтобы ты избежала моей незавидной участи. Именно участи, а не судьбы. Знаешь, дочь, это совсем не весело, жить одной и знать, что будущего для тебя не существует.

– Мы предохраняемся.

– Что... что ты сказала, предохраняетесь... ты и про это знаешь! Откуда, кто тебя просветил?

– Прочитала. Саня книжку принёс, мы её вместе изучали.

Могу дать почитать.

– Книжку. Боже мой, ты хочешь, чтобы меня лишили родительских прав... и давно вы это... давно?

– Ну, где-то месяц. Он хороший.

– Да, ребёнок, твой папа, твой папочка... тоже меня любил. И что! А его родители не любили... меня не любили, и тебя тоже... не полюбили.

– Не надо плакать, мам, я же у тебя серьёзная, самостоятельная. Обещаю – проблем не будет. Окончу школу, получу аттестат, поженимся... тогда о детях будем думать.

– А его родители... знают, чем занимается их мальчик, кто они?

– Папа инженер, мама врач. Обычная семья.

– Вот! А твоя мама никто, понимаешь ты это! Вам не поз-

волят быть вместе, как в своё время поступили со мной. Я не хочу, не хочу тебе такой доли. Что ты со мной делаешь, что!

Леночку мама посадила под домашний арест. Думала, что предпринять, целую неделю.

Всё это время Сашка прыгал под окном, посылал воздушные поцелуи. Запрет родительницы нарушать не стал.

Нужно было срочно решать, что делать. Приемлемого выхода не существовало.

Леночка вела себя как взрослая женщина: уверенно и твёрдо сообщила маме, что вмешательство в её личную жизнь ничего не изменит.

– Ты не сможешь контролировать меня вечно. Я люблю Сашу, поэтому буду делать так, как нужно моему мужчине.

– Какому мужчине, Леночка! Он ребёнок, ты вообще дитя неразумное..

– Неважно. Он человек ответственный.

– Тогда я иду к его родителям. Адрес.

– Челюскина десять, пятьдесят вторая квартира. Фамилия Брагины. Игорь Леонидович и Анна Анатольевна. Я пойду с тобой.

– Как хочешь. Интересно, как ты запляшешь, когда они пошлют нас к чёртовой матери.

– Пусть будет так. Они не могут запретить нам любить друг друга. Я должна предупредить Сашу, мне с ним необходимо поговорить. Отпустишь?

– Иди. Но никакого... никаких... только поговорить.

– Хорошо.

Леночки не было дома около часа. Настроение девочки не изменилось: она была оживлена и явно довольна.

– Саша согласен, сегодня он поговорит с родителями, потом придёт и расскажет.

– О чём он собирается разговаривать, спросит разрешения спать с тобой? Кажется, я с ума сойду. Ты соображаешь, чем это может для вас, для нас, закончиться? А если его родители в школу сообщат, в милицию? Тебя исключат, останешься без аттестата..

– Ну и пусть. Лучше так, чем жить без Саши. Но с какой стати меня исключать? Я учусь на четыре и пять, ничего не нарушаю. Какое кому дело, чем я занимаюсь после школы? Это моё личное дело.

– Как бы ни так. Вовсе не личное. Какая же я дура, дочь, просто сумасшедшая. То, что я сейчас делаю, называется соращение малолетних, сводничество. Это преступление. Меня посадят, лишат материнства, а ты вместо любви окажешься в детском доме. Я руки на себя наложу.

– Даже не думай. Если ничего не получится, я согласна ждать совершеннолетия. Ради тебя, мама. Но это совсем не значит, что откажусь от Саши. Он тоже согласен ждать.

– Вот и хорошо, вот и замечательно. Зачем тогда чего-то выяснять, доказывать – просто ждите. Да, вот! Ты здесь, он у себя дома. Ну, сглупили, попробовали то, что недозволенно, хватит. Вы же дети.

– Мама, не начинай. Я имела в виду крайний случай.

– Вот именно, а я про какой талдычу? Именно про крайний. Я не говорю, что он криминальный, но однозначно ненормальный. Порочный, греховный, легкомысленный, пагубный. Для всех нас это может закончиться трагедией.

– Ты ещё скажи, мамочка, что твоя дочь безнравственна, похотлива и вульгарна. Да, я не девственница, но целомудренна, потому, что спала с единственным любимым. Он мой муж. Никто не убедит меня, что это не так.

– Какой муж, доченька! Который объелся груш? Дурак он, твой Сашка. Себе и тебе судьбу сломает. Впрочем, сам он может выбраться из этой передраги сухим. Развратной будут считать тебя, а не его. Общественное мнение склонно винить в беременности девочек, потому, что они обязаны знать причины и суть деторождения, ибо мир устроен так, а не иначе.

– Мама, я обещаю, дети будут рождены только в семье, и никак иначе.

– Божечки, неужели ты думаешь, что стала взрослой лишь оттого, что переспала с мальчиком? Это не так, не так, не так! Ты ребёнок, у тебя мозгов нет, потому что они не успели сформироваться. Я отвечаю за тебя. Ты не можешь знать, как сложится судьба. Никто не может этого знать.

– Бабушки и дедушки нет почти восемь лет, ты всегда на работе. Столько времени ты мне доверяла, считала самостоятельной, а сегодня отказываешься верить моим словам и поступкам. Как же так?

– Не сравнивай. Одно дело доверить варить борщ, и совсем другое разрешить спать с мальчишкой.

– Саша ответственный человек.

– О чём ты говоришь, о чём? Твой папа был почти совершеннолетним, это не помешало его родителям настоять на своём, а твоему хахалю...

– Саша не хахаль, он мужчина, человек, которого я люблю.

– Извини, совсем не хотела обидеть, случайно вырвалось. Твой любимый, девочка, ребёнок, иждивенец, живущий за счёт родителей. Ты тоже. О какой семье, о какой самостоятельности ты говоришь? Меня посадят, точно посадят.

– За что, мамочка?

– Она ещё спрашивает. За то, что не отшлёпала, не посадила на ошейник.

– Сравниваешь меня с диким животным?

Эта полемика могла быть бесконечной, но прибежал запыхавшийся Саша.

– Нас ждут. Прямо сейчас.

– Что ты сказал родителям?

– Правду. Сказал, что намерен жениться.

– И... что сказали они?

– Что я дурак.

– А ты это ещё не понял?

– Я люблю Леночку. Мы поженимся. Мама Вероника, не нужно нас ругать, мы согласны ждать.

– Чего ждять, у моря погоды! Что сказали родители?

– Мне?

– Нет, Пушкину!

– Удивились, что вырос. Сказали, что возраст моей ответственности ещё не наступил, и если вы, Вероника Сергеевна, не против нашей интимной связи, то им всё равно. Ответственность полностью на вас.

– Но я не собираюсь руководить, извините, Саша, вашей случкой.

– Мама! Если ты считаешь меня сучкой, так кажется, называется собачья женщина, то я отказываюсь называть тебя мамой.

– Не смей так со мной разговаривать. Я никак никого не называла. Собирайтесь, идём к Сашиним родителям.

Вероника Сергеевна обмирала в ужасе, все три года до совершеннолетия детей боялась, что придут и...

Ей и Леночке пришлось не сладко.

Где-то в середине восьмого класса Леночка Докукина всё ещё оставалась лучшей подругой, поэтому была частично осведомлена о серьёзности отношений Лены и Саши. Узнав от подруги, как это сладко, она решила, что пришло и её время расстаться с девственностью.

Докукина выбрала Гену Федосеева и открытым текстом обозначила ему заветное желание.

Мама поймала дочь на горячем.

Леночка парировала обвинение родителей тем фактом,

что Снегирёва живёт с мальчиком, не скрывая этот факт от мамы ещё с начала лета, что ничего страшного не произошло.

Докукины были в бешенстве.

В тот же день они устроили скандал директору школы, потребовали оградить детей от развратной семьи.

Колесо Сансары закрутилось с бешеной скоростью: педсовет, комсомольское собрание, многочисленные проверки из отдела образования и опеки, собрание жильцов многоэтажки.

Как ни старались доброхоты, обвинить и привлечь к ответственности участников этой истории не удалось.

Снегирёвы и Брагины всё отрицали. Их дети играли в разведчиков: встречались тайком за городом, где никто не мог их увидеть.

Как и что происходило между Сашей и Леночкой, никто не знал, даже родители. Они вели себя спокойно, обыденно.

Частично осведомлена о развитии отношений была лишь Вероника Сергеевна.

Леночка Докукина после единственной встречи с Генкой Федосеевым забеременела.

Он и его родители открестились от участия в интимной встрече подростков, потом и вовсе увезли его в другой город.

От плода избавились без операции: помогла какая-то знахарка, но скрыть факт беременности не удалось. Дело замяли, но слава гулёны пошла бродить по посёлку.

Сначала мальчишки показывали на неё пальцами, потом стали предлагать интимные свидания.

Леночка влюблялась: то в одного, то в другого. Отказывать мальчикам она не научилась, а сам процесс её нравился.

В девятом классе девочка опять забеременела. Аборт был неудачным: воспаление, сепсис, угроза бесплодия.

Мальчики выросли, становились настойчивее, девочка доступнее.

Десятый класс закончили обе.

После торжественной части начался выпускной бал. Мальчишки достали из кустов заранее заготовленные запасы спиртного.

Леночка Докукина опьянела уже после первого танца. Её тихо куда-то увели в качестве бонуса.

Мальчишки шутили, что пьяная баба себе не хозяйка.

Несмотря на это маленькое происшествие, праздник продолжался.

Не было на нём только Леночки Снегирёвой.

Получив диплом, девочка выбежала из спортивного зала на улицу, завернула за угол, где её встречал Саша с огромным букетом цветов, и таким же как у неё аттестатом.

Они поцеловались и пошли домой, где их ждала за накрытым столом Вероника Сергеевна.

– И что теперь, дети: Саша в армию, а ты?

– Мы оба в институт. После первого курса свадьба, переведёмся на заочное отделение... и рожаем.

По тонкому льду

Ни одной визуальной причины

Заскучать, заболеть, разреваться.

Только память ножом перочинным

Задевает то душу, то сердце.

У меня от тебя только память.

Это – слишком тяжёлая ноша.

Как легко можно ранить, и ранить,

Оставаясь при этом х о р о ш и м.

Златенция Золотова

Взмокшая, с замирающим сердцем и прерывистым дыханием, Верочка вздрогнула и проснулась, то ли от внезапного грозового разряда за окном, то ли приснилось что-то нехорошее.

В стекло барабанили крупные дождевые капли, резвилась, выплёскивая накопленную силу и удаль молодецкую стихия, сверкая и гремя во всю мощь необузданного летнего харак-

тера.

Семён спал, отодвинувшись от неё на пионерское расстояние, лицом к стеночке.

В том не было бы ничего странного. Вера всегда ложилась на краю, с тех пор как родилась Катенька, чтобы любимый, к тому же глава семьи и кормилец, мог выспаться перед изнурительным рабочим днём. Только прежде муж прижимался к ней всем корпусом, даже во сне нежно лаская чувствительную грудь, сопел, приятно уткнувшись холодным носом в шею, и закидывал на неё ногу.

Что-то в их отношениях изменилось внезапно, вдруг. Понять, что именно стало не так, было довольно сложно.

Вера беззвучно встала, долго смотрела на мелькающий в грозových отблесках силуэт такого близкого и в то же время далёкого мужчины, с которым сроднилась за долгие восемь лет совместной жизни, который давно и прочно был частью её существа.

Был...

Почему так случилось, какое могущественное явление вмешалось в их семейное счастье, заставляя просыпаться в поту среди ночи, разделять жизнь на “до” и “после”? Отчего ей кажется, что любовь и благополучие остались в прошлом, лишая настоящего и будущего?

Впрочем, зачем кокетничать, скрывать от самой себя не просто сомнения, не банальные комплексы, а вполне материальные метки, несущие в себе недвусмысленную угрозу?

Первой ласточкой в череде причин, выбивших Веру из устойчивого равновесия, был едва уловимый запах чужой женщины на вороте рубашки, небрежно брошенной Семёном в стирку.

Смутные сомнения терзали мозг как повторяющаяся музыкальная фраза на заезженной виниловой пластинке.

Вера в непорочность единственного и самого родного человечка стёрли неприятные ассоциации, атаковавшие возбуждённое сознание.

Запах мог оказаться случайным, есть такие ароматы, которые впитываются на расстоянии, но волосы, длинные вьющиеся ниточки рыжего цвета. Вера внимательно рассмотрела их сквозь увеличительное стекло, уложив на мелованную бумагу.

Сомнений быть не могло: волосы на супружеской постели, явно женские волосы.

Спустя несколько дней Семён замкнулся, стал задерживаться на работе, без ужина ложился спать, отвернувшись к злополучной стенке, перестал не только ласкать, даже дотрагиваться.

В выходной день муж обложился книгами, что-то увлечённо записывал.

И весь день сосредоточенно молчал.

Это оказалось невыносимым, непосильным испытанием, потому что кое-что она уже знала. Пусть это были только догадки, предположения, но совсем не беспочвенные.

Вера не выдержала давления обстоятельств, собралась и ушла к единственной подруге, бывшей однокласснице, Люсеньке Роповой, с которой не виделась года два, впервые за время супружества оставив детей наедине с отцом.

Семён что-то невразумительное буркнул, оставив действия жены без внимания.

Равнодушие с его стороны, дополненное непонятным поведением и вполне реальными поводами для ревности, было вдвойне, втройне обиднее, чем обычная бытовая размолвка, какие случались довольно часто, но не вызывали агрессивной нервозности.

Несчастливая, зарёванная, растерянная и оскорблённая Вера долго бродила, не разбирая дороги, смертельно усталая, обозлённая на горемычную судьбу и на весь белый свет.

До Люсеньки она всё же добралась, прикупив попутно вина и сладостей. Подруга обрадовалась, накрыла стол, но близости, душевного родства, прежнего соприкосновения душами не возникло. Ностальгические темы разговоров быстро иссякли. В реалиях сегодняшних их жизненные пути и мировоззрение разошлись кардинально.

Люсенька никогда не была замужем, семейные проблемы были ей чужды, по причине чего делиться с ней горем было нелепо, бессмысленно. У подруги была своя, непонятная для Веры жизнь без обязательств перед кем бы то ни было.

Мало того, спустя пару часов на огонёк к одинокой подружке прилетел возбуждённый сверх меры мужчина, ни-

сколько не скрывающий цель визита. Плоские шутки и развратные действия страстного искусителя заставили женщину попроситься, несмотря на договорённость с мужем остаться с ночёвкой.

Вера ещё немного погостила, чтобы не казаться неучтивой, и вышла в ночь.

Полным диском ярко светила Луна, россыпь звёзд украшала небосвод, однако с северной стороны стремительно надвигались густые тучи, подгоняемые слабыми пока порывами ветра.

Женщина озябла. Одежда её не предполагала ночной прогулки.

Остановка со сломанной крышей и прогнившей скамейкой, да и вся местность, были пустынно, безжизненны.

Часов у Веры не было. Впрочем, домохозяйке они были без надобности: размеренная, монотонно-однообразная жизнь была упорядочена привычными семейными ритмами, подразумевающими массу хозяйственных забот, требующих ежедневного выполнения.

Хоть и была она не робкого десятка, незнакомые звуки в ночной тишине, усиленные вконец испорченным настроением и грустными мыслями, вызывали тревожные ассоциации, дурные предчувствия, неприятный холодок в недрах живота, и суеверный страх, заставляющий внимательно прислушиваться.

Шумно пролетевшая мимо птица, шуршание ветвей,

скрип стволов, маятниковое движение теней, и прочие обыденные явления, несли в себе, если не жуткую опасность, то её предощущение.

Ужасно хотелось закрыть глаза и в мгновение ока оказаться дома, прижаться к тёплому родному телу, которое...

Вместо привычного ощущения счастья мысли о муже вызвали поток непрошенных слёз, которые Вера тут же осушила волевым усилием: необходимо сосредоточиться, победить предательски подкрадывающийся страх. Да и ревность ей не к лицу.

Звук шагов невдалеке испугал не на шутку.

Длинная тень выплыла из чернильной темноты, резко метнулась в её сторону, отпрыгнула вбок и мгновенно превратилась в широкоплечего парня, лицо которого в темноте разглядеть было сложно.

– Чего стоим, кого ждём, – раскатистым баритоном неожиданно спросил великан.

– Автобус, – умирая от страха, прошептала Вера, – домой хочу.

– Опоздала, подруга. Поздно уже. Здесь ночью даже частники не ездят.

– У меня на такси денег нет. На гостинцы для подруги потратила.

– Кто же тебя в такую темень из дому выгнал? С мужем небось поссорилась, – то ли спрашивал, то ли утверждал прохожий, предлагая сигарету.

– Не надо, я курить не умею. У подружки гостила, а к ней дружок появился, вот я и... чтобы не мешать.

– Мог бы проводить. Что за мужики пошли. У нас, знаешь какой район... то-то и оно, что не знаешь. Живёшь-то далеко?

– На Соболевке, Коммунарка.

– Через весь город тащиться. Часа полтора, если быстрым шагом.

Парень посмотрел на небо, выставил вперёд руку, – если повезёт. Сейчас дождь начнётся. Можем, конечно, рискнуть, но есть предложение интереснее и проще. Я рядом живу. Пять минут и мы дома. Не хоромы конечно, зато тепло, сухо.

Пельмени есть, баранки, и чай.

Утром посажу на автобус. Приставать не буду, клянусь. Решайся. Ты на диване, я – на раскладушке. Можем и не спать, я слушать умею. На гитаре сыграю, спою. Меня Матюха зовут. Матвей Егорович Плотников. Образование среднее техническое, работаю бригадиром на стройке, морально устойчив, не привлекался, вредных привычек, кроме курева, практически не имею. Хронически холост.

У Веры дрожали поджилки, но отчего – от озноба или страха, она не понимала.

В этот момент хлынул дождь.

Матвей схватил Веру за руку и побежал, увлекая её за собой.

Ветхий дом за невысоким забором был похож на большую конуру. Из-под крыльца, виляя хвостом, выбежала дворняга.

– Бимка, я его от корейцев спас, хотели на шашлык пустить, обормоты. Сейчас вынесу тебе куриные шеи, дружисце. Проголодался. В дом не пушу, у меня сегодня прекрасная гостья.

Мои хоромы, сударыня. Это флигель, на всё лето сюда перебираюсь. Родительский дом, вполне современный, на задах. Как вас величать, голубушка? Нет-нет, дайте сам угадаю. Майя... нет, больше на Веронику похожа. Угадал?

– Почти. Вера. Когда первый автобус будет?

– Утром. В шесть. Ты мокрая совсем. Погоди, печь затоплю, высушимся. Вот тебе одеяло, снимай с себя всё, закутывайся. Так, сначала чайник, кастрюлю под пельмени. У меня тут такой беспорядок, такой бедлам, не обессудь. Холостяцкая жизнь, безалаберность, ну и свобода, бес её задери. Будь как дома. Если отнестись ко всему этому с пониманием, жить можно.

– Спасибо, я так высохну.

– Мы же не в лесу, милая. Не хватает, чтобы моя гостья простыла, и богу душу отдала. Думать не моги, я за тебя в ответе. Насчёт мужа я угадал? Вот... он же мне потом голову открутит.

Слушать ничего не хочу. Вот чистое полотенце, верёвку над печкой сама видишь. Располагайся. Поужинаем, чем бог послал, чая с малиновым вареньем натрескаемся, натопим

как в баньке. Носки вязанные с горчицей наденешь, тельняшку шерстяную. Я срочную на флоте служил. Потом колыбельную тебе спою. Я гостей люблю, хоть и бирюк!

– Матвей Егорович...

– Давай без сантиментов. Для тебя Матюха. У меня сегодня праздник. Не каждый день такую красу в своём логове привечаю. И чего я тебя раньше не встретил! Да... завидую твоему. Любит хоть?

– Не хочу о нём.

– Замётано. Ладно, без меня справляйся, я быстро. Вера. Верунька, Верочка... как я рад, как я счастлив. Судьба. Провидение. Вытирайся суше, принцесса.

Дождь набирал силу, бесновался, шутя, играл громом и молниями. Металлическая кровля скрежетала, хлопала, гремела. Дом сотрясался под порывами загулявшего ветра, звенели оконные стёкла, уютно гудело пламя в печи.

Вера раздумянилась, разомлела, успокоившись отчего-то, почувствовала себя в безопасности, даже про измену мужа забыла.

Рядом с Матвеем, хотя она его совсем не знала, было уютно и спокойно.

Хозяин уверенно хлопотал по дому, с видимым удовольствием ухаживал за гостьей, потчевал, растирал ей ноги, играл на гитаре, проникновенно пел.

Под душевную балладу Вера незаметно для себя ненадолго уснула.

Матвей заботливо укрыл гостью пледом, заботливо погасил свет.

Не спалось ему. Ой, не спалось!

Грезил он. Наяву грезил. Кто хоть однажды влюблялся, тот поймёт.

О том, что случилось дальше, Вера потом вспоминать стеснялась, но выключить видение, забыть, вычеркнуть из жизни была бессильна.

Кто был инициатором, как и почему решился на такое, непонятно, только очнулась Вера в лихорадочном, полубоморочном состоянии, не давая себе отчёта в происходящем.

Женщина душила парня в объятиях, подчиняя внезапно нахлынувшему желанию, впивалась поцелуем в горячие губы, с остервенением мяла налитые мышцы, требовала от него немедленных ответных действий.

Чем неистовее и откровеннее любовники ласкали друг друга, тем сильнее их бил озноб, заставляющий сливаться в блаженном экстазе на волне восторженного исступления.

Вера жадно вдыхала терпкий запах похоти, аппетитно, упиваясь ненасытным желанием, раскрывала густо сочившееся сладостью лоно, бесстыдно подставляя то сокровенное, что до сих пор безраздельно принадлежало лишь супругу.

Как же она была соблазнительна в наивном восторге, как бесстыдно нага, как чувственно ласкала любовника, как нетерпеливо и жадно втягивала в себя восставшую плоть, испытывая головокружительное сладострастие и исступлённое

блаженство, взлетая раз за разом в приступы неистовых множественных оргазмов.

Матвей ошалел от безмерной щедрости гостыи, пытался угадать, предвосхитить её трепетные желания, боясь между тем чем-либо обидеть.

Их слияние походило на религиозное, молитвенное состояние, на мистическую медитацию, полностью растворяющую индивидуальность.

Любовники самозабвенно извивались, задыхались от неистового темпа интимных движений, стонали, подчинялись полунамёкам на желания того или иного, кричали, требовали, наслаждаясь безмерной властью желания, и были предельно счастливы.

Грозовые вспышки смешивались с искрами страсти, сверкали экстатическими сполохами, кружили головы, то и дело отключали сознание, взбивали коктейль из сладости и боли, пока оба не застыли в объятиях, лишившись последних сил.

Видение погасло, напоминая о случившемся слипшимися телами и вымокшими простынями.

Проснувшись, вспомнив обо всём.

Вера взывала, испытывая чувство неизбывной вины и мистический ужас за содеянное.

На часах был полдень.

Пошевелившись, женщина почувствовала крепкие объятия, стремительно набухающую внутри себя плоть, следом горячий поцелуй в губы.

Желания не возникало.

Более того, прикосновения и ласки были ей неприятны.

Объяснить себе, что произошло ночью, Вера была бессильна. Затмение, наваждение, морок – иного ответа она не видела.

Ей было неприятно, ужасно стыдно. Как, как после всего этого показаться на глаза мужу!

С Матвеем она рассталась довольно холодно, пряча уязвлённый самолюбием и поруганной целомудренностью взгляд.

Он так и не понял, почему она так отреагировала на утреннюю нежность, что сделал не так.

Муж, Семён, тоже пребывал в прострации, не в состоянии решиться на разговор с супругой, боялся услышать окончательный приговор.

Он страдал. Чувство вины грызло уязвлённое нечаянным событием сознание. Мужчина не мог простить себе ужасный проступок – измену единственной женщине, причины которой был бессилён осознать.

Семёну казалось, что Вера всё знает, только не может решиться разорвать отношения. Он видел её осуждающий взгляд, чувствовал – что-то важное, объединяющее их жизнь в единое целое, лопнуло с треском, и вот-вот разорвётся окончательно, держась кое-как на тонюсенькой ниточке, неспособной питать искреннюю любовь.

Он пытался успокоить себя тем, что изменяют все. Все

мужчины, которых он знает, причём любят бравировать умением соблазнять, способностью удовлетворять кого и когда угодно.

Ещё одним доводом было нелепое утверждение, будто же-на сама виновата, что толкнула его к предательству равноду-шием, безразличием к собственной внешности.

Аргументы, помещающие его в один ряд с животными, живущими инстинктами, казались банальными, гадкими, но других не было, а эти казались спасательным кругом.

Семён чувствовал, что из отношений вытекает струями сама жизнь, что ещё немного и дороги назад не будет.

Какой же он дурак, что решил пойти на поводу у мимо-лётной страсти. Возвращаясь мысленно в события того дня, Семён не мог отыскать точку невозврата, тот момент, когда влечение плоти лишило его способности соображать.

Екатерина Витальевна, экономист из его группы, позво-нила неожиданно, попросила помочь отыскать ошибку в квартальном отчёте, едва не плакала. Вера с детьми в тот день была у родителей. Он должен был заехать за ними немного позже.

Отказать женщине, оказавшейся в сложной ситуации, Се-мён не мог. Он был воспитан дамским угодником.

Екатерина не принадлежала к разряду длинноногих секса-пильных фей, сводящих с ума. Обыкновенная офисная дама со слегка расплывшимися формами. Да, миловидная, ухо-женная, стильная, с приятным тембром голоса и вкусным,

особенным запахом, но без изюминки, без изысканности и шарма.

Вера куда соблазнительнее.

Впрочем, Семён в ту минуту ни о чём подобном не помышлял. Способность анализировать, видеть те мелочи в профессиональной сфере, в которых кроются досадные просчёты, давала уверенность в том, что визит коллеги не продлится более получаса.

Семён изучал отчёт. Катя, так она попросила себя называть, ведь общались в неформальной обстановке, стояла сзади.

В какой-то момент она нависла над ним слишком тесно, громко задышала в затылок, погрузив в облако соблазнительного запаха, и нечаянно дотронулась до руки.

Удивительно, но прикосновение показалось крайне приятным.

Катя что-то непонятное, ужасно соблазнительное, чувственное, шептала на ухо, нежно дотрагивалась губами до шеи, запустила руку в область грудной клетки.

Горячее касание оказалось роковым.

Перед глазами поплыли цветные концентрические круги, запах похоти и женского желания разбудил дремлющие в глубине естества грёзы, зажёлг некий виртуальный фитиль.

Импульса, пославшего в мозг команду, заставившую немедленно возбудиться, оказалось достаточно, чтобы выключить сознание и передать абсолютную власть вожде-

нию.

Природа умеет заставлять подчиняться.

Гипнотическое действие страсти длилось минут двадцать, не больше, но успело разрушить нечто незыблемое и важное, без чего невозможна счастливая семейная жизнь.

Задышающийся от неожиданного марафона Семён очнулся, когда отыграть обратно не было возможности. Страсть излилась внутрь госты, добавив остроты и без того пикантной ситуации.

– Опрометчиво, Сёма. Безрассудно, рискованно, глупо. Мы же люди семейные. Не ожидала от вас такого мальчишества. Впрочем, я вас прощаю. Ты такой милашка, такой альфа, просто чудо. Когда мы ещё встретимся?

– Извините, Екатерина Витальевна. Продолжения не будет. Это была роковая ошибка.

– Ничего себе ошибочка. Ты меня едва не разорвал. Ладно, всё равно спасибо. Мне понравилось.

Нечаянная любовница удалилась, послав противнейший воздушный поцелуй.

Семён долго проветривал квартиру, мыл с порошком пол и посуду. Хотел было сменить постельное бельё, но испугался, что женская интуиция опознает сигнал о свершившемся нравственном падении, поэтому лишь вывернул простыню наизнанку.

Нежная мужская нравственность, тем не менее, оказалась весьма уязвимой. Ему было настолько стыдно, что дотро-

нуться до целомудренной супруги он никак не мог, что и запустило цепь непредвиденных событий.

Вера старательно прятала глаза от Семёна, муж от неё. Оба были в смятении, не знали, как поступить, можно ли в принципе возобновить семейные отношения, склеить разбитое мимолётной страстью, или это стена, тупик.

– Верочка, почему ты так долго не приходила? Я ужин приготовил.

– Неужели соскучился, – с вызовом и появившейся надеждой, что пронесло, тихо спросила жена.

– Прости, я не знал, как тебе объяснить, как сознаться. Честное слово, я люблю только тебя.

– Знаю. Извини, я не хотела...

– Что ты, что ты, любимая. Это больше не повторится, ты мне веришь?

– Кому же мне верить, если не тебе?

Семён неуверенно подошёл к жене, обнял. Вера не верила своему счастью. Её до сих пор трясло.

– Как там Люся?

– Замуж собралась. Давно я так не веселилась, – покраснев до кончиков волос от собственной лжи, произнесла Вера, и осеклась, испугавшись, что выдала себя с головой.

О найденных в постели волосах, о странном запахе, и глупом поведении Семёна, она больше никогда не заикалась.

Всё возвратилось на круги своя.

Семён помог Верочке раздеться, сам надел на её ножки

тапочки, усадил за стол.

В серванте чудом завалялась бутылочка марочного вина, ваза с шоколадными конфетами.

Дети тоже были счастливы.

Страсть у супругов в эту волшебную ночь была взаимной и очень искренней.

Полтора килограмма эмоций

*Мы не случайны, я верю, я знаю,
что совпадений таких не бывает.*

В нашей истории всё изначально

произошло далеко не случайно.

Татьяна Мехнина

В полной темноте очень раннего утра Лёнька выбежал в парк размяться.

Освещённые аллеи вдоль набережной в это время были тихи и пустынны.

Гладь реки с едва колышущимся отражением фонарей и расплывающейся, вибрирующей поперёк течения лунной дорожкой, удивительно похожей на сказочный мост, который перекинули с одного берега на другой, выглядела фантастически привлекательно.

Привычка бегать появилась у него задолго до службы в армии. Там он её закрепил, теперь ритуал выполняется в автоматическом режиме.

Сорок минут, иногда больше, только и всего, зато за этот небольшой отрезок времени просыпается не только тело, но и мозг. Во всяком случае, на пробежке всегда думается лег-

ко, в голову приходят замечательные идеи, подкрепляемые впечатлениями просыпающейся природы.

Большинство красивых мыслей к завершению тренировки выветриваются, но одна-две всегда остаются и начинают высверливать мозг, требуя реализации. Бывали случаи, когда Лёнька, испытывая дефицит идей, выбегал специально, чтобы разбудить дремлющее воображение.

Как правило, впечатлительность его не подводила, подбрасывала топливо для стройного повествования.

Главное, не забыть, не утерять кончик нити схваченной идеи, которая вертится в голове, пытается выскользнуть.

Лёньку не так просто провести, особенно когда дело касается творчества. С некоторых пор он пытается писать рассказы, в которых пробует передать вместе с эмоциями суть своего мировоззрения.

Ради этого иногда приходится отступать от первоначальной идеи, от реальной канвы действительно происходивших событий, короче, выдумывать детали, чтобы в итоге привести сюжет к точке сборки.

Необходимость вносить в сюжет выдуманные фрагменты является для него камнем преткновения. Нет у Лёньки склонности к пустым фантазиям: он яростный поклонник реализма.

Что делать, приходится договариваться со своим внутренним я.

Сегодня Лёнька бежит через парк, по дорожке, с обеих

сторон обрамлённой гигантскими липами, чёрные выщербленные стволы которых уходят ввысь, создавая над собой тёмный купол, полностью закрывающий небо и пробивающийся на горизонте утренний свет.

Аллея старинная, она даже днём погружена в сумрак. Парк дышит прохладой, особенно сейчас, в столь ранний час. Утром воздух наполнен маревом зарождающегося тумана, который поднимается влажными сгустками, повисающими над рябью реки.

Течение здесь неспешное, но если прислушаться, можно различить мелодичные переливы. Утренние запахи молодой листвы, усиленные тягучей влажностью, ласкают обостренное обоняние, будоражат и без того разыгравшееся воображение.

Где-то поблизости цветёт ночная фиалка. Лёнке знаком и очень дорог этот незабываемый аромат.

Несколько раз юноша пытался отыскать виновницу изысканного амбре, но безуспешно: цветок умеет прятаться, видимо, слишком застенчив.

В ветвях деревьев о чём-то громко переругиваются невидимые птицы, возможно, наоборот нежно щебечут о любви и счастье.

Слышен стук дятла, замирающий время от времени, затем снова выдающего музыкальную дробь.

Просыпаются лягушки, затягивают нестройную, загадочную брачную песню, тяжело, грузно пролетает пара уток.

Если задуматься, прислушаться, вникнуть, можно заметить миллион проявлений жизни.

Вот и физкультурники, кому рано отправляться на работу, начали просыпаться.

Мимо Лёньки, тяжело дыша, мелкими грузными скачками проследовала объёмная дама, которую пришлось пропустить, уступая дорогу. Её лицо заливал пот, выражение на нём такое, словно через пару минут её хватит родимчик.

Эта спортсменка сбила юношу с мысли, которая могла внести в ткань рассказа новый, интересный поворот сюжета.

Лёнька повернулся, провожая тётку неприязненным взглядом. Из-за её вмешательства в романтическую тишину он моментально потерял вместе с замечательной идеей ощущение праздника жизни.

Захотелось развернуться, потрусить в сторону дома или вообще пойти пешком, чтобы попытаться вернуть эмоциональное состояние вместе с фантазией.

Тщетно.

– Вот же чёрт, – мысленно выругался он, – чего бы этой корове не пробежать минутой раньше?

Понятно, что бегунья не причём, да и обзывать женщину не было необходимости. Её появление – стечение обстоятельств, а испарившаяся мысль свидетельствует лишь о несобранности, отсутствии концентрации внимания.

– Не можешь запомнить – записывай, – выругал Лёнька себя. Тётке и без того непросто, она, можно сказать велико-

мученица. Разве можно так себя гробить? Для начала ходить бы научилась. Она что, за неделю хочет центнер жира испарить?

Лёнька, немного не добежав до спасательной станции, хотел было вернуться по параллельной дорожке, и увидел ее...

На мокрой от росы земле, прямо в траве сидела девчушка. Одну ногу она подогнула под себя, вторую выставила далеко вперёд и оглаживает, повесив на симпатичное личико совсем не подходящую ей маску боли.

Наверно, подвернула лодыжку. У неопытных бегунов это случается часто: слабые связки, неразвитые мышцы, порочная техника бега.

К чему гадать и размышлять, если событие уже произошло, исправить или предупредить его невозможно.

А помочь, интересно, чем?

Девчушка тонкая, словно тростиночка, лёгкая, воздушная, почти прозрачная...

Помочь подняться? А если придётся тащить? До травматологии больше километра.

Лёнька часто в походы ходит, знает, что на расстоянии даже малый вес превращается в неподъёмную тяжесть. Есть и ещё одно но: девчушка ведь совсем, вдруг недотрога?

– Доброе утро! Могу я вам чем-то помочь? Что у вас, растяжение, вывих, перелом? Хотя, что я спрашиваю? Вы же не кричите, значит, боль терпимая, следовательно, скорее всего вывих. Покажите, где болит.

– Везде болит. Вот тут и вот здесь, теперь ещё голова закружилась. Мне через час на электричку, в институт ехать нужно.

– Думаю про учёбу на сегодня можно забыть. В травматологию нужно: снимок сделать, определить картину повреждений. Вы совсем молоденькая, не хотите же навсегда хромоножкой остаться.

– У меня сегодня зачёт. Повторный. Не сдам – могут отчислить. Мамка убьёт.

– Значит, пусть дочка без ноги, но с зачётом, так что ли? Попробуйте подняться, опереться на меня.

– Ой! Не могу, больно.

– Тогда придётся верхом ехать. Обхватите меня руками за шею, ногами за туловище и поскачем галопом. Устанем – перейдём на шаг, насколько сил хватит. Вы сколько весите?

– Не знаю. Много. Пыталась похудеть. Теперь совсем разнесёт, коровой стану.

– Это, да! Сплошной жир кругом, кусками с костей свисает. Вы что, совсем ничего не едите?

– Не смешно. Девочка должна весить не больше сорока, если замуж выйти хочет.

– Понимаю. Значит, потенциальная невеста. И кто жених, если не секрет?

– Наверно ещё не родился. Мне восемнадцати нет. Это я так, про женихов, чтобы разговор поддержать. Существуют стандарты красоты, если понимаете, о чём я говорю. Сове-

менная девушка должна соответствовать определённым канонам, чтобы стать успешной и счастливой.

– Получается, мне сказочно повезло катать на себе современную молодую женщину, которая соответствует современным канонам.

– В том-то и дело что нет. Во мне целых полтора килограмма лишнего веса. И вообще, что вы как следователь, всё-то вам знать нужно. В женщине должна быть тайна, загадка и немного шарма. Как вы можете спрашивать девочку о таких интимных вещах?

– Да, спрашивать нельзя, зато тащить на горбушке определённо можно. Ладно, поехали дальше. А можно у современной женщины спросить, как её зовут? Меня, например, Леонид. Нам ведь долго вместе путешествовать, должен же я как-то обращаться.

– Меня Алёна звать. В свидетельстве о рождении именно так написано – Алёна Игоревна. Фамилия вам тоже нужна?

– Врачу скажете, я услышу. Алёнушка, значит. Вкусное имя, на языке сладко становится.

– Ваше тоже ничего. Чувствуете, наши имена звучат почти одинаково: Алёна – Лёня, в одной тональности. Это знак. Если правильно расшифровывать знаки, посылаемые провидением, можно узнать что дальше будет.

– Вот, значит, как? Интересная теория.

– Я про это недавно книжку читала. Только там всё запутано, нужно ещё раз посмотреть. Лёня, как вы относитесь к

тому, чтобы на “ты” перейти? Всё-таки мы установили предельно близкий контакт, я, между прочим, чувствую каждое движение ваших мышц, фактически валяюсь на вашем мускулистом торсе.

– Не смущайте меня, Алёнушка. Вы говорите как соблазнительница, даёте понять, что чувствуете меня. На “ты” перейти согласен. Алёнушка, ты так прекрасна. Звучит как песня, не находишь? Ты становишься очень тяжелой. На взгляд тоненькая, невесомая, наверно очень плотная.

– Я сразу предупредила, что полтора килограмма лишних.

– Да нет, тут не полтора, а все двадцать, похоже.

– Ну, вот. Все вы, мужчины, такие. Влюбитесь – обещаете, что всю жизнь на руках носить будете, а как попробуете ношу, сразу толстухой начинаете обзывать.

– Когда я говорил, что влюбился? И про вес, это я так, чтобы беседу поддержать. Очень даже ты стройная, наверно у меня силёнок маловато. Чего ты обиделась-то? Я донесу, мне упрямства не занимать.

Алёна сначала держала Лёню за плечи, чтобы не очень прижиматься, потом устала, обхватила за шею.

Лёнька невероятно устал, но притих – тяжесть была приятная.

Пот стекал с него ручьями, руки-ноги дрожали от напряжения, а ноша в целом вызывала позитивные эмоции.

Так бы и носил...

И кто, собственно, мешает?

Пришли в травму, а там очередь человек двадцать, несмотря на столь ранний час. Чем же люди по ночам занимаются? Специально что ли не спят, чтобы руки-ноги покалечить?

Придётся, похоже, сегодня и учебу и работу прогуливать. Телефона с собой нет, денег нет: ничего нет.

Алёне справку выпишут, а ему...

Не бросать же девочку на произвол судьбы. Взятся за гуж – не говори, что не дюж.

Приблизительно через час подошла очередь.

Доктор осмотрел, ощупал пострадавшую ногу – послал на рентген, который находился строго в другом крыле, да ещё и этажом выше.

Добирались до кабинета минут тридцать.

С Лёньки за это время семь потов сошло, скоро обезвоживание начнётся.

Алёне хирург, пока осматривал, ногу намял. Уткнулась в шею – плачет.

Сделали снимок, сказали ждать.

Оказался множественный перелом плюсневых костей. Будут накладывать гипс. Это на месяц, а то и больше.

Алёна в панике, даже про боль забыла. Возможное отчисление из института пугает девочку больше, чем сама травма.

Лёнька пытался успокоить, но безрезультатно.

Пустились в обратный путь по лабиринтам коридоров на первый этаж, к травматологу. Лёнька уже не идёт – тащится,

но ношу свою драгоценную не бросает. Алёна тоже основательно притомилась.

Вместе они напоминали французов времён наполеоновской войны, которые отступают от побеждающих русских отрядов. Даже смотреть больно.

Теперь и Лёнька ничем не отличался от покалеченной подружки, разве что у него кости целы.

В кабинет вызвали минут через сорок.

Доктор довольно долго возился с наложением гипса.

Теперь дело за оформлением справки.

Только что была ночь, а уже послеобеденное время.

Это надо же, половина дня ушла на то, чтобы зафиксировать перелом. А ведь ещё домой как-то доставить девчонку нужно.

Лёнька оставил Алёну в больнице, убедив и клятвенно пообещав не бросать в беде. Пошёл ловить машину без копейки денег.

Столковался с одним водителем, объяснив ситуацию, спросил сколько возьмёт.

– Договоримся. Все мы люди, все мы человеки. Как не помочь.

Квартира Алёны оказалась на восьмом этаже. Лифт, наверно это тоже был знак, как назло не работал.

На шестом или седьмом пролёте Лёньку затошнило.

Когда поднялись на восьмой этаж, там уже их ждал разозлённый водитель. Оказывается, лифт снова включили.

Спуская перегретый эмоциональный пар, используя отборную ненормативную лексику, водила на одном дыхании выпалил пару десятков непечатных композиций размером с поэму, после чего успокоился и даже помог занести Алёну в дом.

В квартире никого не оказалось, родители были ещё на работе.

Денег у девочки оказалось всего пятьдесят рублей, что всем не устроило таксиста.

Лёнька помог Алёне лечь удобнее, ожидая родителей, попрощался и ушёл добывать недостающую денежную сумму.

Помог альтруистически настроенный водитель за семьсот рублей, не считая того полтинника, который изъял у Алёны.

Огромные, между прочим, деньги. На такие средства можно было половину дня кататься, но ничего не поделаешь, если сразу не оговорили таксу.

Три следующих дня Лёнька учился и работал. Душа болела за подопечную, но возможности проведать её не было: он подрабатывал вечерами, иногда захватывая и часть ночи.

Ничего не поделаешь: жить как-то нужно, а для этого требуются денежки. Где их взять, если не шевелиться? Под лежачий камень вода не течёт.

В субботу Лёнька сходил на рынок, купил фруктов, красивый торт, коробку конфет и двинулся по направлению знакомого теперь адреса.

Дверь открыла миловидная дама, точная копия Алёны,

только лет на двадцать старше.

– Явился, зятёк, – огорошила его женщина.

– Извините, вы...

– Да, знаю, знаю, вы Леонид. Уж и не пойму теперь, спас ты мою дочь или наоборот погубил. Трое суток ревь, не переставая. Ты же ей ни адреса, ни фамилии, ни номера телефона не сказал. Сидит у окна – страдает. Тебя ждёт. И смех и грех. Что за молодежь нынче пошла? Больно вы нежные, чересчур чувствительные. Жизнь – штука суровая. Нужно учиться выплывать, барахтаться. Всё же молодец, что пришёл. На зятька не обижайся. Это у нас, у взрослых, юмор такой, неправильный. А как прикажете к этим сантиментам относиться? В розыск подавать, чтобы несмышлёную дочурку успокоить? Где ты болтался три дня, где, я спрашиваю!

– Учился, работал. Да не мог я прийти. Не мог.

Алёна расслабленно сидела у окна с опущенными на колени ладонями.

Опухшее лицо, красные глаза, безвольная поза.

Слёз как таковых не было, видно уже закончились.

Заметив Лёньку, девочка вскочила, забыв про перелом, в полной прострации сделала два шага и упала парню в объятия, вскрикнув от боли.

Так они простояли довольно долго, пока девочка не пришла в себя.

– Лёнька, где ты был? Я же без тебя жить не могу. Никогда, слышишь, никогда больше так со мной не поступай. И не

смотри на меня, я такая страшная.

Лёнька слизнул слезу с её щеки, взял на руки и понёс в ванную комнату умываться.

Там их мамка и застучала, когда с наслаждением целовались.

Женщина покачала головой, пожала плечами, всплеснула руками, но улыбнулась.

Давно ли сама такая была? Повзрослела дочь, выросла.

Пора любви. Как же иначе?

Разобраться в себе

ты включи мне pink floyd. в твоих тёплых ладонях

я усну и увижу те сны...

там, где ветер живёт в бесконечных погонях

залетая под юбку весны.

посмотрю ей в глаза, трону пальцем ресницы

с губ сниму все остатки зимы

окроплю её грудь дождевою водицей

попрошу её нежность взаимы.

подложу ей любовь, в её простыни новые

под подушку смешную траву.

ты весна, твоя кожа как листья махровые

расцелую её наяву

Валерия Грановская (Абрикосовый рай)

Как это нелепо и больно – расставаться с женщиной, с которой пять долгих лет после свадьбы и три до ритуального таинства путешествовал наедине по сказочным астральным мирам любви, сплетая из тончайших энергий бытия и неправдоподобно прекрасных минут слияния запредельно причудливую, прекрасную в своей неповторимости ткань жизни.

Восемь лет обожания, восхищения, безумно пылкой влюблённости и внезапное, стремительное падение в беспросветную бездну.

Звёзды, как и прежде, посылали начинающим романтикам и опытным любовникам телепатические импульсы взаимного влечения, так же ярко светились лунные дорожки, переливаясь на зыбких речных волнах, указывая направленные движения от сердца к сердцу.

Вокруг горели многочисленные костры из пламенных чувств, соловьиные менестрели привычно одурманивали доверчивые парочки, заманивая в липучие сети сладострастия, ночные птицы пугали таинственными звуками, разрывающими тишину, заставляя прижиматься теснее, искать спасение в продолжительных поцелуях.

Назойливо-тревожные мысли ритмичными, болезненными акустическими волнами перетекали из одного полушария моего воспалённого ревностью мозга в другой и обратно: пузырились, топорщились, лоснились, как плохо проглаженная ткань, в которую вдруг превратилась семейная идиллия.

Вероника изменила мне: обыденно, равнодушно, буднично.

– Ты уехал к родителям, я скучала. Вадик успокаивал. Красивая музыка, полумрак кафе, куда он меня пригласил, бокал игристого вина. Потом... ничего не помню. Не более чем случайность. Я этого не хотела, так вышло.

– Отключилась, забылась, и потерялась... на целый месяц. Ты же и после с ним встречалась, я знаю. Блуждала в лабиринте страстей, искала свет в конце тоннеля... почему, зачем! Неужели монотонность и скука – объективно достаточная причина предать любовь... или это любопытство?

– Не спрашивай, у меня нет ответа. Просто он не такой как ты, только и всего. С ним с самого начала было интересно, словно полёт на головокружительном аттракционе. Летишь вверх, вдруг зависаешь, и резко вниз.

Зачем она откровенничала? Бросила бы мне соломинку,

за которую можно ухватиться, покаяться.

После развода я вспоминал не только то, что было на самом деле – гораздо больше, гораздо. Наверно успел вложить в образ Вероники сокровенные глубинные смыслы, лишившись которых обнаружил неожиданно, что темнота, пустота и тишина – это очень страшно: падаешь в гулко звенящую бездну, не имея возможности остановить или замедлить катастрофу, после которой... нет ничего, совсем ни-че-го.

Я помнил жену разной, даже такой, с которой ещё не был знаком, какой любимая была задолго до того момента как полюбил её, когда лишь увлечённо рисовал в воображении совершенный образ той, которая позволит сделать себя счастливой.

Звёздопад над головой, дрожащая в темноте водяных струй Лунная дорожка, предвкушение грядущего блаженства, первый поцелуй. Пора влюблённости запомнилась бесконечно прекрасным праздником.

Каждое следующее прикосновение добавляло волнения, казалось особенным: исключительным, удивительным, уникальным.

Вам доводилось когда-нибудь неожиданно просыпаться

от резкого звука или по иной причине, когда летаешь во сне? Внизу пустота, провал, сердце пытается вырваться за пределы тела, чтобы избежать немедленного разрушения, до состояния магмы раскаляется дыхание, закипает кровь.

Я падал так почти каждую ночь после развода. Удивительно, что переживания потери позволили не утратить способность летать.

Наверно привычные чувства не желали покидать бренное тело, оставляя возможность чем-либо похожим заполнить пустоту когда-нибудь потом, в следующей жизни, или немного раньше.

Закрывая глаза, я думал о ней, только о ней: беседовал, делился эмоциями, спорил; открывая их – сдувался наподобие проколотого воздушного шарика, превращался в её тень.

Вероника исчезла из реальной жизни, не проявляла себя никак в материальном мире, но к чувствительным каналам души подключилась её бесплотная голограмма, не позволяющая отделить себя от гнетущей реальности.

Справиться с состоянием тошнотворной зависимости, ампутировать больной орган, вызывающий фантомные страдания, не получалось: он врос в душевную ткань, кровоточил,

саднил.

Я понимал, подобного рода измена – не агрессия и не преднамеренное предательство, это декларация о наличии в общении фатальных ошибок, способ избавиться от накопившейся сверх меры негативной энергии, но природная брезгливость не оставила шансов обернуть события вспять.

Изменяют обычно с тем, кто намеренно или случайно сумеет окружить непривычной заботой, создать привлекательной планировки тёпленький кокон, в котором появляется чувство защищённости и комфорта. Особенно впечатляют в такие минуты искреннее сочувствие и нежные прикосновения.

Я по природе своей не слабак, не сентиментально озабоченный нытик, у меня достаточно сил, чтобы не впасть в беспросветное уныние. Наверно потеря слишком значительна, возможно, невосполнима.

Пустота угнетает. Необходимо хоть чем-то её заполнить: несколько капель взаимного интереса, горсть ободряющих слов, щепотка душевной теплоты, прикосновения – что угодно, способное облегчить невыносимую тяжесть бытия.

Так я себя настроил, рассчитывал кому-то довериться, на

кого-то опереться..

Знакомиться с женщинами я не умел. Незачем и негде было обрести опыт легкомысленного флирта.

Первая влюблённость настигла меня в тот трогательно наивный период жизни, когда мальчишки в любой девочке видят сказочную фею. Мужское начало было в зачаточном состоянии.

С тех пор был пройден долгий путь синхронизации отношений, тонкой настройки храма любви, вхождения в состояние резонирующей гармонии.

Иной женщины я не познал.

Нужно было учиться жить отдельно от Вероники.

Одиночество тяготило.

Годы жизни в семейной команде требовали любым способом восстановить статус-кво, но вернуть Викторию не хватало мужества.

Холодный ум подсказывал, что чувственный опыт жене обязательно захочется повторить. Соблазнить женщину, ко-

торая по-настоящему любит – невозможно, значит, была в ней червоточинка, с самого начала была. Чтобы заметить изъян, необходимо о нём знать, намеренно искать. Когда влюблён, обнаружить фальшь невозможно: образ желанной женщины соткан романтически настроенным воображением из разноцветных штрихов, насыщенных витаминами влечения эмоций и яркого света.

Где та трещина, с которой начал крошиться фундамент семейного единства, как избежать ошибок, если удастся довериться какой-либо женщине вновь?

Так или иначе, я стал ненавязчиво, но усердно искать возможность познакомиться, где только мог.

Описывать похождения начинающего любовника – занятие скучное: мне категорически не везло.

И всё же, и всё же.

Выглядела Анна не изысканно, но безупречно. В ней не было даже тени вульгарности, желания удивить женскими штучками, пустить пыль в глаза.

Общительная, но печальная, в значительной мере загадочная женщина, облик которой поражал скромностью. В ней

удивительно сочетались робкая мягкость характера, неуверенность в себе, застенчивость, смирение и покорность с множеством талантов: Анюта на слух могла подобрать на гитаре любую мелодию, вдохновенно пела, контурными штрихами за пару минут делала в блокноте замечательные карандашные наброски. Свою одежду она украшала великолепными самодельными вышивками и кружевами, легко и непринуждённо исполняла зажигательные танцы, умела носить простого покроя, из дешёвых тканей одежду так, что ей завидовали дамы, имеющие возможность одеваться в модных салонах.

Внимания поклонников она получала в достатке, но практически не откликалась на ухаживания.

– Почему в последнее время вы всегда один, – спросила однажды она, – неужели вам никто не нравится, даже я?

– Что вы, просто меня пугает настоящая женственность. Мужчины как ни странно существа застенчивые. Лично я ужасно боюсь... отказа.

– Приглашайте меня на танец. Смелее.

– Не хочу показаться неуклюжим.

Анна достала из малюсенькой дамской сумочки блокнот, раскрыла.

– У вас прекрасная пластика. Смотрите. Как забавно вы отклоняете в танце голову, как бережно держите партнёршу за талию. Это была ваша жена, что с ней? У вас природное чувство ритма, поверьте. Приглашайте. Или стесняетесь?

– Вы что – следили за мной, я даже вспомнить не могу, когда последний раз танцевал с женой. С бывшей женой. Подарите, если не жалко, один из эскизов. На память.

– Сделаем иначе. Вы мне подарите танец, я вам... любой набросок... и полноценный портрет. Несколько позже. Выбирайте, какой рисунок больше нравится.

– Выбрать так сразу затруднительно. Можно подумать?

– Вы про рисунок... или про танец?

– Давайте просто поговорим. Я – Евгений Борисович.

– Анна... Леонидовна... Головина. Для друзей – Анюта.

– Тогда меня можете звать Женя.

Так начался этот роман.

Сначала были случайные встречи, позже оба начали настойчиво искать уединённых свиданий.

Анюта хотела знать обо мне всё, но о себе говорила неохотно.

Как прекрасны были бесконечно долгие часы, когда мы прогуливались по набережной или в парке. Тем для разговоров находилось невероятное множество.

Я был предельно изобретателен в фантазиях. Переживания, мечты и желания толпились в воображении, где я практически из ничего выстраивал воздушные замки изысканных форм, в проект которых искусно вплетал тщетно сдерживаемые пикантные замыслы.

Парадокс, но перед свиданием я тщательно отмокал в ароматической ванне, надевал новые трусы, детально подбирал антураж, хотя, даже спустя месяц с момента знакомства, мы с Анной ни разу не целовались, обязательно покупал цветочек с учётом возможного цвета её наряда.

Прикосновения к миниатюрной ладони прожигали меня насквозь, но я был терпелив.

Возвращаясь в прошлое, с удивлением обнаружил, что в общении с Вероникой первый шаг всегда делала она.

Меня устраивал неспешный темп событий, но хотелось большего.

В момент, когда давление эмоций, усиленных галлюцинациями и избыточной фантазией, дошло до предельно допустимых значений, Анна неожиданно пригласила меня в гости, видно боялась передержать.

Не представляете, что я чувствовал. Это был фейерверк ослепительных эффектов, сдержать проявление которых было попросту невозможно.

Мечтать о любви ночь напролёт в тридцать лет – занятие несколько странное, особенно, если учесть пять лет счастливого брака со всеми предоставленными этим статусом интимными фенечками и эротическими плюшками.

Возможно, Аня была целомудренной и невинной, об этом я ничего не знал, чего нельзя сказать обо мне, мужчине, несколько изумительно трепетных лет ежедневно наслаждавшимся интимными запахами любимой супруги, дерзко проникавшим во все без исключения женские тайны.

Было стыдно грезить в подобном ключе с участием Анны, но природа предпочитала поступать иначе: нескромные, но сладкие видения рвали мою плоть на части, предвкушая обязательный триумф, хотя рассчитывать на удачное стечение обстоятельств было опрометчиво: в моральных качествах любимой я мог убедиться неоднократно.

– Волнуюсь, – прошептала еле слышно Аня, принимая из моих рук букет и шампанское, так решительно я поступила впервые.

– Будем бояться вместе, – ответил я, пунцовый от неуверенности и смущения, неловко чмокая подругу в ямочку на ключице, где под нежно прозрачной кожей чувственно пульсировала набухшая от избытка давления жилка.

Анна побледнела, отвела взгляд, но движением плеча дала понять, что ей тоже приятно, отчего меня мгновенно обнесло жаром.

На современной, технично оборудованной, со вкусом обставленной кухне я отчётливо понял – Анна замужем.

Почему она не обмолвилась об особом социальном статусе? Ведь это меняло проекцию отношений, превращая меня

в соблазнителя, а её в любовницу.

Тем не менее, я был на взводе, остановить запущенный, долго сдерживаемый импульс, заставляющий мужчину делать охотничью стойку, было почти невозможно.

Я смирился с этим знанием, хотя подобное положение дел было нечестным не только по отношению ко мне.

Анна действительно волновалась: это было видно по поведению: по неловким движениям, неуверенному, скользющему сквозь меня взгляду.

Задать свербящий, безжалостно ломающий мозг вопрос я не решился, пытался вести себя непринуждённо.

Стол украшал подсвечник в форме обнажённой женщины с блюдами в обеих руках, была постелена белоснежная льняная скатерть. Столовые приборы и затейливо декорированные блюда стояли по разные стороны, обозначая дистанцию.

– Не так всё просто, – подумал я, – стоит ждать сюрпризов.

– Это тебе, – протянула Анна удивительно натуралистический чёрно-белый портрет, – присаживайся.

Момент был довольно удачным, чтобы обозначить формат встречи. Я задержал её руки, с надеждой заглянул в глаза.

– Не смотри так. Выпьем, постараюсь успокоить нервы. Мне не шестнадцать лет. Знаю, что для взрослого мужчины любовь без разрядки – испытание, почти пытка. Не хочу напрасно провоцировать. Всё, о чём ты мечтал, сегодня исполнится. Слово даю. Только не спеши. Мне нужно настроиться.

– Какие удивительные у тебя руки, – прошептал я, целуя запястья и пальчики.

– Только руки?

– Потанцуем...

– Позже. Сначала вина... и поцелуй. Ну же!

– Давай выключим свет.

Для поцелуя вино не понадобилось: опьянение обволокло, ударило в голову.

Мы танцевали, точнее, обнимались под музыку. Анна дрожала так, что я понял – она никогда не изменяла мужу.

Что заставило женщину искать связь на стороне, почему романтические отношения зашли так далеко, догадаться было невозможно. Я чувствовал себя проходимцем, мошенником, нагло пользующимся мгновением её слабости, грабителем, мечтающим бессовестно умыкнуть самое ценное, без чего любимая не сможет выжить – добродетель.

– Муж тебе изменил, – неожиданно для себя спросил я, сжав Анюту так, что она едва не задохнулась, – это месть?

Анна вздрогнула, напряглась, после чего я почувствовал, как намокает плечо.

– Неважно. Мне необходимо испытать то, что чувствовал он, когда...

– Надеешься, после этого станет легче? Так нет. Реши для себя – что важнее: сохранить семью, сделать ему больно, отморозив душу, или сохранить собственное достоинство. Я с женой после предательства расстался, не смог преодолеть отчуждение и безразличность. До сих пор не знаю, правильно ли поступил. Ты возвратила меня к жизни. Спасибо, но воспользоваться несчастьем не могу. Готов предложить честные отношения на своей территории. Думай. Знаю, непросто принять подобное решение. Торопить не буду. Сыграешь

для меня?

– С удовольствием. Гитара, пианино, скрипка?

– На твоё усмотрение. Но сначала выпьем. За тебя. Не хочу искушать... и всё же: ты так соблазнительна, так прекрасна и желанна... только, увы, не моя, не моя. А подметила ты правильно: я столько всего для себя нафантазировал – жизни не хватит осуществить. И тебя хочу, так хочу, что чертям тошно. Ладно, забудь.

– Так возьми. Теперь можно.

– Нет, Анята, нет, нет и нет. Нет любви после вынужденного секса. Не хочу, чтобы ты меня возненавидела. Целоваться, если желаешь, будем, до потери пульса целоваться. Вино пить будем, танцевать будем. Подожду, пока остынешь... и домой. Не жили богато, нечего начинать.

– Ты серьёзно! Ради меня готов наступить на горло собственной песне, сопротивляться древнейшему инстинкту, который способен превратиться в действующий вулкан? Прости, не предполагала, что могу встретить такого сильного мужчину.

– Слабого, Анята, совсем слабого. Сильный, никогда не

оставит живой обречённую на съедение, загнанную, обездвигенную добычу. Давай выпьем... за порядочность, за преданность и верность.

– Если передумаешь, я пойму. Честное слово пойму. Смотри, – Анна решительно задрала подол, – эти трусики я купила специально для встречи с тобой. Постельное бельё тоже новое.

– Не искушай, не раскачивай желание... своё и моё. Я понял. Поцелуи и танцы отменяются. Нам нужно подкрепиться, расслабиться... возможно, покаяться. Поспешные решения, тем паче действия – фатальны. Лично я отправляюсь под холодный душ. Полотенце дашь?

– Где ты раньше был?

– Там же, где сейчас. На Земле. Ты в курсе, что случайность – закономерность иной мерности, другого порядка? Выясни для начала – бабник твой муж, слабое звено, или случайно попавшая в силос дичь. С собой разберись. Ты ведь тоже, если вдуматься, изменила. Сознайся, сколько раз ты ложила со мной в постель, пусть мысленно, но ложила ведь.

– Тебе об этом лучше не знать.

– То-то и оно. Ладно, в душ передумал, целоваться, пить и закусывать тоже. Гони искусителя к чёртовой матери, пока зверь во мне окончательно не проснулся. Я на созвоне, если что. Надумаешь всерьёз разводиться – дай знать. Спасибо, что ты есть!

Во сне я ласкал её упругую грудь, целовал вишнёвые губы, погружался в податливую плоть. Сложно, ох как сложно обмануть физиологию.

Но что делать, когда внутри поселилась любовь.

Я уже подумал. Оставайся

Пригласи меня как-нибудь в кино

На последний ряд, на ночной сеанс.

А потом на кофе или на чай,

Приглуши в прихожей на стенке бра.

Я рассыплю волосы по плечам.

И останусь, может быть, до утра.

Эману Элька (Эля Ермолова)

Жизнь – явление на редкость странное. Ходишь в школу, ходишь – вдруг бац, вторая смена. Приблизительно так случилось и у Николая.

Сам не понял, когда и как влюбился.

С того дня как поступил в институт, юноша сразу ушёл от родителей на вольные хлеба. Поселился в общежитии, устроился подрабатывать. Сначала магазин по ночам охранял, потом молоко на машине по точкам развозил, на третьем курсе дипломные работы двоечникам писал, сайты и блоги по частным заказам конструировал.

Программировать в качестве свободного художника, без

надсмотрщиков и цензуры Кошке понравилось. Платили неплохо, особенно после того, как одному заказчику за несколько месяцев сайт создал и раскрутил. Заработанные на этом сайте деньги не успевал тратить.

Тот заказчик имел серьёзные связи и массу знакомых, в благодарность обеспечивал его заказами в невероятных объёмах.

На пятом курсе Коля приобрёл комнату в коммуналке, через год купил однокомнатную квартиру.

Работал много, с огоньком, но особо на деньгах не заморачивался. Любил жизнь, покутить был не прочь, выпить не дурак. Относительно девчонок на сладкое был особенно азартен.

Не сказать, чтобы записной бабник, нет. Девичью неприкосновенность Колян уважал, сближался исключительно по взаимной симпатии и обоюдному согласию, но и на себя не позволял хомут навешивать.

Любил парень девчонок подарками и нежностью побаловать, пыль в глаза пустить был мастер, приударить основательно мог месяца два-три. Поболтать о том, о сём, стихи читать был мастер, повеселиться умел, искренне восхищался девичьей красотой, умом и грацией, но меркантильным и расчётливым не был.

Рассказываю, а сам удивляюсь – он реально такой положительный, этот загадочный Колян, или я что-то напутал? Как получилось, что такое сокровище до сих пор не в семей-

ном стойле?

Нормальные девчонки, которые со стержнем внутри, своего никогда не упустят. У них на этот случай специальный датчик где-то внутри незаметно тикает, параметры надёжности будущих супругов, их инвестиционной и энергетической эффективности регистрирует, замеряет.

Чуть что – зуммер срабатывает, посылает в женский мозг гравитационный импульс, который мгновенно запускает систему жизнеобеспечения в режим экстренного погружения в состояние любовного анабиоза.

Природа своё дело туго знает. С крючка, на который интимные приманки нанизаны, не сорвёшься.

Вспомнил! Именно об этом и хотел рассказать. Видимо так с Колькой и случилось.

Был у него конкретный пунктик – нагуляться хотел досыта, всласть – мир посмотреть, себя показать, и лишь тогда задуматься о вечном, например, о любви, о детях.

Попутно планировал создать уютное, комфортное во всех отношениях гнёздышко с соответствующими этому обстоятельству современными потребительскими стандартами.

Как только доходил наш герой в мыслях до этого судьбоносного момента, все основательные семейные планы разом рассыпались как карточный домик.

– Зачем, – думал он, – пихать голову в супружеское ярмо, если девчонки так дают, причём безумно любят, независимо от желания жениться.

Все дружки через пару месяцев счастливого супружества подвывать начинают, кляня неоправданную поспешность в выборе лучшей в мире невесты.

От смиренных, но жарких подруг, без территориальных, имущественных и прочих матримониальных претензий, у Кольки отбоя не было.

Бывало, подкинут хороший срочный заказ, он телефон и прямой интернет отключает, окна зашторивает, затоваривается куревом, пельменями и пивом, запирается на три замка изнутри и сидит, притаившись, носа за кордон холостяцкой территории не кажет.

Не тут-то было. Лезут охотницы за острыми ощущениями из всех щелей как пруссаки-тараканы.

Миллионы способов авантюристки ненасытные изобретают, чтобы в его холостяцкой берлоге хоть на одну ноченьку оказаться, чтобы услышать вкрадчиво-нежный шёпот, ощутить на сокровенных местах сильные руки.

Каждая из тех, кто хоть раз забредала в его скромную обитель, мечтала почувствовать на губах привкус любовного мёда, на животе и груди нежные прикосновения, не говоря уже о живительных соках сладострастия и обо всём остальном, что составляет для некоторых них смысл существования.

Сентиментально-лирические и пикантные страсти, приключенческие постельные новеллы в жанре танцевально-эротических мюзиклов, экстремальных фестивалей, изящных развлекательных импровизаций, бесстыд-

но-необузданные фантазии, оргии до полного изнеможения с десятками безумных оргазмов и прочие изыски интимного общения направо-налево Колька не раздавал.

Тайны эротического мастерства парень берёт как зеницу ока, распорядился пылкостью, расточал драгоценные любовные соки лишь с теми девчатами, в которых чувствовал функциональную ненасытность, желание безоговорочно подчиняться и некую специфическую червоточинку. Кого можно было не опасаться в качестве лица, способного ограничить тем или иным способом свободу, с кем впоследствии не сложно разойтись без последствий.

Если дама начинала намекать на любовь до гроба, на лирические, драматические и прочие сюжетно неприемлемые мотивы, Николай сразу направлял любовную искру в землю и обнулял потенциал.

Жизненная установка была такая – ни детей, ни семьи, ни привязанностей до сорока лет быть не должно – харам, табу.

Собственные правила и обязательства Коля выполнял неукоснительно, случайностей не допускал даже в приличной степени подпития и даже когда основательно входил в роль шекспировского Отелло.

Друзья его практически поголовно на соблазнительные наживки в виде обсыпанных сахарной пудрой пончиков, тугих синтетических грудей, пикантных изгибов и укромных местечек, скромно-манящего взгляда, и на прочие маневровые мистификации, уже клюнули.

Из холостых аборигенов острова невозмутимо-проницательных и морально устойчивых женихов Колян оставался последним из Могикан.

Над незадачливыми любителями стабильно иметь под собой одну и ту же трепетную лань в обмен на личную свободу и независимость, он вполне резонно насмехался, парируя тем, что гильза всегда должна соответствовать снаряду, который в неё забивают, то есть настроению того, кому матушкой природой положено быть сверху.

На свадьбе у Васьки, который повторно нашёл себе желанную суженую, к Кольке загадочным образом присоседилась худенькая весёлая брюнетка с приятными формами и весьма оживлённой манерой общения.

Девушка вела себя так, словно знакома с ним если не с родильного дома, то с ясельной группы точно. Она была несколько моложе Коляна, но обращалась с юношей так, словно уже взяла над ним шефство.

Виталина азартно шутила, влезала во все без исключения свадебные розыгрыши и развлечения, а вместе с собой без труда затягивала в авантюрные приключения Кольку, который сам не понял, что на сей раз нарушает одно из основных своих правил – подчиняется девчонке.

Новая знакомая не только самозабвенно веселилась. Вместе с карнавальностью оживлённостью она старательно играла роль опытной интриганки, искательницы приключений, коварной искусительницы, игривой кокетки, дерзкой, самоуве-

ренной и немного нахальной.

Удивительно, но её взгляд, улыбка, мимика и жесты такому экстравагантному имиджу совсем не соответствовали.

Виталина производила впечатление прямо противоположное. Такое милое личико, такой прелестный лукавый взгляд, немного любопытный, чувственный, волнующий, никак не мог обмануть опытного сердцеда.

Кольку как магнитом тянуло к разбитной девчонке. Он даже выпивать не стал, настолько интересным, многообещающим и увлекательным видел возможное продолжение случайного знакомства.

Единственный танец, который Виталина по его недосмотру подарила какому-то напыщенному самодовольному самцу, Колька просидел за столом как в воду опущенный.

Первой реакцией на такую несправедливость было желание немедленно разобраться с этим наглым оленем, однако портить свой имидж без опасения порвать и без того тоненькую ниточку возможных отношений не захотел – сделал вид, что его это не касается.

Когда дерзкий мерзавец вернул подругу на место, Виталина загадочно улыбнулась, кокетливо показывая, что её провести не удалось. Она явно флиртовала с Николаем, но за чем-то намеренно обидела, задела за самое живое, за мужское достоинство, посягательство на которое – немыслимая дерзость.

– Ну и пусть, ну и ладно, – подумал Колька, – не больно

надо. Баб много, а я один. Сейчас такое изображу, сама за мной бегать будет.

Ага! Виталина, похоже, ко всем имеющимся у неё достоинствам ещё и мысли читать умела. Девушка капризно фыркнула, равнодушно, но очень соблазнительно повела плечиком, чувственно надкусила губку, состроила гримасу высокомерия и картинно отвернулась.

Пришлось угодить девчонке, уговаривать, притворяться, лицемерить. Как же неприятно было изображать шутивно-равнодушную добропорядочность, извиняться дурачась.

Колька сам от себя не ожидал такого странного усердия.

Несуразности собственного поведения настораживали и бесили.

Одно дело покупать цветочки, чтобы получить причитающийся за это бонус, баловать в мелочах и совсем другое – рефлексировать, реагировать на тщеславные, можно сказать эксцентричные выходки молоденькой кокетки, свидетельствующие о том, что та намеренно набивает себе цену.

Как бы там ни было, со свадьбы они удрали вместе. Гуляли, держась за руки по вечернему городу, сверкающему разноцветной иллюминацией, пили ужасный кофе в какой-то третьесортной забегаловке, чтобы немного согреться.

Погасив озноб, вместе прыгали на одной ножке, куда-то бежали, громко смеялись. Потом зачем-то ели ужасно холодное мороженое, отчего замёрзло даже в животе. Заскочили на ходу в запоздалый трамвай, даже не посмотрев, куда он

направляется.

Там тоже было знобко. Обнялись, стало теплее и лучше.

Им было безразлично, куда и зачем идти, ехать.

Не доезжая одной из остановок, не сговариваясь, соскочили на хъоду, нашли укромное местечко на набережной. Там обнимались, целовались, бросали в реку камни, наблюдали, как они при падении в воду рассыпают сверкающие искры на лунной дорожке, заморожено смотрели на звёзды.

Колян, видимо находясь под впечатлением от странного со всех точек зрения свидания, начал чувственным голосом декламировать чьи-то чувственные стихи со странным звучанием и не менее удивительной темой, – *“начало любви – с окаёмочкой блюдце... движенье по кругу, без мысли споткнуться. Губами коснёшься, блеснёт позолота... пьёшь прямо из блюда настой бергамота – изысканно нежный... дыханьем шафрана наполнен весь воздух, чарующий, пряный... подушечкой пальца, по краешку блюдца, скользенье, глоток, и по кругу... вернуться... “*

– Кто, кто написал такую прелесть? Никогда не слышала подобное. Как красиво!

– Это Николь Аверина. В интернете прочитал.

– Хочешь сказать, что сразу запомнил, а ещё, ещё можно!

– Я много стихов знаю, но декламировать вслух могу лишь под настроение. Давай так, сейчас я тебе прочту из Вероники Тушиновой, но обсуждать ничего не будем, просто помолчим, насладимся впечатлением, подумаем.

– Что-то грустное?

– Как сказать. Скорее жизненное... “А знаешь, всё ещё будет! Южный ветер ещё подует,

и весну ещё наколдует, и память перелистает, и встретиться нас заставит, и ещё меня на рассвете губы твои разбудят. Понимаешь, всё ещё будет!”

– Ты о чём!

– Это стихи, Виталина. Веронике Тушновой, автору этих строк, было тридцать шесть лет, сорок седьмой год, меньше чем через два года после войны. Дальше хочешь услышать?

– Конечно, хочу, ещё спрашиваешь! Ведь ты не просто так выбрал эти строки? Я понимаю, что это тонкий намёк на непонятные пока мне обстоятельства.

– Не важно. Ты уже большая девочка. Решать тебе... “В сто концов убегают рельсы, самолёты уходят в рейсы, корабли снимаются с якоря... Если б помнили это люди, чаще думали бы о чуде, реже бы люди плакали. Счастье – что оно? Та же птица:пустишь – и не поймаешь.

А в клетке ему томиться, тоже ведь не годится, трудно с ним, понимаешь?”

– Ещё как понимаю... ещё как. Проводишь меня?

– Спрашиваешь.

Никто никого провожать не стал. Это были не просто стихи, это был диалог сердец, повод задуматься.

Кому придёт в голову по собственной инициативе упустить счастье?

Дома у Николая ребята оказались далеко за полночь. Они были возбуждены сентиментальным разговором.

Словами, идущими из глубины души, и не только.

Поцелуев было много, очень много.

Странная она, Виталина. Хотела казаться высокомерной бесчувственной эгоисткой, умеющей подмять под себя любого мужика, якобы привыкшей царапаться и кусаться, а на самом деле...

Чувственные податливые губы, трепетная первородная греховность девственного поцелуя, низкий волнующий голос, запах разбуженной невзначай, нетронутой страсти.

Колька думать не смел о чём-то ином, кроме объятий и поцелуев. Это он-то, Колька, ловелас, сердцеед и дамский угодник собственной персоной.

Оба были довольные, счастливые, уставшие, смертельно голодные, ужасно хотели немедленно лечь спать.

В холодильнике не оказалось ничего, кроме двух пачек пельменей и баночки сметаны.

– Тебе сколько варить, Виталина?

– Чего сколько? Кидай все.

– Мы же не съедим. Жалко выбрасывать. Не подумай, что я жмот, но это продукты. Предки расстроились бы.

– Глупенький. Что не съедим – утром разжарим.

– Съеёшься, варёные пельмени жарить, может лучше сра-

зу выбросить!

Зря смеялся. Обжаренные до хрустящей корочки пельмени оказались великолепным, восхитительно вкусным блюдом.

Колян с Виталиной заснули, не раздеваясь, даже не заметили, как и когда. Оба были до предела психических и физических возможностей перевозбуждены.

Выпустить девочку из объятий Ромео всю ночь не решался, то и дело проверял, не упустил ли свою Жар-Птицу.

Такого с ним ещё не было.

На следующий вечер Колька с нетерпением встречал Виталину на автобусной остановке. Весь день ему не работалось, хотя на нём висели два срочных заказа, которые давили на нервы. Каждые пять минут он получал и отправлял сообщения на смартфоне.

Девушка прибыла на свидание с тяжёлой объёмной сумкой и маленьким рюкзачком.

– Ты чего, Виталинка, переселиться решила?

– Вот ещё! Я привыкла всё необходимое держать под рукой.

– Подушку и одеяло прихватила?

– Будет нужно... а чего это ты подкальываешь! Не нравится – могу обратно отвезти.

– Молчу-молчу, шучу-шучу, а то по шее схлопочу, тебя, конечно, огорчу. Я лучше сумки захвачу, потом, любя защекочу... и на ночёвку приючу.

– Так-то лучше.

– Где мой шкафчик, – сходу спросила девочка у Коляна в квартире.

– Чей!?

– Определись, Коленька. Я с ночёвкой к тебе пришла или без?

– Конечно, с ночёвкой... это не обсуждается.

– Тогда обозначь, пожалуйста, мою автономную территорию, у меня должно быть личное пространство, хотя бы малюсенькая полочка.

– Можно полюбопытствовать, что именно ты собираешься там припарковать?

– Какой же ты любопытный. У каждой женщины есть глубоко интимные тайны. Я не обязана делиться с тобой сокровенной информацией. Скромнее надо быть, дружочек, сдержаннее, интеллигентнее.

– Уже стал. А спать, извини за вопиющую бестактность, мы опять будем в одежде, или разденемся до трусов?

Виталина заразительно захохотала, стала разгребать прямо на кровати внутренности обеих сумок, намеренно выставляя напоказ несколько пар трусиков, хлопковую маечку, колготки, свитер ручной вязки, спортивный костюм, пижаму, два платяца, носочки, носовые платки, косметичку, кошелёк и паспорт.

В рюкзаке лежали прозрачные контейнеры с котлетами, жареным картофелем, бутерброды, пакет со свежими овоща-

ми, бутылочка растительного масла, десяток яиц, пачка чая, сахарный песок и конфеты.

– Думаю, голодать не придётся. Я всё-всё продумала.

– А я, меня ты учла в своих планах?

– Издеваешься, да! Оборона, осада, аварийная посадка и эвакуация не предусмотрены. Шаг в сторону – побег, прыжок на месте – провокация. Я ничего не забыла? Ответственность сторон можем обсудить немедленно. Предупреждаю сразу – я девица, потому требую соответственного поведения и продуманных действий.

– С этого места подробнее. Я ведь жениться не намерен, мы так не договаривались.

– И не нужно. Поедим и тихонечко спать ляжем. Разве я что-то другое предлагаю? Ты должен быть осмотрительным, осторожным, остерегаться подделок, контрафакта и нелегальной продукции. Спать с девочкой, даже если она в штанишках... не маленький, должен понимать всю меру ответственности. Обязан знать, самонадеянный мальчишка, о возможности непорочного зачатия.

Кольку трясло не по-детски. Виталина озорничала, проказничала, но ему было не до шуток. Её замечательное остроумие юноша воспринимал как декларацию о намерениях, объём и координаты которых не укладывались в устоявшуюся проекцию видов на его ближайшее будущее.

В матрицу Колькиного разумения алгоритм серьёзных отношений с обязательствами не вписывался, но Виталина...

Девушку как будто совсем не озадачило странное Колькино поведение: беспомощное мычание, смятение, настороженность, замешательство, даже ступор.

Виталина аккуратно прибралась в комнате, постелила на двоих, сходила в душ, долго с наслаждением плескалась, потом, не стесняясь, надела пижамный комплект и домашние тапочки, распустила волосы, накрыла на стол и включила телевизор.

– Чего нахохлился, любимый. Обними хотя бы. Ты что, не рад мне? Для чего в гости-то приглашал? Боишься, что ограничу свободу? Ты же мне стихи читал, а сам их не слышал.

“Счастье – что оно? Та же птица: упустишь – и не понимаешь. А в клетке ему томиться, тоже ведь не годится, трудно с ним, понимаешь?” Ты свободен, Коля, как вольный ветер, как ласточка в небесах. Я пошутила. Можешь расслабиться, мне ничего от тебя не нужно. Помоги, пожалуйста, собрать вещи.

– Я, ты... нет-нет, не уходи, останься.

– Ты действительно этого хочешь! Тогда послушай. Недавно z купила книгу, совершенно случайно, тогда я не представляла, что встречу тебя, что ты, взрослый человек, в душе окажешься маленьким капризным мальчиком. Неважно, я не об этом.

Книга называется *“О любви ко всему живому”*. Не представляю, почему и зачем я выбрала именно её. Теперь поня-

ла. Все случайности в жизни закономерны. Лишнее мы просто не замечаем. Это точно.

Автора зовут Марта Кетро. Это псевдоним. Там много всего. О любви, о жизни. Знаешь, о чём я подумала, когда ты декламировал Тушнову, как её стихи переплетаются с мыслями из этой книги, с тем, что мы сейчас чувствуем, чего ждём и чего боимся?

Мне особенно запомнилась одна цитата – *“Раньше мне казалось, что свобода – это получать всё, что хочешь, а сейчас подозреваю, что свобода в том, чтобы не хотеть.”*

Давай посидим молча. Ты подумаешь, я буду молиться. Не напрягайся, это совсем не то, о чём ты подумал. Я не хожу в церковь, но думаю, что невидимый мир в каком-то виде существовать может и должен. А вообще я хотела поговорить о любви.

Под молитвой я понимаю желания и мысли, облечённые в словесную форму, только и всего. Они не обязаны совпадать с твоими стремлениями и планами.

Думаю, завершение нашего едва начавшегося романтического приключения не станет трагедией. Нам же было хорошо вдвоём, правда? Я тебе благодарна. Честно-честно. Я ведь до тебя даже приблизительно не знала, как это, полюбить. Да!

– Я уже подумал, Виталина. Оставайся. Я тоже до тебя ничего не знал. Совсем ничего.

Я тебя лю...

Как бы ты ни был тяжело контужен –

Смейся! Мозг человеку не нужен!

...Славься, маразм, идиотизм!

Наше счастье – автоматизм!

...По утрам под подушкою шарю я:

Где мое левое полушарие?

Ольга Горпенко

Антон сидел за компьютером, увлечённо выстукивая что-то на клавиатуре.

Светлана по-кошачьи бесшумно подкралась, наклонилась, чтобы рассмотреть тему неожиданного вдохновения любимого: иногда в ней просыпалось чувство собственницы, рождающее беспричинную ревность.

Была ли это любовь, Светлана не знала, потому что этот мужчина в её жизни был не только первый, но и единственный.

Увидев, что объект навязчивого внимания Антона не

особенно интересен, ласково обняла за плечи, прижимаясь щекой к небритому мужскому лицу, отчего почувствовала неожиданно сильный прилив нежности: в отличие от происходящего на экране монитора, автор непонятных действий вдохновлял девушку всегда.

Он зарабатывал на жизнь разработкой и отладкой программных продуктов: настраивал алгоритм взаимодействия с процессором под замысел конкретного заказчика и продавал готовый продукт, не вставая из-за стола.

Клиентов было достаточно, денег тоже, но материальная сторона жизни Антона не особенно волновала. Работу, точнее увлекательное занятие программированием, умение делать то, что недоступно большинству пользователей интернета, юноша любил больше, чем самого себя.

В остальном он был довольно обычным: тёплым, простым, без обычного для мужчин его возраста набора комплексов и вредных привычек, но в поведении сквозила несмыслимая печать одиночества.

Даже она, Света – миниатюрная, тонкая как стебелёк полевой травинки брюнетка с кокетливо-обаятельными чертами лица, огромными, с доверчиво-томным выражением глазницами, про какие обычно говорят “оленьи” и миниатюрными музыкальными пальчиками, довольно часто чувствовала себя лишней.

Девушка приходила к Антону один, иногда два раза в неделю, покупала ему продукты, за которые юноша постоянно забывал рассчитаться, поскольку жил по большей части в виртуальной реальности; прибиралась, стирала, готовила. Иногда оставалась до утра.

Антон не просил себя развлекать, тем более обслуживать. Света сама хотела чувствовать себя в этой квартире хозяйкой: такова женская сущность, проявляющаяся в стремлении обустроить гнездо.

Света не могла терпеть беспорядок. И потом... это же её мужчина.

Или всё же не её?

Девушка не понимала свой статус в этом доме.

Так они жили порядка трёх лет.

Свету совсем не радовал такой алгоритм, но изменить его не получалось: Антон был немногословен, диалогов и рассуждений не любил.

Каждой девушке хочется иметь семью, детей – всё то, что обычно подразумевается под термином “дом”.

Иногда удавалось завести отвлечённый разговор на тему романтики, семьи, брака, но Антон не обращал на намёки внимания.

На вопросы, заданные молча: мимикой, жестами, взглядом, застенчиво улыбался, поводил недоумённо плечами, явно показывая, что не готов ничего ответить или изменить в своей жизни.

Света глубоко вздыхала, нервно закусывала губу, пытаясь незаметно погасить сгусток печального негодования, застревающий твёрдым комом где-то в глубине груди.

Эмоции девушка выпускала наружу лишь дома – в полной тишине и гнетущем одиночестве, которое усугубляла плотно зашторенными тёмно-коричневыми окнами.

Садилась за стол, не включая свет, выпивала стопку крепкого ликёра и укладывала голову на сложенные как у школьницы руки.

Мысли начинали неудержимое движение: сначала порывистое, суетливое, но неспешное, которое постепенно, словно в разгонном реакторе, набирало силу и ярость.

Немного погодя Света взрывалась истерикой, дрожала всем телом, извергала водопад слёз.

Ей было до чёртиков обидно, досадно и горько. Только ничего нельзя было с этим поделать.

Антон такой, какой есть.

С тех пор, как они начали встречаться, он несколько не изменился.

Юноша не был достаточно хорош даже как любовник. Сильной стороной, инициатором и топливом отношений была Света. Стоило ей прикоснуться к Антону, даже подумать о нём, как она уже... приходила в неистовство, горячий азарт заполнял низ живота.

Разрядка в постели случалась редко: для этого надо было очень-очень постараться.

Иногда девушке казалось – если не приедет, для него ничего не изменится: скорее всего, даже не заметит отсутствия.

Антон может несколько дней ничего не есть: забывается, воодушевлённый пьянящим азартом непонятого вдохновения. Если проголодается, закажет чего-нибудь по интернету, как и прочие бытовые услуги в случае крайней необходимости.

Быт его не трогает, к сексу и нежности почти равнодушен.

Вместе их свели довольно необычные обстоятельства, о которых девушка никогда никому не рассказывала: Антон заблудился в городе, где родился и вырос. Даже не мог толком объяснить, где живёт, хотя паспорт с адресом прописки лежал у него в кармане.

Вне дома он был полностью беспомощен.

Света водила его по городу, научила ездить на транспорте, задавать вопросы живым людям.

Она просто не могла его бросить, не умея даже себе объяснить причину непонятого упрямства.

Да, иногда они целовались, обнимались, время от времени практиковали интимную близость.

Поначалу Антон даже увлёкся процессом чувственного единения, но вскоре охладел.

Сейчас Света ластилась к Антону, целовала в шею, отчего он раздражённо морщился, пытался освободиться.

Ей хотелось любви и конкретики: чего-то адекватного, внятного, вдохновляющего на творческие и духовные свершения, перспективного в плане семейного строительства.

Девушка твёрдо решила поставить вопрос ребром: да или нет. Сколько можно!

Здесь, в обстановке его дома, чужого в принципе дома, уверенность и решимость воплотить в жизнь желания и мечты улетучивалась. Молчать тоже бессмысленно.

– Антон, ты меня хоть немножечко любишь, – неуверенным тоном спросила она, пряча взгляд за его плечом, где по стене и потолку ползли зловещие тени от занавески, которые кратковременно освещали пролетающие по улице автомобили. Воздух, напротив, превратился в тягучий гель, который стало сложно проглотить.

Было слышно, как громко тикают часы, как противно жужжит, бьётся о полотно окна муха, как вразнобой колотится раненое сердечко Светланы.

Антон напрягся, перестал тюкать по клавишам, сбросил с плеч её руки, встал, отряхнулся.

– Пожалуй, нужно попить горяченького. Принесла чего-нибудь к чаю?

– Антон, я спросила...

– А, ах, да... ну, о чём ты говоришь, девочка... конечно...

На этом диалог закончился, так и оставив вопрос без ответа.

Света нервно выпила несколько обжигающих глотков в полной тишине, размазала по лицу навёрнувшиеся вдруг слёзы, которые невозможно было остановить усилием воли, затем начала собираться домой.

– Поздно, темно совсем. Мне, пожалуй, пора.

Антон закурил, начал виртуозно пускать в воздух кольца дыма, ловко одевая одно на другое, для разнообразия пропуская следующее внутрь.

– Я пошла, Антон.

– Ты же чай не допила. Пирожное, вот... сама же купила. Посиди чуток. Уберу баг в программе – провожу.

– Не стоит. Ты же занят, это важнее.

На улице было прохладно, ветрено, неуютно, но Света вздохнула с облегчением, отметив отменный вкус чистого воздуха.

Она для себя решила: больше никогда ни за что сюда не приедет. Молчание – тоже ответ, довольно конкретно и ёмко оформленный. Жизнь не бесконечна.

Несколько минут до остановки парочка шла на расстоянии двух корпусов друг от друга: щуплая, почти невесомая фигурка девушки и большой, почти в половину выше, плечистый юноша.

Со стороны было понятно, что это поссорившиеся любовники.

Пошёл нудный морозящий дождь. Зонта не было. Автобуса тоже.

Антон курил сигарету за сигаретой, глядя куда-то в темноту, – может, такси поймаем?

– У меня денег нет. На продукты истратила.

– А-а-а. У меня с собой тоже.

Автобус подошёл неожиданно, словно подкрался. Зато двери отворились шумно.

– Когда тебя ждать?

– Ждать... зачем, – после продолжительной паузы сказала Света.

Неожиданно Антон развернул её, поцеловал. Неловко, чересчур звучно, – смешная ты.

Света шагнула в тёплое чрево автобуса. Юноша окликнул, – буду ждать...

Девушка обернулась вполоборота, вопросительно поглядев на Антона, – я тебя лю...

В это мгновение двери захлопнулись, автобус тронулся.

Девушка не подошла к окну, не выглянула, хотя Антону очень этого захотелось. Что она хотела сказать, почему так странно себя вела?

Добежав до дома, даже не раздевшись, юноша уселся за компьютер, в котором была вся его жизнь.

Сигарета, выкуренная в две затяжки, немного успокоила нервы, – чёрт бы побрал Светку с её глупой любовью. Хочет – пусть любит, мне что, жалко! Лишь бы не отвлекала.

Тринадцатый, ты ещё здесь

?

Ты видишь, как небо меняет цвет,

Как по бездорожью вся жизнь летит.

Крещение любовью сошло на нет,

Но сердце надеждой ещё болит.

Ты каждый день пробуешь мир на вкус,

Исследуя следствия всех причин.

Весь мир – проверка на прочность чувств,

Где даже счастье немного горчит.

Лариса Фомина-Иохельсон

Дом, работа, работа – дом. Не ритуал, не традиция, обязательная трудовая повинность, принудительная мобилизация нервов и сил.

Серёжа, сын, уже пришёл из школы. Готовит уроки, Забрать из садика Вику, отовариться в продуктовом магазине, приготовить ужин, проверить домашнее задание, запустить стиральную машину, пропылесосить пол, накормить, вымыть посуду. Позвонить маме. Рассказать дочке сказку на ночь. Всё как всегда. “И скучно, и грустно, и некому руку подать...”

– Возможно, останется время прочитать несколько страниц “Джейн Эйр”, если не свалюсь в изнурительном бессилии.

– Если бы не дети, – тысячи раз думала она, – впору наложить на себя руки. Разве это жизнь?

Прежде, когда она жила с Игорем, маршрут был такой же, но воспринимался иначе: домой Марина летела на крыльях любви и никогда не уставала.

Прошло два года, как муж оставил её наедине с привычками, рождёнными неприкаянным одиночеством, скудным достатком и заботой о детях.

Память о счастливой супружеской юности стала постепенно рассеиваться, словно строки книжного текста, которые бессмысленно запоминать, потому что переживать можно лишь то, в чём принимаешь деятельное участие.

– Распутник, всегда на распутье, – внушала себе Марина.

Принудительное расставание ввергло её в состояние изменённого сознания. Она даже не заплакала тогда. Причина измены не имела решающего значения. В шоковую пучину погрузил сам факт.

– Я это, прости, ухожу от вас, – сумбурно отрапортовал муж, – у меня другая семья. Так вышло. Ты ни в чём не виновата.

– Ладно, – задержав, сколько позволили лёгкие, дыхание, согласилась жена, – так или не так, перетакивать не будем. Стрелять при попытке к бегству – не мой метод. Погрущу,

погрузу... и другого поищу. Шутка. Чего стоишь, проваливай!

Почти до утра из глаз произвольным потоком лились слёзы. Потом Марина заснула, погрузившись в беспокойный эротический сон, в котором в одной квартире жили он, она и молодая (хотя она совсем не знала, какая именно) любовница, которая последовательно доминировала в каждой непристойной сцене, оставляя ей роль стороннего наблюдателя.

Ломка длилась довольно долго. Гадкие сны безжалостно ворошили прошлое, давая призрачно безосновательную надежду непонятно на что. Но у судьбы были совсем другие планы, раскрывать которые она не желала.

Марина часто думала – почему? Почему мужчины, мечтая о бескорыстной любви, о гармонии чувств и сентиментальном романтизме, о непорочном слиянии душ, в состоянии поиска возвышенного совершенства в первую очередь оценивают физическую оболочку претендентки, особенно выпуклые составляющие её стройной фигуры. Не забывая при этом вычислить безупречность геометрии тела и осанки, категорию эмоциональной чувствительности, наличие невинности, характеристики женственности, скромность, сообразительность, обаяние, наличие и разнообразие навыков и талантов, способность подчиняться и уступать, а также магический дар при помощи искусственных ухищрений привлекать интимное внимание.

И это лишь то, что на поверхности. Чтобы определить

прочие необходимые для принятия судьбоносного решения характеристики женихи требуют немедленного телесного контакта с проникновением в сокровенные пределы.

Дамы с пробегом и довеском давно вышли в тираж. Разве что для одноразовых встреч годятся. Следовательно, на Марине висит несмываемое клеймо – бывшая в употреблении.

Но ведь давно известно: если долго всматриваться в бездну, бездна начинается всматриваться в тебя. Неужели за её страдания никто не ответит?

Марина придирчиво разглядывала себя в зеркало. В одежде и без неё.

Вроде ничего. Женщина как женщина. Стройная. Мышцы не висят. Кожа гладкая, бархатистая. Мелодичный голос, маленькие аккуратные ногти, высокая грудь, стильная причёска, приятная мимика, мягкая кошачья грация, обаятельная улыбка.

– Чего ему не хватало?

Красота женщины понятие зыбкое, призрачное, эфемерное. В классическом варианте это лишь некий симпатичный для конкретной личности тип лица, очертаний силуэта; определённые особенности поведения и некий неуловимый магический элемент, который перечёркивает как любые визуальные, так и сенсорные характеристики, потому что на самом деле влечение и симпатия рождаются где-то в другой галактике, доступной лишь тонким телам бессмертных душ.

Любовь, если честно, проявление случайно сложившегося

восприятия на субъективном уровне. Но согласитесь, даже если чувства замешаны на ошибочном суждении – кого это остановит в самом начале отношений, когда вселенная подкрепляет выбор внезапным, весьма глубоким гормональным шоком, почти что обмороком?

Начинающие любовники неспособны отказаться от близости, но отнюдь не потому, что ограничен выбор или слишком агрессивен магнетизм влечения: отсутствует мотивация закончить чувственный эксперимент прежде, чем соблазнительный результат будет достигнут. Это нормально, правильно. Каждому из нас полагался посетить с экскурсионной программой персональный ад, чтобы понять, что на самом деле подразумевается под определением “любить”.

Любила ли Игоря Марина? Вопрос некорректный.

События развивались слишком стремительно, чтобы успеть сделать выводы, прежде всего по причине неопытности и чрезмерной степени возбуждения.

Раз... поцелуй, первые постельные радости, два... нежданно-негаданно зашевелился плод, три... начало семейной жизни, четыре... монотонно-утомительная рутина будней, пять... крушение иллюзий, шесть – неприкаянное одиночество с привкусом незаслуженной горечи.

Влюблённость – состояние романтической невесомости. Расставание – ощущение запредельной динамической перегрузки.

Игорь был её роковым капризом, случайной закономер-

ностью. Он не мог без неё, она без него.

Так казалось тогда.

Напряжённые сокровенным инстинктом квантовые поля неожиданным образом вступили в гравитационный резонанс, многократно усиливая обычные для беспечной юности ментальные вибрации, погрузившие возбуждённые тела в океан чувственной неги от внезапно вспыхнувшего безумия, от избытка ненасытного полового влечения. Тогда она ни на секунду не задумалась об осторожности. Ведь любовь – это безмерной величины счастье!

В теореме, способной доказать обязательность блаженного благополучия, если согласие на интимное сближение и искреннее желание любить обоюдное, подсознание, если внимательно к нему прислушаться, должно обнаружить фатальную ошибку, некий роковой стратегический просчёт. Точнее, системный функциональный дефект, навигационную аномалию. Но как её обнаружить, если мозг безоговорочно подчиняется импульсам страсти до тех пор, пока не рассеется наркотический дурман?

Лучше бы никогда не встречаться! Но тогда не было бы, ни Сергея, ни Вики, ни самой любви.

Марина вспомнила, как и когда случилась первая близость. Честно говоря, она глазом моргнуть не успела, когда на пике сладкого чувственного восхищения Игорь незаметно расстегнул пуговку, затем другую. Жадный поцелуй, требовательные прикосновения, трепетное томление во всём теле.

Нечто жизненно важное перемкнуло в мозгу. Голова пошла кругом. Она ничего не запомнила, кроме ощущения необъяснимого состояния эйфории, которое хотелось продлить на всю оставшуюся жизнь.

Внутренний таймер вот-вот должен был сообщить, что скоро остановка, пора выходить. Расставаться с голограммой интимного блаженства так не хотелось, но подгадать течение иллюзорных событий под строгую продолжительность поездки, чтобы досмотреть сцену до конца, ни разу не получилось. Все два года её преследовала некая незавершённость, словно упустила самое аппетитное, самое вкусное.

Маршрут был привычен, выверен. Двадцать две минуты можно сидеть в автобусе с закрытыми глазами, мечтать, позволяя себе созерцать даже то, чего не было и никогда не будет.

– Почему меня постоянно гложет сомнение – любила, не любила? Разве этот имеет значение, если воспоминания приводят меня в трепетный восторг? Смогла бы я Игоря простить? Прямо сейчас. Без сцен и условий. Было бы кого прощать. Увы, отныне я обречена на бесконечное одиночество. Разве что кавалер пенсионного возраста нечаянно разглядит, что я ещё на что-то гожусь. Четвёртый десяток за плечами, дети, опять же. Остаётся лишь грезить.

В это мгновение ступню пронзила резкая боль.

– Простите ради бога, теснота. Меня толкнули.

– Под ноги смотреть надо!

– Не сердитесь, милая барышня, мне очень стыдно за свою неуклюжесть. Рад буду исправить досадную оплошность. К сожалению не сейчас. Опаздываю. Поверьте, есть причина сбежать немедленно. Давайте встретимся... завтра. В восемнадцать. У пруда с лебедями. Там, где фонтан, скамеечки и кафе. Придёте? Буду с нетерпением ждать.

– С какой стати! Я вам не девочка, с которой можно так обращаться. Какая дерзость, какая наглая самоуверенность! Щёлкнул пальцами и готово. Буду ждать! Ага, разбежалась!

Мужчина улыбнулся, нежно дотронулся до её ладони и поспешил к выходу.

На остановке его встречала миловидная женщина, которую он тут же заключил в объятия.

– Надо же, – возмутилась про себя Марина, всё ещё негодуя по инерции, – неужели я настолько легкомысленно выгляжу! Лебеди, видите ли! Рядом уютное кафе... чтобы не теряя времени создать атмосферу интима. Хорошо, что номера с ванной и душем. Нашёл дурочку с переулочка. Глупости какие! В транспорте вообще неприлично знакомиться. Тем более так... экстравагантно. Да я его и разглядеть не успела. С виду приличный, ухоженный. Наверняка женат. Обнимается, с кем попало, прямо на улице. Оно мне надо? Сначала лебеди, потом вечерний пейзаж, лунная дорожка, звёздное небо, бокал вина на брудершафт: так пить хочется, что переночевать негде. Большие проблемы начинаются с маленьких глупостей. Слишком тяжело было научить-

ся жить одной, чтобы взять и одним махом разрушить и без того неустойчивое равновесие. Придёте – не придёте! Ага, разбежалась. Шнурки поглажу и бесамемучу тебе спую. Колыбельную... в неглиже, лёжа в постели.

Марина пыталась успокоиться, но видимо на плече сидел чертёнок номер тринадцать из популярного мультика. “Люби себя, чихай на всех!”

– Вот! Двойку “по Любви” я уже схлопотала. Можем повторить – не для меня. Не хочу опять реветь по ночам, ходить с опухшими глазами, испытывать чувство вины непонятно за что. Разве я виновата, что меня бросили? Как ветхую тряпку, как мусор. У него оказывается другая семья! Чем тебя эта не устроила! Скатертью дорога! Вот не пойду и всё, хоть режьте меня на тысячу маленьких чертенят. Я своё отлюбила. Не нужны мне ваши извинения. Без того тошно. Тридцать шесть лет, подумать только. На пороге старость. И тлен. Кому я такая нужна, – всхлипнула Марина, выкатив, сначала одну, затем другую слезу.

Жалко было не ногу, себя, вполне ещё привлекательную, переполненную до краёв жизнелюбием и желанием любить.

Голова гудела по непонятной причине, сердце качало кровь с неприятными перебоями, что-то странное происходило с дыханием, хлюпал моментально опухший от избыточной влаги нос.

Вика в садике слишком долго натягивала штаны, капризничала. Марина чуть не заплакала, – ты специально, нарочно

так делаешь, да, чтобы меня позлить!

Досталось и сыну, – ты уже большой, почему я должна каждый раз проверять у тебя домашнее задание! Пора становиться самостоятельным, ответственным. Сколько можно притворяться маменькиным сыночком!

Накормила детей, кое-как прибралась. Всё валялось из рук, – живо спать, сладу с вами нет! За что мне такое наказание!

– Ты чего, мамуль, – огрызнулся Серёжа, – белены объелась?

– Ты ещё и грубить, – сорвалась она, но вовремя одумалась, – устала, вставать рано. Почитай Вике, будь другом. У меня настроения нет.

Ночью не спалось. В голову лезли шальные мысли.

Несколько раз вставала, включала свет, придирчиво разглядывала себя в зеркало со всех сторон, трогала ставшую вдруг тяжёлой грудь, разглаживала морщины, – даже если в кафе, почему бы не посидеть с хорошим человеком, если есть повод? А если он манипулятор, аферист какой-нибудь? Квартиру, к примеру, решил отжать. Или изнасиловать в извращённой форме. Зачем! Чего я ему плохого сделала! А вот пойду и спрошу – какого чёрта тебе от меня нужно!

Беспощадное время, от которого не спрятаться, не скрыться, пролетело в одно мгновение. Вот и рассвет. Отчего она чувствует себя такой бодрой, хотя почти не спала?

Завтрак Марина готовила с невиданным энтузиазмом, на-

певая, – я сегодня до зари встану, по широкому пройду полю...

Дальше слов она не помнила, прокручивала застрявшую отчего-то фразу, которая магическим образом поднимала настроение, заставляя формировать странное по ощущениям будущее: слишком светлое, чтобы можно было в него поверить.

Захотелось нарядиться во что-нибудь этакое... с изюминкой, чтобы вслед оборачивались.

Марина перемерила весь гардероб. Всё не то. Оказывается, два года не покупала обновок.

Можно немного потратиться, а до полочки занять, себя побаловать.

– Или его. За то, что ногу как медведь отдал? Забавно. Уж не с ума ли я по-тихому схожу?

Лицо и шею моментально залила краска, – веду себя как школьница перед первым свиданием! стыдоба какая! Сознайся хотя бы себе – хочется, ой как хочется, чтобы не обманул. Нет, нельзя вот так вот запросто, идти на поводу у первобытного инстинкта. Сначала свидание, потом приставать начнёт...

– А потом суп с котом, – неожиданно для себя повернула ход мысли Марина, забавно дурачась, прыгая на одной ножке. Попутно подмигнула себе в зеркале, высунув язык, – и бельё куплю, о котором мечтала. Самое-самое. Пусть все завидуют. Просто так куплю, без задней мысли. Могу я раз в

жизни о себе подумать? Ладно, не обманывайся, Мариночка, тебя окрыляет самое настоящее романтическое томление, предвкушение чего-то волшебного, что может изменить жизнь. Увы, повернуть ход событий в любую сторону: хоть налево, хоть направо. Или вообще спустить жизнь под откос.

– Ну и что, ну и что! Кто не рискует – тот шампанского не пьёт. А я хочу, хочу шампанского! С поцелуями. И любви хочу. Вот столечко, самую малость. Сладкого хочу, непристойного... тоже хочу. Не сейчас, когда-нибудь потом. Я ведь живая. Сколько можно поститься!

Горячая волна разбуженной чувственности разлилась неожиданно по всему телу. Душа, с наслаждением разрешив себе надкусить запретный плод, ликовала, – вот что значит, жить! Пусть я буду выглядеть распоследней шлюшкой, наплевать. Мне тоже хочется счастья, пусть невыразительного, примитивного, пошлого. Хоть на секундочку. Хотя бы надежду почувствовать, что ещё не финал.

– Сергуня, сегодня тебе забирать Вику из садика. У меня важное мероприятие.

Проводила в школу сына, отвела в садик Вику, позвонила на работу с просьбой оформить отгул по семейным обстоятельствам, – знали бы они, какие у меня обстоятельства, – и отправилась бродить по магазинам, предвкушая возможное пиршество для души и плоти с глуповато-счастливым выражением на лице.

Дождаться вечера было невыносимо сложно, особенно в

фестивальном облачении, которое по миллиону причин могло утратить первозданную свежесть ещё до свидания.

Так ярко, так молодо она не выглядела наверно со дня свадьбы.

Расклешённое бирюзовое платье, новое с иголки бельё, так приятно льнущее к телу, стильная укладка волос, туфельки на высоком каблуке, правда, не в цвет, сияющая счастьем белозубая улыбка, – единожды живём!

Марина завидовала сама себе, – пусть не приходит, мне и без него хорошо! Какого лешего загнала себя в тупик безысходности? Жизнь прекрасна! Возражения не принимаются.

Приподнятое настроение было слишком заметным. На неё заглядывались даже юноши, не говоря уже о зрелых мужчинах, которые на расстоянии чувствуют избыток адреналина у взбудораженных романтической лихорадкой женщин, которые не просто кажутся, реально выглядят чаровницами.

Вчерашнего обидчика она не узнала сразу. Сегодня он выглядел сногшибательно, казался моложе, – простите, юная фея, – чересчур театрально, с виноватой мимикой пробасил мужчина, протягивая малюсенький букетик разноцветных экзотических цветов, – с розами и хризантемами сложно управляться. Мы же с вами намерены прогуляться. Я правильно понял ваше игривое настроение?

– Это комплимент или снисходительная ирония?

– Искреннее восхищение. Не ожидал лицезреть подобное воодушевление. Неужели оно посвящено мне? Чудо дивное,

принцесса! Если честно, давно хотел с вами познакомиться. Меня Вадим зовут. Мы ведь каждый день ездим одним маршрутом. Приглашаю на ужин. Должен же я хоть таким образом реабилитироваться. Мне искренне жаль вашу милую ножку. Кстати, у меня сюрприз. Вы будете удивлены, но наши мысли случайно совпали. Я ведь наблюдал за вами. Издалека. Заметил, что бирюзовый – ваш цвет. К новому платью необходимы новые туфельки. Если не ошибаюсь, тридцать пятый размер. Бирюзовые. Позвольте помочь с примеркой. У меня цепкий глаз. Издержки профессии. Должны прийти в пору. Какая же вы сегодня волшебная...

– Тьфу-тьфу, не сглазьте! Чересчур много ел. Начинаю бояться. Слишком хорошо – тоже плохо.

Марина незаметно ущипнула себя, скрестила за спиной пальцы, – тринадцатый, ты ещё здесь, – не веря в происходящее, шёпотом спросила она, проваливаясь в нирвану удивительно вкусного блаженства.

Отступить или прятаться поздно. Да и зачем, если реальность превосходит ожидание?

– Предупреждаю витающий в воздухе вопрос: вдовец. Трагическое стечение обстоятельств. Сын живёт отдельно. Проблем с жилплощадью не имею. О прочих нюансах судить вам. И ещё... на остановке меня ждала сватья. Вчера дедушкой стал.

– Такой молодой и уже дедушка! Поздравляю! Предлагаете алаверды? Ладно. Два года, как разведена. Детей двое. Но

это абсолютно ничего не значит. Просто ... накричала на вас на пустом месте. Никакой красоты. Я ведь совсем не такая. И не свататься пришла.

– Согласен. Кто же серьёзные вопросы на голодный желудок решает. Сначала следует подкрепиться. Помните, как в сказке – напои, накорми...

– Спать уложи. Да вы проказник, любезнейший. Не успели познакомиться и сразу такое. У меня щёки пылают.

– Я представился, дело за вами.

– Марина. Марина Леонидовна.

– Вот и познакомились. Позвольте вашу прелестную ножку для примерки. Что-то я волнуюсь.

– Погода такая. Мне тоже будто бы нездоровится. По вам не скажешь, что страдаете излишней застенчивостью. Атакуете сразу на всех фронтах. Просто кавалерист какой-то. Шашку наголо и в бой. Уж не задумали ли вы чего-то не скромное, дерзкое?

– Боже упаси. Я шампанское заказал, мясо в горшочках с грибами и овощами. Как вы относитесь к шипучим напиткам? Замечательный сегодня день. Посмотрите, какое небо. Звёзд будет тьма.

– Так я и думала. Вечерний пейзаж, лунная дорожка, звёздное небо, бокал вина на брудершафт. Торопитесь. Или я безвозвратно отстала от жизни. Танцевать хочу. Это нормально?